

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 18. № 2
2023

Vol. 18. No. 2
2023

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.3. Археология (исторические науки);
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки);
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (философские науки)

Направление номера журнала

Философские науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (г. Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках философии. Представлены исследования по экзистенциальной философии, философии общества и аксиологии культуры.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2023

Редактор К. Р. Потапова, редактор перевода В. М. Ерёмкина, технический редактор Г. А. Зенкова.

Подписано в печать 26.06.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023.
Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 23031.

Усл. печ. л. 19,4. Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 5.6.1. National history (historical sciences);
- 5.6.2. Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 5.6.3. Archeology (historical sciences);
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences);
- 5.6.5. Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and journalism (philological sciences);
- 5.9.9. Media communications and Journalism (philosophical sciences)

Journal Issue direction

Philosophical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Liga, Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);

Subbotina, Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society – new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community. The content of the issue presents an understanding of sociocultural problems and axiological practices within the framework of philosophy. The issue covers the studies in existential philosophy, philosophy of society and axiology of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2023

Editor K. R. Potapova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Technical editor G. A. Zenkova.

Signed to print 26.06.2023. Date of publication 30.06.2023.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 23031.

Conv. quires 19,4. Ed.-print quires 17,1. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price.

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (г. Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (г. Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (г. Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (г. Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (г. Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (г. Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (г. Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (г. Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (г. Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (г. Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (г. Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (г. Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (г. Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (г. Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (г. Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (г. Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (г. Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (г. Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (г. Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (г. Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnikov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Даренская В. Н.</i> Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции	8
<i>Зими́на Н. С.</i> Социокультурные типы личности трансграничного региона	18
<i>Субботина Н. Д., Лушина Е. А.</i> Методологические подходы к исследованию феномена материнства	27
<i>Типикина А. А.</i> Женская тема в творчестве В. С. Соловьёва	37
<i>Щеткина И. А., Цзян Дань, Сундуева Д. Б.</i> Китайские мигранты как социальная группа в социогуманитарном знании: теория и практика	47
<i>Фортуна́тов А. Н., Воскресенская Н. Г.</i> Игра как онтологическая практика	57
<i>Фатенков А. Н., Давыдов А. А.</i> Философия: апологетический этюд	68

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Ардашев Р. Г.</i> Философия суицида в виртуальном пространстве	77
<i>Гаврилова Ю. В.</i> Государственно-религиозные отношения в системе безопасности России	86
<i>Жуков А. В., Лига М. Б., Захарова Е. Ю.</i> Концептуализация теоретических представлений о религиозной безопасности в контексте западных исследований взаимодействия общества и религии	96
<i>Изуткин Д. А.</i> Врач в сфере искусственного интеллекта: действующий субъект или пассивный наблюдатель?	105
<i>Плебанек О. В.</i> Мир как экзистенциальная безопасность: концепция мира третьего поколения	112
<i>Полюшкевич О. А.</i> Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ	124
<i>Черникова И. В.</i> Проблема самопонимания человека в эпоху вызовов технологически развивающегося мира	133

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

<i>Мерцалов В. И.</i> История и современность в учебном пособии профессоров А. В. Постникова и М. В. Константинова	142
<i>Мисонжников Б. Я., Мельник Г. С.</i> Человек интеллектуальной честности: философ, культуролог, логик (Солонин Юрий Никифорович – учёный Санкт-Петербургского государственного университета)	153

CONTENTS

CULTURE AND SOCIETY

Darenskaya V. N. Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition	8
Zimina N. S. Socio-Cultural Personality Types of the Cross-Border Region	18
Subbotina N. D., Lushina E. A. Methodological Approaches to the Study of the Phenomenon of Motherhood	27
Tipikina A. A. Women's Theme in the Works by V. S. Solovyov	37
Shchetkina I. A., Jiang Dan, Sundueva D. B. Chinese Migrants as a Social Group in Socio-Humanitarian Knowledge: Theory and Practice	47
Fortunatov A. N., Voskresenskaya N. G. The Game as an Ontological Practice	57
Fatenkov A. N., Davydov A. A. Philosophy: An Apologetic Etude	68

HUMANISTIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Ardashev R. G. Philosophy of Suicide in Virtual Space	77
Gavrilova Y. V. . State-Religious Relations in the Russian Security System	86
Zhukov A. V., Liga M. B., Zakharova E. Yu. Conceptualization of Theoretical Ideas on Religious Security in the Context of Western Studies of Interaction Between Society and Religion	96
Izutkin D. A. A Physician in the Sphere of Artificial Intelligence: An Active Subject or Passive?	105
Plebanek O. V. The World as Existential Security: The Concept of Peace of the Third Generation	112
Polyushkevich O. A. The Consequences of the Pandemic: Pro-Social Practices and Community Solidarity	124
Chernikova I. V. The Problem of Human Self-Understanding in the Era of Challenges of the Technologically Developing World	133

PEOPLE. EVENTS. TIME

Mertsalov V. I. History and Modernity in the Textbook by Professors A. V. Postnikov and M. V. Konstantinov	142
Misonzhnikov B. Yu., Melnik G. S. A Man of Intellectual Integrity: A Philosopher, a Culturologist, a Logician (Solonin Yury Nikiforovich – Scientist of St. Petersburg State University)	153

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-8-17

Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции

Вера Николаевна Даренская

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия
vera_darenskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>

В статье рассматривается категория отчуждения в контексте традиции как философской категории. Актуальность данного ракурса рассмотрения проблемы состоит в поиске культурно-онтологических оснований преодоления феноменов отчуждения личности как процесса реновации культурной традиции. Цель статьи состоит в анализе социокультурного отчуждения как формы разрушения духовного бытия человека, интегрально представленного в форме традиции. Обоснована гипотеза, в соответствии с которой актуальной является категория традиции как воспроизводства духовной жизни в формах социокультурной практики человека. Отчуждение может рассматриваться как результат разрыва духовной и социокультурной традиции. Обоснован вывод о том, что только освоение социокультурной традиции и её главного духовно-мировоззренческого «ядра» позволяет человеку стать личностью и закрепить умения и навыки, с помощью которых личность может преодолеть проблемы в своей жизни, найти новые, эффективные формы взаимодействия с социокультурной средой и гармонизации своего внутреннего мира для предупреждения самоотчуждения. Живая культурная традиция и связь поколений является главным фундаментом для гармоничного личностного бытия. Поэтому главный «ключ» к решению проблемы отчуждения – это восстановление разрушенных традиций духовного бытия человека в их конкретных социокультурных формах, каковыми всегда были и остаются религия, искусство, мораль и традиционная этика. В настоящее время это восстановление de facto стало государственной стратегией России, без которой невозможно её выживание в современном конкурентном мире. Это открывает новую перспективу философско-культурологических исследований, как форм бытия традиции в культуре, так и её духовно-ценностного содержания.

Ключевые слова: отчуждение, традиция, культура, личность, «Я»

Original article

Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition

Vera N. Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia
vera_darenskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>

The article considers the category of alienation in the context of tradition as a philosophical category. The purpose of the article is to analyze sociocultural alienation as a form of destruction of a person's spiritual being, integrally represented in the form of tradition. The hypothesis is substantiated, according to which the category of tradition as reproduction of spiritual life in the forms of socio-cultural practice of a person is relevant. Alienation can be considered as a result of the rupture of a spiritual/socio-cultural tradition. The conclusion is substantiated that only the development of the socio-cultural tradition and its main spiritual and ideological "core" allows a per-

© Даренская В. Н., 2023

son to become a person and consolidate the skills and abilities with which a person can overcome problems in his life, find new, effective forms of interaction with the socio-cultural environment and harmonize his inner world to prevent self-alienation. A living cultural tradition and the connection of generations is the main foundation for a harmonious personal existence. Therefore, the “key” to solving the problem of alienation is the restoration of the destroyed traditions of human spiritual existence in their specific socio-cultural forms including religion, art, morality and traditional ethics. Currently, this de facto restoration has become the state strategy of Russia, without which its survival in the modern competitive world is impossible. This opens up a new perspective of philosophical and cultural studies of both the forms of existence of tradition in culture and its spiritual and value content.

Keywords: alienation, tradition, culture, personality, “Self”

Введение. Отчуждение личности от социокультурного наследия (образования, национального воспитания, веры, обычаев, правил обитания, жизнеустройства и др.) проявляется деперсонификацией, дегуманизацией личности и деградацией общества, в целом. Разрушение основ социального и культурного порядка выталкивает человека в «пустое пространство», где он теряется. Характерная для традиционного общества интеграция, в основу которой положена органическая солидарность, уступает место индивидуализму и дезинтеграции технократического общества. Исследование феномена отчуждения является актуальной задачей для решения проблем обезличивания, десоциализации, маргинализации, равнодушия и потери смысла в современном мире. Актуальность данного ракурса рассмотрения проблемы состоит в поиске культурно-онтологических оснований преодоления феноменов отчуждения личности как процесса реновации культурной традиции.

Цель статьи состоит в рассмотрении социокультурного отчуждения как универсальной формы разрушения духовного бытия человека, которое интегрально представлено в форме традиции. Две основные задачи анализа состоят в определении объективной структуры форм отчуждения и формулировки принципа их преодоления.

Методы и методология исследования. В новейшей «Стенфордской энциклопедии» феномен отчуждения определяется как «особый вид психологического или социального недуга, а именно тот, который связан с проблематичным разделением между “я” и Другим, которые принадлежат друг другу»¹. Новейшие авторы выделяют в качестве особо важного феномена «самоотчуждение» – ситуацию, «когда человек испытывает социальное отчуждение, он

может отрицать свои собственные личные интересы и желания, чтобы удовлетворить требования, предъявляемые другими и /или социальными нормами» [1]. Более широкое определение состоит в том, что «отчуждение – это процесс, при котором личные и первичные отношения ослабевают. Таким образом, индивид может оказаться изолированным и почувствовать, что общество или группа, членом которых он/она является, не столько его/её собственные, и приходит к убеждению, что они не могут удовлетворить его/её ожидания и/или амбиции как личности, и покидает их. Как социальное явление, отчуждение в основном состоит из таких характеристик, как бессилие, бессмысленность, изоляция и самоотчуждение»².

Пакистанский философ Хамид Сарафраз обобщил историю понимания отчуждения следующим образом: «Отчуждение, хотя и является теоретическим понятием, всегда было феноменом, вызывающим центральное беспокойство в социологическом анализе. Первоначально, в богословских трудах, это обозначало удаление от Бога. Странники теории общественного договора рассматривали отчуждение как благоприятствующее установлению нового социального порядка» [2, р. 45]. Вместе с тем, в целом, в современном дискурсе доминирует социо-центрическое понимание отчуждения в соответствии с тезисом: «Люди – социальные существа, и их существование предполагает взаимность с обществом, которая нарушается под воздействием отчуждения» [3]. Соответственно, сама проблема отчуждения и его преодоления непосредственно связана с категориями свободы и достоинства личности [4]. В мире до сих пор широко представлена марксистская трактовка кате-

¹ Leopold David. “Alienation”, The Stanford Encyclopedia of Philosophy / eds E. N. Zalta, U. Nodelman. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/alienation> (дата обращения: 21.02.2023). – Текст: электронный.

² Alienation: A social-psychological hindrance preventing common people from coming together to create unity and solidarity. 2020. – URL: <https://thetruthisfreedom.wordpress.com/2020/06/13/alienation-a-social-psychological-hindrance-preventing-common-people-from-coming-together-to-create-unity-and-solidarity> (дата обращения: 21.02.2023). – Текст: электронный.

гории отчуждения и её дальнейшая разработка в рамках «критической социальной теории» [5–7]. Новейшей обобщающей работой здесь является монография немецкого философа Рахель Джегги «Отчуждение» (2014) [8], которая является феноменологической [9].

Среди современных отечественных авторов наблюдается явная тенденция к экзистенциалистской трактовке отчуждения, связывания этого феномена с категориями-экзистенциалами «заброшенности», «деструктивности» и «расщеплённости» человека [10–14].

В рамках отечественной философии культуры до настоящего времени также разрабатывается привычный подход к пониманию отчужденного бытия человека как «частичного индивида» [15; 16], но вместе с тем в русской философии появились подходы к пониманию феномена отчуждения в рамках религиозного мировоззрения. Такова, например, концепция философа-религиоведа Д. Пивоварова [17], в которой отчуждение трактуется как следствие первородного греха человека, преодолеваемого только на основе религиозной веры и практики религиозной жизни. Данный подход не противоречит привычным социокультурным подходам, доставшимся «в наследство» от советской философии, однако эти разноуровневые подходы могут быть синтезированы только на основе более широкой парадигмы, которая соединяет в себе анализ форм «земного» бытия человека с духовными процессами становления личности.

В данной статье будет обоснован подход, в соответствии с которым социокультурное отчуждение взаимообусловлено с духовным бытием человека. Для этого актуальной является категория традиции как воспроизводства духовной жизни в формах социокультурной практики человека. Отчуждение может рассматриваться как результат разрыва духовной/социокультурной традиции.

В основу такого анализа положены феноменологический и герменевтический методы, которые позволяют понять экзистенциальную природу отчуждения. В частности, первый из этих методов фиксирует феномены отчуждения в личностном бытии человека и в социальных формах опредмечивания культуры. В свою очередь, герменевтический метод осуществляет обратную операцию – распредемечивание смыслов

этих форм. Таким образом, данные методы связаны между собой диалектически, что позволяет рассматривать феномены отчуждения в их истоке и динамике.

Результаты исследования и их обсуждение. Отчуждение давно стало одной из основных философских проблем современности. Само отчуждение – это объективный процесс, характеризующийся превращением деятельности человека и его результатов в самостоятельную силу, которая господствует над ним и даже враждебна ему. Отчуждение связано с фетишизацией социокультурных отношений, которым приписываются такие социальные характеристики, которыми они не обладают, а мир культуры становится при этом не только чуждым, но и враждебным личности. Процесс отчуждения свойственен также и для духовной жизни общества, он охватывает как производственную, так и непроизводственную сферы деятельности, разнообразные формы идеологического давления. Выход из состояния отчуждения человека, как свидетельствует историческая практика, – сложный процесс, по-разному трактуемый в разных философских школах.

О деформирующем влиянии технократической цивилизации на человека писали многие философы XX в., отмечая, что создаются новые формы отчуждения, а его центр перемещается в социальную сферу, культуру и мораль. Вся предыдущая культура, которая развивалась в единстве и последовательности, в эпоху научно-технической цивилизации приобретает особые признаки социокультурной реальности, существенно отличающие ее от предыдущих типов культур. О судьбе Запада в контексте развития и упадка культуры писал О. Шпенглер и связывал «гибель Запада» с проблемой цивилизации. У каждой культуры, считает он, есть своя собственная цивилизация, а «цивилизация – неизбежная судьба культуры» [18, с. 163]. «Жизненная дезорганизация» европейской культуры и истории, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, привела к современному отчуждению и содержит «симптомы наступающего варварства». Становится резко заметным деление общества на элиту и массы и доминирование масс над творческим меньшинством, пренебрежительное отношение к науке, философии, элитарному искусству и т. д. Растёт популярность фальшивых кумиров, псевдоинтеллектуалов,

которые могут спровоцировать деструктивные действия большого количества людей, вопреки идеям прогрессивного развития общества, культуры и цивилизации.

Новые мировоззренческие ориентации определял М. Бердяев, у которого проблема отчуждения приобретает вид проблемы свободы и кризиса культуры, в основе которых осознание того, что по сравнению с человеческой личностью все остальное не имеет значения. Следовательно, важно признать примат личностного над социальным и провозгласить свободу личности в качестве абсолютной ценности. Одним из первых мыслителей акцентирует внимание на признаках отчужденного характера социальных ценностей и социальных движений. Он пытается понять причины несвободы и отчуждения человека и приходит к выводу, что этому способствует характер современной культуры. Он категорически отрицает безответственные попытки разжигания инстинктов масс, что чревато неконтролируемой стихией насилия и считает, что такая борьба не приносит свободы, в лучшем случае одна несвобода заменит другую.

Согласно Н. А. Бердяеву, только формирование нового религиозного сознания может прояснить социальную ситуацию, сущность человеческого духа и свободы. Внимание Н. Бердяева сосредоточено на теме взаимодействия человека и техники, техники и культуры. Без технического прогресса невозможно развитие культуры, но приближение технократической цивилизации и окончательная победа техники приведёт культуру к гибели, отчуждению техники от человека и культуры, подмена жизненных целей техническими средствами означает угасание духа. Отчуждённость исторического процесса от человека является основной опасностью для культуры и самого существования людей.

О том, что «человек больше не в состоянии обеспечить пределы собственного бытия... частное... получает некоторый совершенно новый оттенок – оттенок всеобщности, но параллельно оно теряет свои сущностные свойства охраны и защиты. Исчезает “другой” и вместе с ним размывается самостоятельность. Болезненность состояния отчуждения снимается» [19, р. 133] писал Ж. Бодрийяр. В книге «Одномерный человек» Г. Маркузе отмечал, что «понятие отчуждения делается сомнительным, когда

индивиды отождествляют себя со способом бытия, навязанным им, и в нём находят пути своего развития и удовлетворения. И это отождествление – не иллюзия, а действительность, которая ведёт к новым степеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия» [20, с. 15]. Однако что именно «поглощается» в субъекте?

Здесь возникает вопрос о той первичной «природе» человека, которая отчуждается – то есть, не реализуется в бытии, а словно расщепляется и противопоставляется самой себе, точнее, свои превращённым, «ложным» формам. Например, Э. Фромм определял отчуждение как «способ восприятия, при котором человек чувствует себя как несколько отчужденное... становится как бы отстраненной от самой себя... не чувствует себя центром мира, двигателем своих собственных действий... потерял связь самого с собой, как и со всеми другими людьми... воспринимает себя, так же как и других, подобно тому как воспринимают вещи – с помощью чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самой собой и внешним миром» [21, с. 143]. Отчуждение, по Фромму, связано с рутинизацией современной жизни и «вытеснением осознания основополагающих проблем человеческого существования» [Там же, с. 168]. Это приводит к потере чувства реальности, подавленности и депрессиям; это состояние, при котором человек способен лишь фотографически воспринимать мир, теряя контакт с миром внутренним.

В труде «Бытие и Ничто» Ж.-П. Сартр связывает понятие отчуждения (alienation) с субъективным опытом, который возникает при встрече с Другим: «Моё отчужденное Я, которое предстаёт перед другим как объект, не совпадает с моим реальным Я и я отрицаю его, однако в самом акте отрицания я признаю его частью себя и это отчужденное и отрицаемое Я являюсь одновременно моей связью с другим и символом нашего абсолютного разделения» [22, с. 307]. Эта внутренняя диалектика отчуждения как самоотчуждения, показанная Ж.-П. Сартром, важна для поиска путей его преодоления.

Интерес для данной проблемы представляет и концепция С. Рубинштейна, у которого речь идёт об отчуждении человека от бытия и бытия от человека в познаватель-

ном и этическом аспектах. Содержание первого заключается в «вынесении сознания за пределы бытия, сущего, в отрыве чистого сознания от реального человека как субъекта познания – деонтологизация человека, с одной стороны, и возведение всего сущего, бытие лишь к веществу – с другой» [23, с. 284]. Главный, экзистенциальный аспект отчуждения С. Рубинштейн раскрывает следующим образом: «Задача реализовать человека в его жизни – это задача преодолеть отчуждение от человека как явления его человеческой сущности» [Там же, с. 376]. Соответственно, преодоление отчуждения на уровне «идеального», которое существует в виде идеи, идеала, ценности, долга и т. д., возможно не путём их перечёркивания, а путём их реализации. Проблема «отчуждения» возникает при сведении человека к общественной «маске», к носителю определённой общественной функции: «Человек находит всю полноту своего бытия и раскрывается во всех своих человеческих качествах в соответствии с тем, как он относится ко всем сторонам бытия, жизни... Человек, отчуждённый от природы, от жизни, безразличен к игре его стихийных сил, не способен соотнести себя с ними, перед лицом этих сил найти свое мнение и утверждать своё человеческое достоинство – это жалкий, мелочный человек» [Там же, с. 377].

В отечественной философии исследование феномена отчуждения резко активизировалось на рубеже 1980–1990-х гг. по вполне понятным историческим причинам. В одной весьма содержательной конференции 1990 г., посвящённой проблеме отчуждения, прозвучали, например, следующие точки зрения. В частности, И. И. Кальной отметил, что отчуждение становится реальностью там, где посредник жизнедеятельности людей из системы их обеспечения превращается в систему самообеспечения, преобразуя субъект деятельности в объект манипулирования. В. Н. Сагатовский рассмотрел проблему преодоления отчуждения в культурах разного типа. В одном случае преодоление отчуждения, понимаемого в рамках субъектно-объектных отношений, ведёт к свободе, а противоположностью отчуждения является присвоение. Такое отношение к отчуждению характерно для культуры Запада, современного индустриального общества. С точки зрения субъектно-субъектных отношений, противоположностью отчуждения

выступает родственность, а с точки зрения трансцендентного бытия – сопричастность к универсуму. В этих случаях «горизонтом» преодоления отчуждения является соборность. Решение глобальных проблем современности и возрождение нашего общества требует прорыва за узкое понимание отчуждения в рамках субъектно-объектных отношений. В. М. Лейбин поставил вопрос о формировании «культуры отчуждения». Нужна особая культура отчуждения, позволяющая учиться компромиссу, овладевать искусством сосуществования с теми видами отчуждения, которые могут дать положительный эффект, или с теми, которые не под силу преодолеть обществу на данном этапе его развития [24].

В современном обществе человек отчуждён, прежде всего, сам от себя. Сливаясь с пассивной толпой, теряет свою индивидуальность, волевое, прогрессивное начало, может легко попасть под влияние умелых манипуляторов. Пренебрежительное отношение к предыдущим культурным традициям негативно сказалось и на формировании типа современного человека, превратило его в носителя разнонаправленных импульсов, трудно поддающихся контролю и содержащих угрозу, как для самого человека, так и для настоящего и будущего общества и культуры. Как никогда актуально звучит утверждение о том, что цивилизация XIX в. создала посредственный тип человека и забросила его в новые условия индустриального, перенасыщенного мира.

Массовая культура, наука и техника, рынок – это силы, созданные массовым обществом, на сегодняшний день выходят из-под его контроля и проявляются как самостоятельные, бесконтрольные, отчужденные образования. Поэтому мы говорим о «текущей современности» (З. Бауман), признаком которой является подвижность, проницательность границ со сложным ризоматическим переплетением линий современного общественного и индивидуального развития личности. Формирование определённых внутренних свойств личности, нужных для удачного взаимодействия в социокультурной среде, происходит тогда, когда происходит присвоение традиций, нравственных норм, системы ценностей, присущих данной среде. Если эти процессы в силу каких-либо причин нарушаются, то происходит отчуждение личности от социокультурного простран-

ства, которое существует только в форме традиции.

Философы «интегрального традиционализма» почти сто лет назад очень ярко и глубоко диагностировали процессы отчуждения именно как следствие разрушения глубинной социокультурной традиции, воспроизводящей духовное бытие человека. В частности, Юлиус Эвола (1898–1974) в книге «Люди и руины» (1953) писал: «мы решительно выступаем против мифа так называемого “социального прогресса” как ещё одной навязчивой и болезнетворной идеи, типичной для экономической эры в целом, поскольку её исповедуют не только представители левых движений. В этом отношении эсхатологические марксистские воззрения совпадают с “западными” мечтами о prosperity в обоих случаях исходное мировоззрение и последствия по сути тождественны... утверждается концепция материалистического общества, отчуждающая человека и социальный строй ото всякого высшего порядка и высшей цели, признающая в качестве последней исключительно пользу в чисто физическом, растительном, приземленном понимании, ставшую критерием прогресса и полностью перевернувшую ценности, присущие традиционным структурам. Ведь законом, смыслом и достаточным основанием подобных структур всегда было стремление связать человека с чем-то превосходящим его, с тем, по отношению к чему экономика и материальный достаток или бедность занимают подчинённое положение. На индивидуальном уровне наиболее ценные в человеке качества, собственно и делающие его человеком, нередко пробуждаются в суровой атмосфере нужды и несправедливости, в обстановке, которая бросает человеку вызов, подвергает его духовному испытанию; однако эти качества почти неизбежно угасают, когда человеческому животному обеспечены максимально удобная, безопасная жизнь и равная доля благоденствия и счастья, пристойного стадному животному, которое остаётся таковым, несмотря на радио, телевидение и самолеты, Голливуд и спортивные стадионы или культуру Reader’s Digest. Повторим вновь: духовные ценности и уровень человеческого совершенства никак не связаны с общественно-экономическим достатком или нуждой» [25, с. 99–100]. «Руины» – это ключевая философская метафора Ю. Эволы,

обозначающая то, что осталось от мира без Традиции в символическом смысле этого слова, в котором люди фактически утратили духовную жизнь и понятие духовной иерархии, а все их устремления ушли в одну лишь корыстную, утилитарную плоскость. Мы живем в «цивилизации руин» – в том смысле, что разрушение традиций стало необратимым, и для их нового бытия нужны специальные сознательные усилия.

Человек, «заброшенный» в потребительское общество, не может по достоинству оценить усилия прошлых поколений, не чувствует ответственности за нынешнее, за сохранение и приумножение достояний своих предков. Такая неуравновешенность прав и обязанностей дезорганизует человека, отрывает от истинной сущности жизни, в которой всегда есть непредсказуемость, угрозы, отрешенность. Воплощением противоречивой сущности человеческой жизни стало формирование нового типа личности, который по-разному называют исследователи – «человек самодовольный», «человек массы», «одномерный человек». Тотальное доминирование ценностей технократической рациональности является одной из форм дегуманизации современного социума, угрожающего существованию человечества. Технократизм, по мнению ведущих современных философов, остаётся основным социокультурным фактором дегуманизации и отчуждения. Научно-технический прогресс в корне изменил современный мир, «техническая рациональность» формируется как особая мировоззренческая парадигма. Современный научно-технический прогресс давно уже приобрел самостоятельные, враждебные для человека формы развития, разрушающие человека, индивидуальность, отчуждающие личность от сущностных потребностей через «массовый обман» – всю массовую культуру современного общества, как о ней говорят М. Хоркхаймер и Т. Адорно. Господство инструментального разума блокирует развитие общества и ведёт к разрушению цивилизации. Но человечество может выбрать креативно-эстетический путь развития, противопоставить тотальной рациональности и отчуждению творческого потенциала социума.

Хотя мышление современного человека, на их взгляд, разрушительно, но шанс открывается в способности к теоретическому воображению, что способствует твор-

ческому высвобождению человека. Такая творческая свобода способствует созданию альтернативной эстетической реальности, возвышающейся над массой людей с потребительским мировоззрением. Этот шанс напрямую связан с высоким искусством, которое учит человека проникать в глубины человеческого бытия, развивает свободу мысли и открывает самые сокровенные и лучшие стороны человеческой души. Следовательно, отчуждение развивается в условиях, когда заблокирована возможность реализации потребностей человека, вследствие чего возникают деформированные желания, и формируется непродуктивная ориентация характера. В то же время, эстетическое начало и разум определяют творческий подход к жизни и поддерживают позитивную жизненную позицию, в основе которой творческий труд, познание и любовь, поэтому кроме творческого отношения к окружающему миру, преодолеть отчуждение можно и через любовь как жизненную установку.

Порядок жизни современного общества всё больше определяет технократическое мировоззрение, в основе которого взгляд на технику как основополагающий фактор развития общества и культуры. «Способ отношения техники к природе и человеку не заложен в самой технике, а зависит прежде всего от вопросов, которые человек ставит перед природой, от способа и манеры их ставить, от намерений, для осуществления которых человеку нужна природа и для которых раскрываются его законы», – отмечает П. Козловский [26, с. 47].

Современный человек всё больше чувствует сжатие времени и пространства, по всему миру люди становятся «ближе» друг к другу благодаря новейшим техническим средствам. Для многих людей всё более актуальной становится проблема сокращения дистанции и одновременно радикальных изменений в обустройстве человеческого сосуществования и социальных условий, отражающихся в переходе от устойчивой современности к ускоренной, ускользящей «текущей современности» (З. Бауман). Ценностные традиции в духовной сфере, социальном бытии, в культуре, в понимании себя для современного человека постепенно начинают утрачивать стойкие формы, растворяться в новых версиях культуры. Поэтому говорят о «текущей современности», или

обществе «второй современности», нормой для которого является подвижность, проницательность границ со сложным ризоматическим переплетением линий современного общественного развития и индивидуального развития личности. Поэтому, наряду с технократизмом, другим, не менее действенным, социокультурным фактором отчуждения и самоотчуждения, становятся особенности массового общества как качественно нового типа социума.

В мире информационных технологий человек превращается в множественного субъекта, основными характеристиками которого становятся лёгкость общения и зависимость от новых средств коммуникации, бестелесность, анонимность и обезличивание как следствие влияния массовой культуры на личность. На сегодняшний день заметно разрушение нравственной культуры личности, явное ослабление регулятивной функции морали, являющейся одной из важнейших составляющих системы мировоззренческих ценностей личности. В свою очередь разрушительные (анти)ценностные установки, воплощённые в форме псевдохудожественности, находят оценочно-императивные образы в нормах, нравственных аспектах, мотивации и действиях потребителей массового искусства, которое становится своеобразным средством нравственной регуляции.

Такая культура начинает формировать в сфере массового сознания потребителей ведущие ориентации на духовное и материальное потребление, конформизм и индивидуализм, закрепляет в сознании человека определенную шкалу оценок, формирует систему мотивов и определяет её действия. Псевдоценности массовой культуры объективируются в индивидуальной позиции личности, ситуации морального выбора и в формах престижного потребления. В потребительском обществе произошло смещение понятий, рыночное понимание ценности, доминирование обменной ценности над полезностью привело к тому, что подобное понятие ценности стали применять в отношении людей. Более того, его стали использовать люди по отношению сами к себе.

Рыночная ориентация в качестве доминирующей получила ускоренное развитие в цивилизационном обществе в результате формирования так называемого «личностного рынка», на котором представлены люди

любой профессии. Каждый, кто хочет добиться успеха, должен удовлетворить одно условие – стать популярным на рынке, предложив, независимо от индивидуальности, такой тип личности, который пользуется спросом.

Все свои усилия человек начинает направлять не на самопознание, саморазвитие, гармонизацию взаимоотношений с окружающим миром, а на то, чтобы стать конкурентоспособным товаром. В таких условиях человек и себя воспринимает одновременно и как товар, и как продавца. Рыночная ориентация заставляет личность постоянно приспосабливаться, перестраиваться, обезличиваться, зависеть от мнения других или независимо от своих желаний, придерживаться того жизненного сценария, выполнять ту роль, которая уже принесла успех. Таким образом, человек лишается возможностей для творческого саморазвития и самореализации. Рыночная личность должна быть готова отказаться от своей неповторимости, уникальности, если это вступает в конфликтное взаимодействие с требованиями рынка и избавиться от собственной индивидуальности, чтобы соответствовать желаемому образцу.

Средства массовой информации в современном обществе приобретают большую силу, пропагандируют гедонистическое отношение к жизни и закрепляют состояние бездумного, бесконтрольного потребительского отношения к искусству. В качестве эры тотальной симуляции рассматривает Ж. Бодрийяр нашу современность. Людям не хватает живого общения, возможности обменяться живыми чувствами и эмоциями, поделиться мыслями. Утрата реальных контактов усиливает позиции средств массовой информации и их влияние на массовизированную аудиторию. Это порождает специфику мироощущения современного массмедийного состояния общества и общественного сознания. В результате современный человек живёт в пространстве гиперреальности и воспринимает его более реально, чем сама реальность.

Постепенно она теряет свою основную функцию формирования активного субъекта культуротворческого развития настроенного «быть», а вместо него формирует личность с потребительским мировоззрением «иметь», что значительно усиливает отчуждение человека от культурных ценностей и самого себя. Живая культурная традиция и связь поколений является главным фундаментом для гармоничного личностного бытия. Поэтому главный «ключ» к решению проблемы отчуждения – это восстановление разрушенных традиций духовного бытия человека в их конкретных социокультурных формах, каковыми всегда были и остаются религия, искусство, мораль и традиционная этика. В настоящее время это восстановление de facto стало государственной стратегией России, без которой невозможно её выживание в современном конкурентном мире. Это открывает новую перспективу философско-культурологических исследований форм бытия традиции в культуре и её духовно-ценностного содержания.

Заключение. В социокультурном пространстве всегда существуют определённые формы отчуждения, которые являются неизбежными в силу разрыва социокультурных и духовных традиций. Освоение социокультурной традиции и её главного духовно-мировоззренческого «ядра» позволяет человеку стать личностью и закрепить умения и навыки, с помощью которых личность может найти эффективные формы взаимодействия с социокультурной средой и гармонизации своего внутреннего мира для предупреждения самоотчуждения. *Основой этого процесса является сознательная интенция на освоение традиции как главной (наряду с творчеством) ценности культуры.* Освоение культурных традиций предыдущих поколений позволит возродить и сохранить русскую духовную культуру, а стремление российского общества к переменам должно получить поддержку в духовном и социокультурном пространстве.

Список литературы

1. Crossman Ashley. Understanding Alienation and Social Alienation. ThoughtCo, Oct. 29, 2020. URL: [thoughtco.com/alienation-definition-3026048](https://www.thoughtco.com/alienation-definition-3026048) (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.
2. Sarfraz Hamid. Alienation: A Theoretical Overview // Pakistan Journal of Psychological Research. 1997. Vol. 12, no. 1–2. P.45–60.
3. Joseph S. E. Unpacking the Concept of Alienation (2021). URL: <https://medium.com/@sandra-elizabeth/unpacking-the-concept-of-alienation-5ff51df0b784> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.
4. Gilabert P. "Alienation, Freedom, and Dignity" // Philosophical Topics. 2020. No. 48. P. 51–79.

5. Kandiyali J. The Importance of Others: Marx, Unalienated Production and Meaningful Work // *Ethics*. 2020. No. 130. P. 555–587.
6. Matthias Andreas. What is Alienation? Karl Marx on how society fails us. 2021. URL: <https://daily-philosophy.com/what-is-alienation> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.
7. Yalvaç F. Alienation and Marxism: An Alternative Starting Point for Critical IR Theory. 2022. URL: <https://www.e-ir.info/2022/01/27/alienation-and-marxism-an-alternative-starting-point-for-critical-ir-theory> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.
8. Jaeggi R. *Alienation*. New York: Columbia University Press, 2014. 304 p.
9. Evans Justin. Rahel Jaeggi's theory of alienation // *History of the Human Sciences*. 2021. No. 4. P. 1–18. DOI: 10.1177/09526951211015875.
10. Исаченко Н. Н. Отчуждение как детерминанта деструктивности современного общества // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2018. № 1. С. 25–30.
11. Исаченко Н. Н. Отчуждение как социальный феномен современного общества // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 5, вып. 48. С. 66–70.
12. Савельев В. Б. Отчуждение как фундаментальная предпосылка модерной субъективности // *Вестник Омского университета*. 2019. Т. 24, № 1. С. 78–56.
13. Казанцева В. А. Кризис субъектности в современном обществе // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология*. 2022. № 4. С. 590–597.
14. Шкарин Д. Л. Отчуждение в неолиберальном обществе: к вопросу о трансформации социального субъекта современности // *Сибирский философский журнал*. 2019. Т. 16, № 2. С. 51–61.
15. Жилина В. А., Хныкин Д. А. Отчуждение и его роль в трансформации заброшенности современного социального субъекта // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 2, вып. 51. С. 57–61.
16. Мельников В. О. Отчужденный характер сущности человека как основное содержание кризиса современной цивилизации // *Вестник Пермского университета*. 2020. № 4. С. 541–542.
17. Пивоваров Д. В. Понятие отчуждения: альтернативные подходы // *Известия Уральского государственного университета*. 2007. № 54, вып. 4. С. 80–92.
18. Baudrillard J. *The Ecstasy of Communication* // *Postmodern Culture*. London: Semiotext, 1985. P. 126–134.
19. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории*. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 663 с.
20. Маркузе Г. *Одномерный человек*. М.: АСТ, 2020. 368 с.
21. Фромм Э. *Здоровое общество*. М.: АСТ: Транзиткнига, 2020. 571 с.
22. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика, 2000. 639 с.
23. Рубинштейн С. Л. *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
24. Кальной И. И., Новикова В. М., Чугунов С. Н. Отчуждение как социокультурный феномен // *Философские науки*. 1991. № 10. С. 179–181.
25. Эвола Ю. *Люди и руины*. М.: Опустошитель, 2019. 296 с.
26. Козловски П. *Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития*. М.: Республика, 1997. 240 с.

Информация об авторе

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент; Луганский государственный педагогический университет; 910011, Россия, г. Луганск, ул. Оборонная, 2; vera_darenskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>.

Для цитирования

Даренская В. Н. Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 2. С. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-8-17.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

References

1. Crossman, Ashley Understanding Alienation and Social Alienation. ThoughtCo, Oct. 29, 2020. Web. 12.02.2023. URL: [thoughtco.com/alienation-definition-3026048](https://www.thoughtco.com/alienation-definition-3026048) (In Engl.)
2. Sarfraz, Hamid Alienation: A Theoretical Overview. *Pakistan Journal of Psychological Research*, no. 1–2, pp. 45–60, 1997. (In Engl.)
3. Joseph, Sandra Elizabeth Unpacking the Concept of Alienation. Web. 12.02.2023. URL: <https://medium.com/@sandra-elizabeth/unpacking-the-concept-of-alienation-5ff51df0b784> (In Engl.)

4. Gilabert, Pablo "Alienation, Freedom, and Dignity". *Philosophical Topics*, no. 48, pp. 51–79, 2020. (In Engl.)
5. Kandiyali, Jan "The Importance of Others: Marx, Unalienated Production and Meaningful Work," *Ethics*, no. 130, pp. 555–587, 2020. (In Engl.)
6. Matthias, Andreas What is Alienation? Karl Marx on how society fails us. Web. 12.02.2023. <https://daily-philosophy.com/what-is-alienation> (In Engl.)
7. Yalvaç, Faruk Alienation and Marxism: An Alternative Starting Point for Critical IR Theory. Web. 12.02.2023. <https://www.e-ir.info/2022/01/27/alienation-and-marxism-an-alternative-starting-point-for-critical-ir-theory> (In Engl.)
8. Jaeggi, Rahel Alienation. New York: Columbia University Press, 2014. (In Engl.)
9. Evans, Justin "Rahel Jaeggi's theory of alienation." *History of the Human Sciences*, no. 4, pp. 1–18, 2021. DOI: 10.1177/09526951211015875. (In Engl.)
10. Isachenko N. N. Alienation as a determinant of the destructiveness of modern society. *Bulletin of the VSU*, no. 1, pp. 25–30, 2018. (In Rus.)
11. Isachenko, N. N. Alienation as a social phenomenon of modern society. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 5, pp. 66–70, 2018. (In Rus.)
12. Saveliev, V. B. Alienation as a fundamental prerequisite of modern subjectivity. *Bulletin of Omsk University*, no. 1, pp. 78–56, 2019. (In Rus.)
13. Kazantseva, V. A. The crisis of subjectivity in modern society. *Bulletin of Perm University*, no. 4, pp. 590–597, 2022. (In Rus.)
14. Shkarin, D. L. Alienation in neoliberal society: on the issue of transformation of the social subject of modernity. *Siberian Philosophical Journal*, no. 2, pp. 51–61, 2019. (In Rus.)
15. Zhilina, V. A., Khnykin, D. A. Alienation and its role in the transformation of abandonment of a modern social subject. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 2, pp. 57–61, 2019. (In Rus.)
16. Mel'nikov, V. O. Alienated nature of human essence as the main content of the crisis of modern civilization. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology*, no. 4, pp. 541–542, 2020. (In Rus.)
17. Pivovarov, D. V. The concept of alienation: alternative approaches. *Bulletin of the Ural Federal University*, no. 54, pp. 80–92, 2007. (In Rus.)
18. Baudrillard, J. The Ecstasy of Communication. In: *Postmodern Culture*. London, 1985: 126–134. (In Engl.)
19. Shpengler, O. The Decline of Europe. *Essays on the mythology of world history*. M: Mysl', 1998. (In Rus.)
20. Markuze, G. *One-dimensional man*. M: AST, 2020. (In Rus.)
21. Fromm, Je. *Healthy society*. M: AST: Tranzitkniga, 2005. (In Rus.)
22. Sartr, Zh.-P. *Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology*. M: Respublika, 2000. (In Rus.)
23. Rubinshtein, S. L. *Being and consciousness. Man and the world*. SPb: Piter, 2003. (In Rus.)
24. Kal'noy, I. I., Novikova, V. M., Chugunov, S. N. Alienation as a socio-cultural phenomenon. *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 179–181, 1991. (In Rus.)
25. Evola, Yu. *People and ruins*. M: Opustoshitel', 2019. (In Rus.)
26. Kozlovski, P. *Postmodern culture: socio-cultural consequences of technical development*. Moscow, Respublika, 1997. (In Rus.)

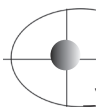
Information about author

Darenskaya Vera N., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Lugansk State Pedagogical University; 2 Oboronnaya st., Lugansk, 910011, Russia; vera_darenskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>.

For citation

Darenskaya V. N. Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-8-17.

**Received: March 11, 2023; approved after reviewing April 18, 2023;
accepted for publication April 21, 2023.**

Научная статья

УДК 171.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-18-26

Социокультурные типы личности трансграничного региона

Надежда Сергеевна Зими́на

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
13zimina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>

Окружающее пространство современного человека особенно динамично с точки зрения усложнения знаково-символьного окружения, изменения языка культуры, появления новых смыслов, интерпретаций. Осмысление и прогнозирование общественных процессов невозможно без анализа идентичности человека внутри определённого пространства. Цель статьи – выявление и социально-философский анализ социокультурных типов личности в условиях трансграничного региона. В статье делается попытка систематизации и упорядочивания особенностей и свойств личности в условиях социокультурного трансграничья. Выделение и исследование типов личности трансграничного региона способствует объективному прогнозированию поведения человека, его взаимоотношений с внешним пространством, развития территорий. Анализ социокультурных типов личности трансграничного региона выстраивается на исследовании взаимодействия и взаимовлияния культуры, общества и человека. В статье используются теория Р. Парка о маргинальном человеке в условиях глобальных миграций, теория поля К. Левина и его интерпретация жизненного пространства личности, работы А. И. Неклессы о трансграничном человеке и ландшафте трансграничья. Синтез разных методов позволил комплексно подойти к социокультурной типологизации личности. В исследовании трансграничный регион концептуализируется как внутренне структурированное пространство в пределах субъекта страны, образованное в результате социальных и культурных процессов под воздействием внутренних и внешних факторов, и определяется как региональная локализация национального социокультурного пространства. Присутствие внутри трансграничного региона требует от человека выбора своей принадлежности к той или иной культуре, ценностной, символично-смысловой системе. Выделенные типы (трансграничный, маргинальный, транзитный) отражают степень принятия (или непринятия) человеком определённых ценностей, традиций, правил, условий трансграничья. Предложенная типология позволяет сформулировать адекватную стратегию развития региона с учётом поведения и реагирования самой региональной личности внутри трансграничного пространства. Типы личности, возникающие как реакция на трансграничную социокультурную реальность, представляют собой результат идентификации человека внутри такого пространства.

Ключевые слова: трансграничный регион, социокультурное пространство, идентичность, трансграничная личность, маргинальная личность, транзитная личность

Original article

Socio-Cultural Personality Types of the Cross-Border Region

Nadezhda S. Zimina

Transbaikal State University, Chita, Russia
13zimina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>

The surrounding space of a modern person is especially dynamic in terms of the complication of the sign-symbol environment, the change in the language of culture, the emergence of new meanings and interpretations. Understanding and predicting social processes is impossible without analyzing the identity of a person within a certain space. The purpose of the article is the identification and socio-philosophical analysis of socio-cultural types of personality in the conditions of a transboundary region. The article makes an attempt to systematize and streamline the features and properties of a person in a socio-cultural transboundary environment. The identification and study of personality types in a transboundary region contributes to an objective prediction of human behavior, its relationship with the external space, and the development of territories. The analysis of socio-cultural personality types of a cross-border region is built on the study of the interaction and mutual influence of culture, society and a person. The article uses the theory of R. Park about a marginal person in the context of global migrations, the field theory of K. Levin and his interpretation of the living space of a person, the works by A. I. Neklessa about a transboundary person and the landscape of transboundary. The synthesis of different methods made it possible to approach comprehensively the socio-cultural typology of personality. In

© Зими́на Н. С., 2023

the study, the transboundary region is conceptualized as an internally structured space within the subject of the country, formed as a result of social and cultural processes under the influence of internal and external factors, and is defined as the regional localization of the national socio-cultural space. Presence within a transboundary region requires a person to choose his belonging to a particular culture, value, symbolic and semantic system. The selected types (transboundary, marginal, transit) reflect the degree of acceptance (or non-acceptance) by a person of certain values, traditions, rules, conditions of transboundary. The proposed typology allows us to formulate an adequate strategy for the development of the region, taking into account the behavior and response of the regional personality itself within the transboundary space. Personality types that arise as a reaction to a cross-border socio-cultural reality are the result of a person's identification within such a space.

Keywords: transboundary region, socio-cultural space, identity, cross-border personality, marginal personality, transit personality

Введение. Человек всегда является частью какого-либо социокультурного пространства, неся в себе его особенности, одновременно оказывая своё влияние на него. Трансграничный регион представляет собой многослойное пространство встречи и пересечения разных социокультурных миров – цивилизационных, национальных, региональных, локальных. Рассматривая региональное трансграничное пространство как систему взаимоотношений личности, общества и культуры, определим социокультурный тип личности как совокупность социальных и культурных черт и особенностей личности, входящей в какую-либо общность. То есть, это определённый тип, заданный культурой, социальной структурой. Региональное трансграничное социокультурное пространство представляет собой внутренне структурированное пространство в пределах субъекта страны, образованное в ходе социальных и культурных процессов под воздействием внутренних (внутригосударственных и внутрирегиональных) и внешних факторов и определяемое как региональная локализация пространства национального [1, с. 70].

Обзор литературы. Ставя перед собой задачу выделить и обосновать социокультурные типы личности трансграничного региона, мы понимали неизбежность методологических проблем. Если «трансграничное пространство», «трансграничный регион» – понятия, уверенно занявшие свои места в науке, глубоко исследованные, причём в разных аспектах, то проблемы «социокультурного типа личности», анализ проблемы идентичности человека внутри регионального трансграничья только набирают обороты. Это подтверждает обзор материалов, к которым было обращено внимание. Так, трансграничная личность, маргинальная личность чаще предстают как предмет исследования в первую очередь психологии,

психиатрии [2; 3], либо при рассмотрении данных понятий и явлений можно наблюдать использование идей и теорий из указанных областей знания. Понятие «транзитная личность» – относительно новое в науке, что также подтверждается отсутствием предметных исследований, либо упоминанием самого явления в контексте общественных процессов [4–6]. Особый интерес вызывают работы, посвященные феномену маргинальности в глобальном мире [7; 8]. Отдельно выделим работы, касающиеся анализа социокультурной идентичности человека в социогуманитарных работах, в частности, в социальной философии, социальной антропологии, позволившие чётко сформулировать предмет исследования и выстроить методологическую основу [9–16].

Методология и методы исследования. В теоретико-методологическую основу исследования легли работы представителей разных областей научного знания: философов, социологов, психологов, социальных антропологов, культурологов. В статье рассматривается социологическая теория Р. Парка, в которой он говорит о маргинальном человеке в условиях глобализации, психологическая теория поля К. Левина и его идеи о жизненном пространстве личности, исследуются постмодернистские идеи о трансграничном человеке и ландшафте трансграничья А. И. Неклессы [17]. Обращаясь к проблеме социокультурной типологии личности в условиях трансграничного пространства, стоит отметить необходимость использования комплексного методологического подхода. Синтетичность методологии связана с тем, что, с одной стороны, в целом вопросы идентичности человека – исследовательское поле психологии, с другой – сама проблема социокультурной идентичности в трансграничье постмодернистская, требующая пересмотра традиционных представлений человека о самом

себе в огромном и сложном современном мире. Всё это говорит междисциплинарности проблемы. В работе использован комплекс методов: диалектический, системный, аксиологический, антропологический, что позволило всесторонне подойти к социокультурной типологизации личности.

Результаты исследования и их обсуждение. Когда речь заходит об идентичности человека в целом, то рассмотрение проблем человеческого бытия необходимо проводить в границах социального бытия. Совместная жизнь людей осуществляется благодаря коммуникации, регулярной совместной деятельности (бытовой, трудовой и др.) людей в границах определённого пространства и социальной общности (этнической, религиозной, профессиональной и т. д.). Таким образом, порождается со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определёнными представлениями и ценностями.

Представитель топологической психологии К. Левин в своей концепции предлагает модель структуры личности и её взаимодействия с окружающим миром [18; 19]. В ней личность рассматривается как динамическая система ячеек, в каждой из которых помещены значимые для человека объекты внешней среды, связанные с его потребностями, выступающими движущей силой его поведения. Таким образом, происходит сопоставление внутренней реальности и реальности внешней. Структурно это выглядит следующим образом. Единое структурированное поле, внутри которого есть внутреннее поле и внешнее поле, между ними существуют границы, при этом поля друг от друга не изолированы, т. к. границы обладают динамическими свойствами.

Развивая идеи о жизненном пространстве личности Н. А. Кондратова концептуализирует его как наиболее значимую для самого человека часть его жизненного мира, определяющую субъективно наиболее важные для него стороны его жизнедеятельности через бинарную оппозицию «своё – чужое» [20, с. 199]. Его структура включает в себя центр (ядро), периферию, границу [Там же, с. 209]. Центр образуют так называемые «значимости», переживаемые не просто как «свои», но как часть себя. На периферии находятся объекты и явления, менее значимые для человека. Граница, с одной стороны, выступает буквально неким барье-

ром, предстаёт и как реальная физическая преграда, и как совокупность социальных норм, регламентирующих, регулирующих и контролирующих «своё» пространство. С другой стороны, граница – есть место встречи разных жизненных пространств, встречи «своего» и «чужого», противопоставления «своего» «чужому».

Особый интерес в контексте темы исследования представляет такая структурная единица жизненного пространства личности, как место. Н. А. Кондратова определяет место как определённый локус физического, природного, культурного пространства, где разворачивается значимая для субъекта жизнедеятельность [Там же, с. 210]. У каждого человека через «значимости» (деятельность, другие люди, объекты, события) и переживания формируется устойчивое отношение к месту, в конечном итоге переходящее в его территориальную идентичность.

По мнению М. Р. Хасанова, основное воздействие на субъективный комфорт человека оказывают такие характеристики внутреннего пространства, как величина и чёткость границ [21, с. 5]. На наш взгляд, речь идёт о некоем органичном сочетании внутри жизненного пространства личности знаний прошлого, важности исторической памяти народа, уверенного и устойчивого настоящего, предсказуемого будущего. Подобное состояние способно выступить одной из смыслообразующих, ценностных основ идентичности личности.

Динамические процессы внутри жизненного пространства личности проявляются разными процессами. Это могут быть процессы отождествления, обособления. Скорость и интенсивность данных процессов может меняться, например, в зависимости от временного отрезка (периоды кризисов самой личности, внешние негативные факторы, либо, наоборот, позитивные процессы, усиливающие связь личности с внешним миром и стабилизирующие её жизнедеятельность).

Типы личности детерминируются связями человека с территорией региона, его историей, современной жизнью, привлекательностью, перспективами развития, взаимными интересами и т. д. Э. А. Орловой сформулированы механизмы групповой идентичности, определяемые тремя измерениями – когнитивным, эмоциональным, поведенческим [15, с. 15]. Когнитивный механизм представляет собой осознание человеком и общностью, к

которой он принадлежит, своего единства и отличия от других общностей по определённым признакам. Эмоциональный механизм заключается в переживании индивидом своей идентичности, осознании своей привязанности к группе на основе сравнения «Нас» с «Не нами». Поведенческий механизм предстаёт как внешнее оформление и проявление в практической жизни своей групповой принадлежности, где наиболее ярко в реальном содержании и проявлении выражается способность человека осознавать свою идентичность.

Данные механизмы реализуются в следующих дихотомиях: когнитивный меха-

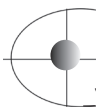
низм – «Я» – «Они» и «Они» – «Мы»; эмоциональный механизм – «Я» – «Они» («Другие»); поведенческий механизм – «Мы» – «Чужие».

Для более чёткого представления трансграничного региона, его особенностей и наполненности, необходимо прибегнуть к структурно-функциональной схеме регионального трансграничного социокультурного пространства. Её экстраполяция на отдельный конкретный регион даёт возможность проследить закономерности его развития, учитывая все особенности и специфику [1, с. 129–130]. Схема представлена на рисунке.

Структурно-функциональная схема регионального трансграничного социокультурного пространства

Structural-functional diagram of regional cross-border socio-cultural space

В схеме можно увидеть, что региональное трансграничное социокультурное пространство формируется под воздействием различных процессов, которые обусловлены функционально-взаимозависимыми компонентами. С одной стороны, социально-демографическим, с другой – культурным. Эти компоненты в свою очередь являются индикаторами самой жизнеспособности того или иного регионального пространства. Его особенностью является динамичность, за счёт своей сложной структуры и разному по силе влиянию воздействию тех или иных компонентов оно подвергается изменению смыслов, символов, которые его наполняют.

Отличие социально-демографического и культурного компонента в том, что они проникают во все сферы жизни общества, обеспечивают его устойчивость и стабильность. В силу этого их можно рассматривать как стратегическую основу целостности и развития регионального и национального пространства. Социально-демографический компонент представляет собой комплексную демографическую характеристику региона. Культура включает в себя ценностно-нормативную систему, смыслы, знаково-символьную часть жизни общества, что в совокупности организует его жизнь.

Но кроме вышеотмеченных качественных характеристик региона (его компонентов) существуют также внутренние и внешние факторы, оказывающие особое влияние на пространство. Внутренние представлены двумя уровнями связей: национальным (связь регионального и национального пространства) и внутрирегиональным (связи и отношения внутри самого региона). Данные факторы-связи обуславливают тенденции в развитии региона.

Эвристический потенциал схемы заключается в возможности рефлексии региона посредством анализа функционирования компонентов пространства, его зависимости от внутренних и внешних факторов с целью исследования развития региона в ситуации трансграничья и способности регионально-социокультурного пространства к самосохранению.

Далее перейдём к характеристике предлагаемых в исследовании социокультурных типов личности трансграничного региона, некоторые черты и особенности которых были рассмотрены в работах, посвящённых

проблемам идентичности в трансграничном пространстве [1; 14].

Трансграничный тип личности, интегрирующий по своей природе его идентичность, мыслится через пространство как *преодолевающая* границы культур. Д. В. Сергеев называет такого человека «жителем мира без границ» как пример гармоничного, успешного взаимодействия индивида и трансграничья [22]. Человек подобного типа комфортно чувствует себя в условиях социокультурного трансграничья, способен рассматривать и определять разные варианты преодоления проблем, демонстрируя способность позитивного перехода от уровня «приспособления» к уровню «восходящего равновесия» [23]. Трансграничная идентичность, по мнению Ю. В. Громыко, предполагает выделение оснований идентификации в сфере совершенно чуждого для себя цивилизационного, национально-цивилизационного, конфессионального сознания [24, с. 239]. То есть, трансграничная идентичность требует от личности и выхода за границы собственной культуры и открытости перед культурами иными, но при этом нужно понимать, что всегда есть риск утраты собственной культурной идентичности. Одновременно с этим трансграничная идентичность может быть и ресурсом развития личности и поднятия её до уровня «истинной» трансграничности (пример – космополиты, люди, легко интегрирующиеся в иную культуру, с лёгкостью изучающие иностранные языки). То есть, трансграничное положение человека заставляет его вырабатывать соответствующие механизмы существования и развития в данном пространстве.

Маргинальный тип личности. Он, в отличие от первого, имеет деконструктивный характер. Впервые понятие «маргинальный человек» употребил Р. Парк и обозначил им человека свободного для постижения новой культуры, когда в результате контактов и столкновений культур традиционная организация общества рушится, а индивид смотрит на свою культуру уже с позиции чужака [7]. Развивая идеи Р. Парка, Д. Г. Емченко говорит об индивиде с более широким горизонтом и рациональными взглядами, существующего в двух мирах одновременно [5, с. 48]. Нас же интересует личность внутри социокультурного трансграничья. Для этого необходимо уйти от некоего «позитивного» образа маргинального человека, в данном

случае, он, скорее, сходный с отмеченным выше типом личности – человеком трансграничным. Исходя из самого значения слова, человек маргинальный – это тот, кто находится на краю, на границе культур [16]. С точки зрения психологии, маргинальная личность сильно подвержена кризисам, может испытывать страх за своё будущее. Такого типа люди обычно примыкают к социальным группам, носящим временный, либо ситуативный характер, избегают длительных социальных связей. На наш взгляд, маргинальная идентичность – это чётко не выраженная идентичность, как со своей социокультурной общностью, так и с иной. Личность, находясь между культурами, а по сути, в ситуации внутриличностного конфликта, не овладевает полноценно в полной мере ни одной из них, не принимает до конца ценности, нормы, традиции никакой из них, при этом испытывая влияние нескольких культур. То есть, существует жизненная необходимость выбора ценностей, смыслов, но выбор этот индивид сделать не может. Отсюда можно говорить о феномене «растерянного человека» в трансграничном пространстве, которому присущи отстранённость, отчуждённость, ощущение своей ненужности и забытости. В. И. Моисеев, вводя понятие «онто-изоляция», обозначает им такое состояние индивида, при котором он способен как открываться, так и закрываться от внешнего бытия, переходя в режим самодетерминации [25].

Маргинальная идентичность приводит к изоляции, нежеланию взаимодействовать, вслед за людьми маргинализируется сама культура [14]. Проявляется это в безразличии к развитию территории, региона у его жителей, особенно на фоне финансово-экономических, социальных, бытовых проблем, в оттоке населения, заброшенных населённых пунктах (пустующие деревни, заброшенные сельскохозяйственные земли, военные города, например, в Забайкальском крае). Таким образом, *маргинальная личность* в предлагаемой типологии представлена как личность, которой сложно себя идентифицировать с какой-либо культурой, личность, которая находится *между* несколькими мирами одновременно, как бы затрагивая культуры, проблемы региона «краями».

Транзитный тип личности представляет собой человека, находящегося временно в трансграничном регионе (может

возникнуть в ситуации *перехода, прохождения* из региона в регион, от одной культуры к другой), связанного со своей родиной (малой родиной), который не несёт социокультурную нагрузку в регионе присутствия. Это так называемые «временщики», к которым, в качестве примера, можно отнести людей, работающих вахтовым методом, мигрантов (если они не интегрированы в принимающее общество), военных, студентов, государственных служащих, вынужденных работать в новом для себя регионе, и другие категории населения. Особенно ярко такой тип личности проявляется в приграничных территориях, военных населённых пунктах и т. п., когда человек по каким-либо причинам вынужден временно находиться на «чужой» территории, возможно, вдали от своей родины, воспринимая эту территорию как временный промежуточный пункт, как, возможно, некий трамплин в карьере, «очередную ступень в карьерной лестнице» и т. д., как ресурс для собственного развития, но не развития этого места. Л. Е. Бляхер в этом контексте говорит о «проточной культуре», которая в данном случае схожа с транзитностью и транзитным мышлением, когда люди «протекают» через территорию, руководствуясь в первую очередь витальными ценностями [6; 26].

Человек находится в транзитной ситуации существования, обусловленной многообразием социокультурных связей, при этом регион для него становится *промежуточной* территорией существования. На формирование транзитной идентичности большое влияние оказывает социально-экономический фактор. Так, Д. Л. Хилханов говорит о возможной трансформации культурных ценностей и изменении культурной идентичности в условиях социально-экономической модернизации [27, с. 26]. Происходит отказ (осознанный, либо в ходе ассимиляции) от собственных традиционных ценностей, традиционных способов хозяйствования и принятие так называемых ценностей выживания (самовыражения) – общих глобальных. Примером может быть социокультурная трансформация и ассимиляция коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (например, эвенков), в результате чего формируется индифферентное отношение к собственной традиционной культуре, межпоколенческим связям и традициям.

Заклучение. В завершении ещё раз отметим, что в исследовании предложены типы личности, находящиеся внутри трансграничного региона. Трансграничный регион представляет собой пересечение разных социокультурных пространств: национального, инонационального, локального внутрирегионального пространства. Находясь на перекрестье разных ценностей, традиций, смыслов, символов человек вынужден каким-то образом существовать внутри него. Типы личности зависят от того, насколько совпадают пространство трансграничное и жизненное пространство самого человека.

Так, трансграничный человек живёт *поверх* социокультурных границ, идя *через* них, он сохраняет собственную идентичность и нацелен на диалог с иными культурами, это всегда готовность преодолевать границы. Маргинальный человек, «растёртанный», всегда находится *на границе* между культурами, при этом по разным причинам сформулировать собственную идентичность он не может, т. к. осваивает культуры «краями». Для транзитного типа, как *переходного* от одной культуры к другой, от одних условий существования к другим, характерно *промежуточное* состояние. Проходя из одного пространства в другое, личность преследует в первую очередь собственные цели, не ориентируясь на проблемы регио-

на, других его жителей, не связывая в перспективе своё существование с регионом присутствия. Подводя итоги исследования, стоит отметить, что выделенные типы личности не изолированы друг от друга. Возможен переход от одного типа к другому при определённых обстоятельствах. Например, с ухудшением социально-экономических условий в регионе человек вынужден его покинуть, тогда он включается в иное социокультурное пространство, либо принимая его, либо нет, либо отождествляя себя с «новым» регионом, либо обособляясь от него. Из представленных выше типов личности трансграничный тип является наиболее психологически адаптивным, трансграничное пространство становится для него пространством жизненным.

Выделение типов личности внутри трансграничного региона способствует лучшему прогнозированию поведения человека, его взаимоотношений с регионом. Данная проблема приобретает сегодня особую актуальность в связи со сложной геополитической обстановкой и меняющимся миропорядком. С точки зрения социокультурной безопасности, во всех отмеченных типах личности в той или иной степени содержится угроза утраты собственной культурной идентичности, а также идентичности региональной.

Список литературы

1. Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Чита, 2012. 162 с.
2. Кемалова Л. И. Маргинальная личность: социально-психологический портрет // Вестник Севастопольского государственного технического университета. 2008. № 86. С. 94–97.
3. Магомед-Эминов М. Ш. Деконструкция и конструкция понятия социализация в психологическом научном дискурсе: от социализации к ресоциализации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2019. № 8. С. 29–36.
4. Емченко Д. Г. Культурная идентификация человека трансграничного региона // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 1. С. 67–69.
5. Емченко Д. Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11. С. 47–50.
6. Бляхер Л. Е. Диалог через границу: региональные варианты кросскультурного экономического взаимодействия // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 93–112.
7. Парк Р. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1998. № 3. С. 167–177.
8. Stonequist E. V. The marginal man: a study in personality and culture conflict. New York: Russell & Russell, 1961. 174 p.
9. Hjelle L. A., Ziegler D. J. Personality Theories: Basic assumptions, research, and application. New York: McGraw-Hill, 1976. 362 p.
10. Smith A. D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 226 p.
11. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge; Paris: 1982. 546 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/333550533_Henri_Tajfel_Hg_Social_Identity_and_Intergroup_Relations_Cambridge_University_Press_Cambridge_1982_546_S (дата обращения: 21.02.2023). Текст: электронный.

12. Азаренко С. А. Перспективы топологической антропологии. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/93855/1/978-5-7525-4025-7_2011_003.pdf (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76.
13. Лустин Ю. М. Типология социокультурной трансформации свойств личности в философской парадигме деятельности // Культура и цивилизация. 2022. № 2. С. 46–55.
14. Зими́на Н. С. Проблема идентичности человека в трансграничном социокультурном пространстве // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 69–76.
15. Орлова Э. А. Антропологические основания изучения идентичности // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII, вып. 4. С. 123–141.
16. Гу́рин С. П. Маргинальная антропология. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный.
17. Неклесса А. И. Трансграничье: его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера. URL: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-neklessa-transgranichie-ego-landshafy-i-obitateli-iz-besedy-na-bereg-u-teletskogo-ozera> (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный.
18. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
19. Леонтьев Д. А. О теории поля Курта Левина // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология: сб. ст. / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2020. С. 30–62.
20. Кондратова Н. А. Жизненное пространство личности: пространство личной свободы // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология: сб. ст. / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2020. С. 198–222.
21. Хасанов М. Р. Жизненное пространство человека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennoe-prostranstvo-cheloveka/viewer> (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный.
22. Сергеев Д. В. Край. Пограничье. Трансграничье. Лимитрофа // Трансграничье в изменяющемся мире: образование и международное сотрудничество (Россия – Монголия – Китай): материалы междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 17–19 окт. 2007). Чита: Заб. гос. гум. пед. ун-т, 2008. С. 147–154.
23. Колпакова Л. М. Психологическая адаптивность как необходимое качество жизнедеятельности. Текст: электронный // Царскосельские чтения. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-adaptivnost-kak-neobhodimoe-kachestvo-zhiznedeyatelnosti/viewer> (дата обращения: 22.02.2023).
24. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians. М.: АРКТИ, 2006. 400 с.
25. Моисеев В. И. Образы онто-социологии: онто-изоляты и социо-эмердженты. Текст: электронный // Credo New. 2015. № 3. URL: <http://credo-new.ru/archives/567> (дата обращения: 22.02.2023).
26. Бляхер Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.
27. Хилханов Д. Л. Процессы транскulturации в фокусе культурной идентичности // Вестник Московского городского педагогического университета. 2021. № 2. С. 25–31.

Информация об авторе

Зими́на Надежда Сергеевна, кандидат философских наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; 13zimina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>.

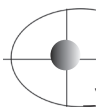
Для цитирования

Зими́на Н. С. Социокультурные типы личности трансграничного региона // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 18–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-18-26.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

References

1. Zimina, N. S. Formation of a regional cross-border socio-cultural space in the context of globalization (on the example of the Trans-Baikal Territory). Cand. sci. diss. Chita, 2012. (In Rus.)
2. Kemalova, L. I. Marginal personality: socio-psychological portrait. Bulletin of the Sevastopol State Technical University, no. 86, pp. 94–97, 2008. (In Rus.)
3. Magomed-Eminov, M. Sh. Deconstruction and construction of the concept of socialization in psychological scientific discourse: from socialization to resocialization. Personality in extreme conditions and crisis situations of life, no. 8, pp. 29–36, 2019. (In Rus.)
4. Yemchenko, D. G. Cultural identification of a person in a transboundary region. Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, no. 1, pp. 67–69, 2009. (In Rus.)

5. Yemchenko, D. G. Marginal man in the context of a culture of cross-border region. Chelyabinsk State University journal. Philosophy. Sociology. Cultural Studies, no. 11, pp. 47–50, 2009. (In Rus.)
6. Blyakher, L. E. Dialogue across the border: regional options for cross-cultural economic interaction. Eurasia Bulletin, no. 4, pp. 93–112, 2003. (In Rus.)
7. Park, R. Human migration and the marginal man. Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature, series 11. Sociology, no. 3, pp. 167–177, 1998. (In Rus.)
8. Stonequist, E. V. The marginal man: a study in personality and culture conflict. NY: Russell & Russell, 1961. Ch. 7: 159–174. (In Eng.)
9. Hjelle, L. A., Ziegler, D. J. Personality Theories: Basic assumptions, research, and application. NY, 1976. (In Eng.)
10. Smith, A. D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. (In Eng.)
11. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982. (In Eng.)
12. Azarenko, S. A. Perspectives on topological anthropology. URL: https://elar.uifu.ru/bitstream/10995/93855/1/978-5-7525-4025-7_2011_003.pdf. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-69-76. (In Rus.)
13. Lustin, Yu. M. Typology of socio-cultural transformation of personal properties in the philosophical paradigm of activity. Culture and civilization, no. 2, pp. 46–55, 2022. (In Rus.)
14. Zimina, N. S. The problem of human identity in the cross-border socio-cultural space. Humanitarian vector, no. 5, pp. 69–76, 2021. (In Rus.)
15. Orlova, E. A. Anthropological foundations for the study of identity. Personality. Culture. Society. Vol. XII, Iss. 4, pp. 123–141, 2010. (In Rus.)
16. Gurin, S. P. Marginal anthropology. Web. 22.02.2023. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml> (In Rus.)
17. Neklessa, A. I. Transboundary: its landscapes and inhabitants. From a conversation on the shore of Lake Teletskoye. Web. 22.02.2023. URL: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-neklessa-transgranichie-ego-landshafty-i-obitateli-iz-besedy-na-beregu-teletskogo-ozera> (In Rus.)
18. Levin, K. Field theory in the social sciences. St. Petersburg: Speech, 2000. (In Rus.)
19. Leontiev, D. A. On Kurt Lewin's field theory. Living space in psychology: theory and phenomenology: collection of articles. Edited by N. V. Grishina, S. N. Kostromina. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2020. 30–62. (In Rus.)
20. Kondratova, N. A. Living space of personality: space of personal freedom. Living space in psychology: theory and phenomenology: collection of articles. Edited by N. V. Grishina, S. N. Kostromina. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2020. 198–222. (In Rus.)
21. Khasanov, M. R. Human living space. Web. 22.02.2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennoe-prostranstvo-cheloveka/viewer> (In Rus.)
22. Sergeev, D. V. Krai. Borderlands. Cross-border. Limitrofa. Cross-border in a changing world: education and international cooperation (Russia – Mongolia – China): materials of the International Scientific and Practical Conference (October 17–19, 2007). Chita: Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University, 2008: 147–154 (In Rus.)
23. Kolkpakova, L. M. Psychological adaptability as a necessary quality of life. Tsarskoye Selo Readings, 2015. Web. 22.02.2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-adaptivnost-kak-neobhodimoe-kachestvo-zhiznedeyatelnosti/viewer> (In Rus.)
24. Gromueko, Yu. V. Anthropology of political identity. Self-determination “Russians” in the global world. Territorial development, multinational corporations and Russian identity Russians. M: ARKTI, 2006. (In Rus.)
25. Moiseev, V. I. The images of onto-sociology: onto-isolates and socio-emergents. Credo New, no. 3, 2015. Web. 22.02.2023. <http://credo-new.ru/archives/567> (In Rus.)
26. Blyakher, L. E. Regional identity and transboundary practices in the Far East, Russia. Spatial economics, no. 1, pp. 117–132, 2005. (In Rus.)
27. Khilkhanov, D. L. Transculturation Processes in the Focus of Cultural Identity. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series Philosophical Sciences, no. 2, pp. 25–31, 2021. (In Rus.)

Information about author

Zimina Nadezhda S., Candidate of Philosophy; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; 13zimina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1212-8883>.

For citation

Zimina N. S. Socio-Cultural Personality Types of the Cross-Border Region // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 18–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-18-26.

**Received: February 25, 2023; approved after reviewing March 28, 2023;
accepted for publication March 30, 2023.**

Научная статья

УДК 129

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-27-36

Методологические подходы к исследованию феномена материнства**Надежда Дмитриевна Субботина¹, Евгения Александровна Лушина²**^{1,2}Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия¹dialectica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>²stud.conf.chita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9617-7964>

Актуальность и проблема исследования заключается в том, что представления о правильном материнстве и требования, предъявляемые матери, во многом противоречивы, а в научных подходах нет единого мнения, чем является материнство – естественным феноменом или социальным? Поэтому целью статьи стало обоснование существующих подходов к материнству в разных естественных и социальных науках и выбор такого подхода, который будет способствовать формированию целостного представления о данном феномене. В исследовании были применены междисциплинарный, сравнительный, диалектический подходы, а также авторская методология соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Были выявлены особенности исследования материнства в разных науках, а затем обоснована возможность выделения трёх основных подходов к исследованию этого феномена по критерию соотношения естественной и социальной сторон материнства вне зависимости от специальности исследователя: 1) исследователи считают основной естественную сторону материнства; 2) исследователи выносят на первый план социальную составляющую материнства; 3) исследователи не только признают наличие естественной и социальной сторон материнства, но изучают связи и противоречия данных сторон. Также новизной исследования можно назвать выделение основных естественных и социальных сторон материнства и вывод о том, что материнство – это органическое, психологическое и социальное состояние женщины-матери, где органическое и психологическое являются основой, а социальное – ведущей стороной, позволяющей матери входить в систему общественных отношений. Перспективой данного исследования является более подробный анализ естественного и социального в материнстве, выявление противоречий между его естественной и социальной сторонами, а также противоречий внутри естественной и внутрисоциальной его сторон.

Ключевые слова: феномен материнства, научные подходы, естественное, социальное, методология

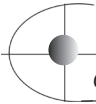
Original article

Methodological Approaches to the Study of the Phenomenon of Motherhood**Nadezhda D. Subbotina¹, Evgeniya A. Lushina²**^{1,2}Transbaikal State University, Chita, Russia¹dialectica@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>²stud.conf.chita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9617-7964>

The relevance and problem of the study lies in the fact that the ideas about proper motherhood and the requirements for a mother are largely contradictory, and there is no consensus in scientific approaches, what is motherhood – a natural phenomenon, or a social one? Therefore, the purpose of the article was to analyze the existing approaches to motherhood in different natural and social sciences and to choose an approach that would sciences contribute to the formation of a holistic view of this phenomenon. The study used interdisciplinary, comparative, dialectical approaches, as well as the author's methodology of the relationship between the natural and the social in society and man. The features of the study of motherhood in different sciences were identified, and then the possibility of distinguishing three main approaches to the study of this phenomenon was substantiated by the criterion of the ratio of the natural and social aspects of motherhood, regardless of the specialty of the researcher: 1) researchers consider the natural side of motherhood to be the main one; 2) researchers bring to the fore the social component of motherhood; and 3) researchers not only recognize the existence of natural and social aspects of motherhood, but study the connections and contradictions of these aspects. Also, the novelty of the study can also be the allocation of the main natural and social aspects of motherhood and the conclusion that motherhood is an organic, psychological and social state of a woman mother, where the organic

© Субботина Н. Д., Лушина Е. А., 2023

and psychological are the basis, and the social is the leading side, allowing the mother to enter the system of social relations. The prospect of this study is a more detailed analysis of the natural and social in motherhood, the identification of contradictions between its natural and social aspects, as well as contradictions within its natural and within its social aspects.

Keywords: phenomenon of motherhood, scientific approaches, natural, social, methodology

Введение. В условиях трансформации современного общества исследование феномена материнства приобретает особую актуальность. Быстрое изменение экономических, политических и других условий жизни людей неизбежно приводит к изменению взгляда на привычное понимание семьи, нивелируется практика обязательного закрепления отношений вступлением в брак, деторождение молодёжью зачастую откладывается на более поздний возраст, а то и вовсе отвергается. Все эти и другие вопросы требуют тщательного изучения для решения таких серьёзных социальных проблем, как улучшение демографической ситуации, укрепление института семьи, повышение статуса матери в мировоззрении общества.

Методология и методы исследования. Актуальность исследования феномена материнства определяет необходимость всестороннего его изучения. Для структуризации и систематизации имеющихся в науке взглядов на данный феномен с целью определения содержания понятия «материнство» нами были применены междисциплинарный и сравнительный подходы. Поскольку человек представляет собой единство биологического, психологического и социального, мы рассматривали материнство с позиции интегрального подхода. Процесс становления материнства, происходящий не только вследствие изменений в организме будущей матери и проявления инстинкта, но и в семье, под влиянием общества и государства, диалектичен. Источником изменений в процессе становления женщины как матери является не только взаимодействие или «борьба» противоположностей, но также и стремление к устойчивости, к гармонии. Результат этих преобразований может быть оценён и осознан с помощью принципов диалектики – с этой целью нами используется диалектический метод. Основной методологией исследования является наша авторская теория развития общества и человека на основе естественных и социальных предпосылок и соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным [1, с. 133; 2], позволяющая выявить соотно-

шение естественного и социального в феномене материнства и дать определение понятию «материнство» в данном ракурсе.

Также применялись некоторые общенаучные методы, такие как анализ, сравнение, обобщение, которые дали возможность осветить некоторые особенно важные стороны исследуемой нами проблемы и сделать определённые выводы.

Выделение философских и научных методологических подходов к исследованию феномена материнства осуществлено двумя способами: вначале рассмотрены подходы различных естественных и социально-гуманитарных наук, а затем уже на основе проведённого анализа выделены и три подхода к феномену в зависимости от того, как исследователи решают проблему соотношения естественного и социального.

Результаты исследования. Существует большое количество различных подходов к изучению материнства, представленных естественнонаучными, психологическими, социальными и другими науками, рассматривающих данный феномен исходя из собственной специфики и научных интересов, которые дают широкое представление об изучаемом объекте, но в то же время не формируют целостного представления о нём. Тот факт, что материнство представляет собой одновременно и естественный процесс, и социальный институт, даёт значительный разброс в его трактовке и создаёт сложности при попытке выделения общих признаков. Исходя из этого, вариативность понимания феномена материнства требует междисциплинарного подхода к его изучению.

С исторической точки зрения необходимо упомянуть античных философов, которые не оставили без внимания ни одной стороны окружающего их мира. Поскольку история философских взглядов на материнство хорошо изучена, мы не будем подробно останавливаться на ней. Сошлёмся на работу Е. В. Шамариной, в которой проанализированы взгляды на материнство Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Л. Б. Альберти, Э. Роттердамского, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта,

Г. Гегеля и других философов, отражавших в своих трудах мировоззрение, присущее и их современникам вследствие социальных установок: как правило, на протяжении истории женщина занимала подчинённую роль по отношению к мужчине [3].

С позиции естественнонаучного подхода, применяющегося в биологии (морфология, физиология) и медицине (эндокринология, акушерство), материнство, как правило, рассматривается с позиции репродуктивной способности женщины к воспроизведению потомства. Также исследователи руководствуются взглядами на психофизиологические половые различия, поведенческую специфику пола, генетический и эндокринный аспекты, функциональные особенности мужского и женского организма и тому подобное. Так, при изучении специфики полового диморфизма у человека в отношении материнства, Д. Неттл [4, с. 1919–1923] исследовал предпочтения ростовых показателей мужчины для выбора женщиной репродуктивного партнёра, Дж. Мураско [5] рассматривал связь роста, возраста женщин и репродукции в соотношении социальным критерием, таким как уровень их жизни и дохода. В. А. Геодакян поднимает проблему осмысления явления пола с позиции понимания эволюционных ролей хромосом [6].

Многие исследования о влиянии гормонов на материнское поведение проводились с помощью опытов над животными. Так, К. Кинсли и К. Ламберт [7], ставя эксперименты с мышами, наблюдали изменения в центральной нервной системе под воздействием гормонов, выделяющихся в организме во время беременности, родов и лактации, а также в процессе взаимодействия с потомством, вследствие чего пришли к выводу, что матерями не рождаются, а становятся. М. Л. Алманза-Сепилведа (Mayra L. Almanza-Sepúlveda) [8], Н. М. Моленаар, Х. Тимейер [9], Т. Ф. Татарчук [10], В. А. Дубынин, К. К. Танаева [11] и другие изучают воздействие кортизола на когнитивные функции матерей и младенцев, проявляющегося в виде стрессовых реакций и их отражений на организме, исследуют материнскую, в том числе послеродовую депрессию.

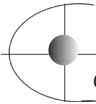
Однако представители естественнонаучных направлений не всегда ограничиваются анализом естественной стороны материнства, а углубляются в его социальные аспекты. Например, гинекологи Х. Фарид

(H. Farid) [12], Р. Х. де Регт (R. H. de Regt) [13] в рамках своего научного поля исследуют конфликт социальных ролей (матери и профессионала). Отечественные авторы В. П. Гончарова [14], А. Г. Смирнов [15] и другие рассматривают медико-социальные проблемы матерей так называемых «групп риска», демографические проблемы и так далее.

В психологии исследования феномена материнства также представлены довольно широко и характеризуются причастностью учёного к тому или иному направлению науки. Такие представители психиатрии, психоанализа, трансперсональной психологии, как С. Гроф [16], О. Ранк [17] и другие рассматривают материнство в русле перинатальной психологии и, как правило, с позиции ребёнка: мать – элемент окружающей среды человека, оказывающий влияние на его онтогенез. Подобный подход присутствует и в работах отечественных психологов (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, И. Б. Чарковский и другие). Л. С. Выготский писал, что в младенческом возрасте возникает психическая общность матери и младенца. Она – «исходный пункт» дальнейшего развития сознания», и её лучше всего обозначить немецким термином «Ur-wig», «пра-мы». Уже позднее, отмечает он, возникает сознание собственной личности [18, с. 305]. С позиции современного знания можно сказать, что такая психическая общность обусловлена гормональным фоном, как матери, так и ребёнка.

Особо можно выделить теорию привязанности Д. Боулби, рассматривающую мать как источник, обеспечивающий чувство защиты и снимающий чувство тревоги у новорождённого, теорию объектных отношений, где привязанность понимается как основа развития личности [19, с. 89–113], работу Д. Винникотта «Маленькие дети и их матери», введшего понятие «достаточно хорошая мать» [20].

Бихевиористы Р. Р. Сирс [21], Д. Л. Гевирц [22] и другие исследуют материнство с позиции теории социального научения, рассматривали процесс воспитания весьма упрощённо, опираясь лишь на принцип «стимул – реакция». В процессе обоюдного научения биологически детерминированные пути взаимодействия в диаде постоянно изменяются. Как и в бихевиоризме, в этологии феномен материнства рассматривался с

позиции исследования поведенческих проявлений матери во взаимодействии с ребёнком. При этом ключевой идеей данного подхода является идея об общности поведенческих реакций у человека и животного (С. Стернглэнц, Э. Нэш, Г. Харлоу, К. Лоренц). При пересечении этологии с социальными науками появились такие направления, как социобиология и биосоциальный подход (Э. О. Уилсон, Р. Докинз, Р. Триверс и другие), где феномен материнства рассматривается, исходя из объяснения социального поведения человека посредством биологических законов (концепция «эгоистичного гена», теория родительского вклада).

Естественная сторона материнства активно исследуется в различных разделах психологии: психологии материнства и детства, психологии репродуктивной сферы, девиантного материнства, коррекции беременности, подготовки к родительству. В то же время в рамках культурно-исторического подхода феномен материнства рассматривается с позиции его культурно-исторической обусловленности: материнство как одна из социальных ролей женщины. Г. Г. Филиппова отмечает, что природно-биологический подход предполагает исследование материнского инстинкта, в функционально-личностном подходе материнство представлено в качестве одного из компонентов личностной сферы женщины [23].

В последние годы стал популярным гендерный подход к исследованию материнства, рассматривающий его исключительно как социальное явление, обусловленное предпочтениями среды, общества в отношении социальных ролей, закреплённых по признаку половой принадлежности (Р. Столлер, М. Мид, С. Бем, Н. Чодороу, И. Клецина, И. С. Кон, О. А. Воронина, Т. А. Клименкова и так далее). Также отдельно здесь можно выделить социогендерный подход (Г. Г. Силласте), предполагающий изучение общественного статуса женщин как интегративного показателя её положения во всех сферах жизнедеятельности, функционировании общества.

В социологии феномен материнства рассматривается довольно широко: исходя из возраста женщины-матери, её социального, семейного статуса и так далее. Есть исследования, в которых материнство изучают в контексте социальных проблем, а также анализируют его как социальный

институт. Имеется множество зарубежных работ, посвящённых проблеме репродуктивного выбора женщины, гендерному неравенству, материнству в однополых семьях и других проблемах материнства, обозначенных современным европейским обществом (А. Беккер, Э. Ли, Э. Хертог, и многие другие). Отечественные исследования феномена также довольно разносторонние и посвящены, например, социальному конструированию «своевременного» материнства (Т. И. Греченкова) [24], личностному и социальному аспектам юного материнства (Т. В. Бердникова) [25], одинокому материнству как вариативной модели семьи в современном обществе (А. И. Еремеева) [26] и другим проблемам материнства.

Историки и представители культурной антропологии рассматривают материнство в контексте исследования эволюции детства посредством кросскультурных исследований (Ф. Арьес), анализируют материнские чувства и роли женщины, помимо роли матери и домохозяйки, в меняющемся обществе (Э. Бадинтер, М. Мид), изучают процесс детско-родительских взаимоотношений от поколения к поколению (Л. Де Моз) и так далее. Отечественные учёные рассматривают изменение статуса женщин через призму эволюции социальной политики государства (Ю. А. Костенко, Г. Н. Григорьева) и историю становления охраны материнства и детства (Е. П. Белоножко, В. А. Мун и др.).

Если обратиться к философскому подходу данного феномена, то следует отметить его роль, как в начале изучения материнства, так и в виде обобщения огромного материала, накопленного исследователями всех упомянутых нами наук. Взгляды классической философии кратко упоминалось в самом начале статьи.

Большой вклад в исследование феномена материнства был внесён со стороны структурализма, который оценивается одновременно и как философский, и как междисциплинарный. К примеру, К. Леви-Стросс, основатель структурной антропологии, анализирует термины системы родства и существующие между ними связи. Он раскрывает содержание понятия «авункулат» (особый социальный институт отношений между дядей с материнской линии с племянником или племянницей) в матрилинейных и патрилинейных системах [27]. У. Л. Уорнер, описывая специфику социальной стороны

детско-родительских отношений в Мурнгинском племени [28], в отношении материнства выделяет два типа родства: «мать – сын» и «мать – дочь», внутри которых существуют сложные многоуровневые связи, зависящие от близости родства.

В контексте структуры понятия «мать» особый интерес представляет работа Р. Якобсона «Почему мама и папа?» [29], в которой приведены результаты исследований происхождения основного термина, относящегося к материнству, и описывается, как он превратился в «отца» / «папу» / «человека» и т. д., в социальные ярлыки, которые являются преобладающей (хотя и не исключительной) частью начального вербального развития детской речи. Лексемы, имеющие сходную семантику и фонологические контуры, были взяты из 1 000 языков со всего мира, и данное явление изучается глобально и кросслингвистически. Автор указывает, что, хотя среди родительских терминов лексемы «мама», означающие «папа», «отец», «муж», «мужчина», «персона» и «человеческое существо» (из-за семантических сдвигов), проявляют меньшую всемирную тенденцию к межъязыковому распространению, чем «мама» и «мать», тем не менее, они широко представлены в лексике на глобальной языковой карте. Таким образом, мы видим, что в данном аспекте концепт «мама» не всегда относится к материнству.

Антрополог Б. Малиновский, развивший идею о связи между биологическими и культурными аспектами развития сообщества [30], выделяя предпосылки культуры, относит материнство, выражающееся в процессе вынашивания и рождения ребёнка, к биологическим детерминантам культуры. При этом, по мнению Малиновского, биологический детерминизм неизменно навязывает поведению человека некоторые последовательности, которые должны быть включены в любую культуру, сколь утончённой или примитивной, сложной или простой она бы ни была. Так, культурным ответом на базовую потребность в продолжении рода стало понятие родства.

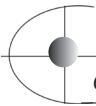
Позитивизм в лице О. Конта изначально рассматривает женщину как подругу мужчины, игнорируя из своей оценки её материнскую функцию [31, с. 79].

Фрейдист, постструктуралист Ж. М. Э. Лакан, применивший новый подход к описанию

структуры психики, основанный на структуре языка, размышляет о материнстве в контексте психоаналитических взглядов. Идея преждевременности рождения человеческого существа в контексте положения З. Фрейда о биологической недостаточности младенца при рождении устанавливает безусловную важность для его выживания так называемого «первичного материнского другого». Категория «Другого» в понимании Ж. Лакана – это то, что предшествует субъекту и предопределяет его. Отношения между родителями ещё до появления ребёнка на свет организованы речью (словом) и выстраиваются в рамках «законов языка». Ребёнок вынашивается, по Ж. Лакану, в «купели языка». Ближайшим Другим для ребёнка является мать. Предметом вождения ребёнка являются не только заботы матери, её физическое присутствие, но и её желание. В данном аспекте мысли философ опирается на гегелевско-кожевский дискурс, в рамках которого основное желание в человеческом мире определяется желанием быть признанным [32].

Представитель феминизма Н. Чодороу рассматривала материнство в контексте социальной деятельности по воспроизводству членов сообщества и рассматривала его как «работу» [33], М. Уоллстонкрафт защищала право женщины на равенство в семье, образование и профессиональное самовыражение, не отрицая при этом её материнские обязанности [34], С. Файерстоун, являясь радикальной феминистской, подвергла сомнению целесообразность «биологической семьи» как причины подавления женщины по половому признаку вследствие её детородной функции и материнства [35].

В современной западноевропейской философии также активно обсуждаются вопросы материнства. Так, Ю. Кристева, поддерживающая взгляды Н. Чодороу, считает, что материнство – это как раз и есть то «начало, в котором наиболее явственно видно столкновение Природы и Культуры, столкновение, переходящее в конфронтацию» [Цит. по: 36, с. 52]. Ш. Линтотт [37] рассматривает взаимосвязь материнства с серьёзными философскими и практическими вопросами, такими, как влияние экспертного мнения на материнское поведение, смысложизненные мотивы материнства, степень контроля над детьми в воспитании, проблема материнства в однополых и приёмных семьях, право

женщины распоряжаться беременностью и так далее.

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, мы видим, что в науке много различных подходов к изучению материнства. Каждый исследователь в рамках своего научного направления выделяет свои, кажущиеся значимыми ему аспекты данного феномена.

Попробуем структурировать эти подходы не по научным направлениям, а в зависимости от того, как тот или иной исследователь решает для себя проблему соотношения естественного и социального.

Итак, первое направление – выведение на первое место биологической (естественной) стороны материнства. К нему в первую очередь относятся представители естественных наук, изучающие данный феномен. Это позволяет выявить в материнстве роль репродуктивных способностей женщины, влияние на эту способность полового диморфизма, эндокринной системы, роста, возраста; исследовать такие аспекты материнства, как беременность, роды, лактацию и другие стороны.

Естественную сторону материнства изучают и психологи. Бихевиористы, этологи обнаружили сходство поведенческих реакций у человека и животного. Это доказывает генетическую связь человека с животным миром, однако данные авторы подходили к этому односторонне и не видели качественного отличия человеческого материнства. В целом первый подход у психологов позволяет выделить такие естественные стороны психологии матери как материнский инстинкт, некоторое сходство воспитания детей по принципу «стимул – реакция». При этом обнаруживается неразрывная связь психологии с биологией, позволяющая объяснить особым гормональным фоном матери некоторые психологические особенности её поведения, в том числе, встречающейся послеродовой депрессии.

Второе направление – анализ социальной стороны материнства. Философы и социологи изучают материнство как социальный институт, общественные отношения, в которые вступает мать, требования со стороны общественного сознания и религии. Структуралисты исследуют отношения родства: мать и сын, дядя и племянник и др. Представители конкретной социологии, истории, антропологии и других направле-

ний социально-гуманитарных наук исследуют политику государства в отношении материнства, социальное конструирование материнства, традиции воспитания детей в разных культурах, проблемы юного и малолетнего материнства, отказы от материнства, одинокое материнство, феномен чайлдфри и многие другие проблемы. В целом, подход социальных наук позволяет изучить социальные проблемы материнства, особенности общественных отношений в сфере материнства, общественные представления о том, каким должно быть материнство, какой должна быть идеальная мать, какие функции входят в её социальную роль.

Социальная сторона материнства успешно изучается и представителями психологии, психиатрии, психоанализа, трансперсональной психологии, бихевиоризма, гендерного подхода. Это позволило выявить и проанализировать такие элементы феномена материнства, как привязанность, чувство защиты ребёнка, стили материнства, ожидание определённых качеств у ребёнка как результат воспитания, социальное научение, гендерную роль матери, определяемую культурной средой, в которой она находится.

Социальная сторона материнства анализируется и философами. Это и упоминаемые нами всем известные классики и многие современные авторы. В частности, некоторые представители феминизма считают все роли женщины и, прежде всего, роль матери навязанными обществом.

К социальной стороне материнства обращаются не только гуманитарии, что логично, но и «естественники». Например, те же биологи, медики, историки медицины описывают историю развития родовспоможения. Проводят анализ влияния экспертного мнения на материнские воспитательные функции, изучают роль отца в родовспоможении и последующем становлении материнства, не только медицинские, но и социальные проблемы в ситуации раннего материнства, проблемы матерей из групп риска и так далее.

И третье направление – не просто учитывает наличие двух сторон в феномене материнства, но и анализирует связи и противоречия между ними. Как было сказано выше, исследователи в области акушерства и гинекологии Х. Фарид (H. Farid), Р. Х. де Регт (R. H. de Regt) выявили наличие конфликта в социальных ролях матери

и профессионала. Наука социобиология была создана именно для того, чтобы показать противоречивую связь между социальным и биологическим, в том числе в феномене материнства, что видно уже из её названия. Они объясняют социальное поведение людей проявлением биологических законов. Признавая наличие в их теориях редукционизма социального к биологическому, отметим, что ими был обнаружен ряд интересных закономерностей. Диалектика естественного и социального присутствует и в учении антрополога Б. Малиновского. Следует отметить исследование диалектической связи и противоречий естественного и социального в учении З. Фрейда и его последователей, в частности, рассмотренного нами Ж. Лакана, Н. Чодороу и других.

Заключение. Таким образом, теория развития общества на основе естественных и социальных предпосылок, соотношения социального с внешним естественным и с внутренним естественным позволяет внести свой вклад в решение проблемы целостного представления о феномене материнства. В результате проведённого анализа подходов к изучаемому феномену, при помощи избранной методологии можно сделать вывод, что материнство – это органическое, психологическое и социальное состояние женщины-матери, где органическое и психологическое являются основой, а социальное – ведущей стороной, позволяющей матери входить в систему общественных отношений.

Если рассматривать феномен материнства как систему, то можно сделать вывод, что эта система имеет естественные и социальные предпосылки и стороны, находящиеся в диалектической связи и противоречиях. В кратком обобщении – естественное в данном феномене – орга-

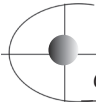
низм матери и физиологические процессы в нём, беременность, роды, вскармливание материнским молоком, гормональный фон во время беременности и материнский инстинкт. Всё это не может не оказывать воздействия на социальную сторону данного феномена. К социальному относится социальное сопровождение беременности, родов и периода вскармливания, которое сочетается с заботой о женщине и одновременно требованиями к ней в зависимости от культурных представлений о том, какой должна быть мать.

Важным выводом исследования является то, что роль матери имеет гораздо больше естественных предпосылок и сторон, чем другие семейные роли – жены, мужа, отца, ребёнка, бабушки, дедушки, тёти и дяди. В то же время, нельзя сказать, что любая функция матери является исключительно естественной, или социальной. Та, или иная сторона присутствует во всех её функциях. Речь идёт о генетической связи – социальное развивается на основе естественного, при этом снимает его, включает его в свою основу. В то же время, социальная сторона часто является приспособлением к естественной, «обслуживанием» её. Например, с самого начала возникновения человечества сформировалась практика родовспоможения, которая постоянно совершенствуется, в настоящее время осуществляется в родильных домах, используя высокую технологию.

Перспективой данного исследования является более глубокое изучение диалектики естественного и социального в феномене материнства, анализ противоречий не только между естественным и социальным, но также в рамках самого естественного и самого социального.

Список литературы

1. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 424 с.
2. Субботина Н. Д. Развитие общества на основе естественно возникших средств производства и форм собственности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Л., 1982. 181 с.
3. Шамарина Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Барнаул, 2008. 26 с.
4. Nettle D. Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans // *Proceedings of the Royal Society of London*. 2002. Vol. 269. P. 1919–1923. DOI: 10.1098/rspb.2002.2111.
5. Murasko J. Is height related to fertility? An evaluation of women from low- and middle- income countries // *American Journal of Human Biology*. 2022. Vol. 34. P. 240–245. DOI: 10.1002/ajhb.23807.
6. Геодакян В. А. Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм // *Известия Академии Наук*. 2000. № 2. С. 133–148.
7. Кинсли К., Ламберт К. «Материнский мозг» // *В мире науки*. 2006. № 4. С. 48–55.

8. Almanza-Sepulveda M. L., Fleming A. S., Jonas W. Mothering revisited: A role for cortisol? Текст: электронный // *Hormones and Behavior*. 2020. Vol. 121. URL: <https://doi.org/10.1016/j.yhbeh.2020.104679> (дата обращения: 12.02.2023).
9. Molenaar N. M., Tiemeier H., van Rossum E. F. C., Hillegers M. H. J., Bockting C. L. H., Hoogendijk W. J. G., van den Akker E. L., Lambregtse-van den Berg M. P., El Marroun H. Prenatal maternal psychopathology and stress and offspring HPA axis function at 6 years. Текст: электронный // *Psychoneuroendocrinology*. 2019. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30223193> (дата обращения: 12.02.2023). DOI: 10.1016/j.psypneuen.2018.09.003.
10. Татарчук Т. Ф. Стресс и репродуктивная функция женщины // *Международный эндокринологический журнал*. 2006. Т. 3, № 5. С. 2–9.
11. Дубынин В. А., Танаева К. К. Материнская депрессия: когда счастье не в радость. Текст: электронный // *Наука из первых рук*. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskaya-depressiya-kogda-schastie-ne-v-radost> (дата обращения: 20.02.2023).
12. Farid H. Hidden Costs of Motherhood in Medicine // *Obstet Gynecol*. 2019. P. 1339–1341. DOI: 10.1097/AOG.0000000000003575.
13. Haynes de Regt R. Hidden Costs of Motherhood in Medicine // *Obstet Gynecol*. 2020. No. 34. P. 1362–1363. DOI:10.1097/AOG.0000000000003779.
14. Гончарова В. П. Материнство в раннем репродуктивном возрасте: современные медико-демографические и социальные тенденции: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.33. Рязань, 2002. 22 с.
15. Смирнов А. Г. Психофизиологические особенности адаптации в системе «мать-дитя» при нормальной и неблагоприятно протекающей беременности: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 19.00.02. СПб., 2009. 34 с.
16. Гроф С. Путешествие в поисках себя: Измерения сознания. Новые перспективы в психотерапии и исследовании внутреннего мира. М.: АСТ, 2008. 352 с.
17. Ранк О. Травма рождения и её значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009. 237 с.
18. Выготский Л. С. Младенческий возраст: собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 269–317.
19. Bowlby J. Separation Anxiety // *The International Journal of Psychoanalysis*. 1960. Vol. 41. P. 89–113.
20. Винникотт Д. Маленькие дети и их матери / пер. с англ. Н. М. Падалко. М.: Класс, 1998. 76 с.
21. Patterns of Child Rearing. Robert R. Sears, Eleanor E. Maccoby, Harry Levin. Stanford: Stanford University Press, 1976. 314 p.
22. Gewirtz J. L. The attachment acquisition process as evidenced in the maternal conditioning of cued infant responding (particularly crying) // *Human Development*, 1976. Vol. 19. P. 143–155.
23. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Концептуальная модель. М.: Ин-т молодёжи, 1999. 286 с.
24. Греченкова Т. И. Социальный возраст материнства: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 24.00.04. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2004. 19 с.
25. Бердникова Т. В. Юное материнство: личный и социальный аспекты: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 1999. 23 с.
26. Еремеева А. И. Социальные представления современных женщин об одиноком материнстве: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2016. 23 с.
27. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
28. Warner W. L. «Morphology and Functions of the Australian Murngin Type of Kinship» // *American Anthropologist*. 1930. Vol. 32, no. 2. P. 207–256.
29. Jakobson, R. Why «Мама» and «Папа»? // *In Perspectives in Psychological Theory: Essays in Honour of Heinz Werner* / eds Kaplan B., Warner S. New York: International Universities Press, 1960. P. 124–134.
30. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
31. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 200 с.
32. Шукуров Д. Л. Имя отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана. Текст: электронный // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-otca-v-psihoanaliticheskom-diskurse-zhaka-lakana> (дата обращения: 05.03.2023).
33. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. 290 с.
34. Исаева Е. В. Общественно-политические воззрения Мэри Уоллстонкрафт: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Тюмень, 2012. 25 с.
35. Firestone S. The dialectic of sex: The case for feminist revolution. Toronto: Bantam books, 1972. 242 с.
36. Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших социологических, философских и психологических концепциях // *Этнографическое обозрение*. 1999. № 5. С. 48–59.

37. Motherhood: philosophy for everyone: the birth of wisdom / edited by Sh. Lintott; foreword by J. Warner. Chichester, U. K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. 226 p.

Информация об авторах

Субботина Надежда Дмитриевна, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; dialectica@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

Лушина Евгения Александровна, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; stud.conf.chita@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9617-7964>.

Вклад авторов в статью

Н. Д. Субботина – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги исследования.

Е. А. Лушина выполнила систематизацию и сравнительный анализ представленных концепций феномена материнства.

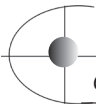
Для цитирования

Субботина Н. Д., Лушина Е. А. Методологические подходы к исследованию феномена материнства // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 27–36. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-27-36.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 22.04.2023.

References

1. Subbotina, N. D. Social evolution and human behavior: Dialectics of natural and social, conservation and development. M: Lenand, 2014. (In Rus.)
2. Subbotina, N. D. Development of society on the basis of naturally arisen means of production and forms of ownership: Dr. philos. sci. diss. abstr. Leningrad, 1982. (In Rus.)
3. Shamarina, E. V. The cultural meaning of motherhood in Western European and Russian Philosophical Thought: Cand. philos. sci. diss. abstr. Barnaul, 2008. (In Rus.)
4. Nettle, D. Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modern humans. Proceedings of the Royal Society of London, vol. 269, pp. 1919–1923, 2002. DOI: 10.1098/rspb.2002.2111. (In Engl.)
5. Murasko, Jason. Is height related to fertility? An evaluation of women from low- and middle- income countries. American Journal of Human Biology, vol. 34, 2022. DOI: 10.1002/ajhb.23807. (In Engl.)
6. Geodakian, V. A. Evolutionary chromosomes and evolutionary sexual dimorphism. Proceedings of the Academy of Sciences, Biological Series, vol. 2, pp. 133–148, 2000. (In Rus.)
7. Kinsley, K., Lambert, K. "Mother brain". Scientific information magazine "In the world of science" ("Scientific American"), vol.4, pp. 48–55, 2006. (In Rus.)
8. Almanza-Sepulveda, M. L., Fleming, A. S., Jonas, W. Mothering revisited: A role for cortisol? Hormones and Behavior, vol. 121, 2020. Web. 12.02.2023. <https://doi.org/10.1016/j.yhbeh.2020.104679>. (In Engl.)
9. Molenaar, N. M., Tiemeier, H., van Rossum, E. F. C., Hillegers, M. H. J., Bockting, C. L. H., Hoogendijk, W. J. G., van den Akker, E. L., Lambregtse-van den Berg M. P., El Marroun, H. Prenatal maternal psychopathology and stress and offspring HPA axis function at 6 years. Psychoneuroendocrinology, 2019. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2018.09.003. (In Engl.)
10. Tatarchuk, T. F. Stress and a woman's reproductive function. International Journal of Endocrinology, vol. 3, no. 5, pp. 2–9, 2006. (In Rus.)
11. Dubynin, V. A., Tanaeva, K. K. Maternal depression: when happiness is not joy. Science at first hand, vol.1(55), 2014. Web. 20.02.2023. <https://cyberleninka.ru/article/n/materinskaya-depressiya-kogda-schastie-ne-v-rados.t> (In Rus.)
12. Farid, H. Hidden Costs of Motherhood in Medicine. Obstet Gynecol, pp. 1339–1341, 2019. DOI: 10.1097/AOG.0000000000003575. (In Engl.)
13. Haynes de Regt, R. Hidden Costs of Motherhood in Medicine. Obstet Gynecol, 2020. DOI: 10.1097/AOG.0000000000003779. (In Engl.)
14. Goncharova, V. P. Motherhood in early reproductive age: modern medical-demographic and social trends: Cand. medic. sci. diss. abstr. Ryazan, 2002. (In Rus.)
15. Smirnov, A. G. Psychophysiological features of adaptation in the "mother-child" system in normal and unfavorable pregnancy: Dr. biol. sci. diss. abstr. S. Peterb. gos. un-t, 2009. (In Rus.)
16. Grof, S. Journey in Search of Self: Dimensions of Consciousness. New perspectives in psychotherapy and inner world research. Translated from English. M: AST, 2008. (In Rus.)

17. Rank, O. Birth trauma and its significance for psychoanalysis. Translated from English. M: Kogito-TSentr, 2009. (In Rus.)
18. Vygotsky, L. S. Infancy. Collected works in 6 volumes. V. 4. M: Pedagogika. 1984: 269–317. (In Rus.)
19. Bowlby, J. Separation Anxiety. The International Journal of Psychoanalysis, vol. 41, pp. 89–113, 1960. (In Engl.)
20. Vinnikott, D. Small children and their mothers. Translated from English by N. M. Padalko. M.: Independent firm "Class", 1998. (In Rus.)
21. Sears, Robert R., Maccoby, Eleanor E., Levin, Harry Patterns of Child Rearing. Published by Stanford University Press, 1976. (In Engl.)
22. Gewirtz, J. L. The attachment acquisition process as evidenced in the maternal conditioning of cued infant responding (particularly crying). Human Development, vol. 19, pp. 143–155, 1976. (In Engl.)
23. Filippova, G. G. Psychology of motherhood: A conceptual model M: In-t molodezhi, 1999. (In Rus.)
24. Grechenkova, T. I. Social age of motherhood: Cand. soc. sci. diss. abstr. Sarat. gos. tekhn. un-t, 2004. (In Rus.)
25. Berdnikova, T. V. Young motherhood: personal and social aspects: Cand. soc. sci. diss. abstr. Kursk gos. tekhnich. un-t, 1999. (In Rus.)
26. Eremeeva, A. I. Social ideas of modern women about single motherhood: Cand. psych. sci. diss. abstr. M., 2016. (In Rus.)
27. Levi-Strauss, K. Structural anthropology. Translated from French by V. V. Ivanov. M: EKSMO-Press, 2001. (In Rus.)
28. Warner, W. L. "Morphology and Functions of the Australian Murngin Type of Kinship". American Anthropologist, vol. 32, no. 2, pp. 207–256, 1930. (In Engl.)
29. Jakobson, R. Why "Mama" and "Papa"? In Perspectives in Psychological Theory: Essays in Honour of Heinz Werner, Kaplan B., Wapner S. (eds.). International Universities Press, NY. 1960. 124–134. (In Engl.)
30. Malinowski, B. Scientific theory of culture. Translated from English by I. V. Utekhin; introduction by A. K. Bayburin. M: OGI, 2005. (In Rus.)
31. Comte, O. A general review of positivism. Trans. from French by I. A. Shapiro; edited by E. L. Radlov. Izd. 2-e, M: LIBROKOM, 2011. (In Rus.)
32. Shukurov, D. L. The name of the father in the psychoanalytic discourse of Jacques Lacan. Vestnik of LGU named after A. S. Pushkin, vol. 3, 2012. Web 05.04.2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-ot-sa-v-psihoanaliticheskom-diskurse-zhaka-lakana> (In Rus.)
33. Chodorow, N. Reproduction of motherhood: psychoanalysis and sociology of gender. Translated from English. M: ROSSPEN, 2006. (In Rus.)
34. Isaeva, E. V. Socio-political views of Mary Wollstonecraft: Cand. historical sci. diss. abstr. Tyumen, 2012. (In Rus.)
35. Firestone, S. The dialectic of sex: The case for feminist revolution. Toronto etc. Bantam books, 1972. (In Engl.)
36. Pushkareva, N. L. Motherhood in the latest sociological, philosophical and psychological concepts. Ethnographic Review, vol. 5, pp. 48–59, 1999. (In Rus.)
37. Motherhood: philosophy for everyone: the birth of wisdom. Edited by Sheila Lintott; foreword by Judith Warner. Chichester, U. K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. (In Engl.)

Information about authors

Subbotina Nadezhda D., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; dialectica@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3251-4076>.

Lushina Evgeniya A., Postgraduate student; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; stud.conf.chita@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9617-7964>.

Contribution of authors to the article

N. D. Subbotina – the main author, the organizer of the research, who formulates conclusions and generalizes results of the research.

E. A. Lushina carried out systematization and comparative analysis of the concept's phenomenon of motherhood.

For citation

Subbotina N. D., Lushina E. A. Methodological Approaches to the Study of the Phenomenon of Motherhood // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 27–36. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-27-36.

Received: March 14, 2023; approved after reviewing April, 20 2023; accepted for publication April 22, 2023.

Научная статья**УДК: 091, 396.1****DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-37-46****Женская тема в творчестве В. С. Соловьёва****Алина Андреевна Типикина***Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, г. Орёл, Россия*
alin.tipikina2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>

Статья посвящена рассмотрению взглядов философа Владимира Соловьёва на природу женщины и её место в обществе. Целью исследования является обнаружение позиции Соловьёва по отношению к женщине, её сущности, взаимоотношению с мужчиной, семьёй и социумом, а также демонстрации отношения русского философа к женскому движению. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью позиций отечественных философов, в целом, и Соловьёва, в частности, в решении вопросов, поставленных женским феминистическим движением. Для анализа философских сочинений, литературных и публицистических произведений философа использованы герменевтический, компаративистский и сравнительно-исторический методы. Автор статьи показывает, что размышления Соловьёва о Божественной Софии, Вечной Женственности, образе Прекрасной Дамы не мешает философу однозначно отвергать идею женской эмансипации, образования, оплачиваемых профессий. Женский идеал, создаваемый философом, является ярким примером феминного образа, репрезентируемого мужчиной и отражающего маскулинные представления о природе женщины. Конкретная женщина как носитель Божественной Софии называется Соловьёвым хранительницей религиозной тайны, но вместе с тем дезиндивидуализируется, обезличивается. Говоря о женщине как о медиаторе между миром земным и миром небесным, философ подчёркивает вторичность её природы, функциональную дополнительную по отношению к мужчине. Автор приходит к выводу о том, что В. Соловьёв не принимал идею независимости женщины и её желания освобождения от мужского контроля. В статье показывается, что Соловьёв склоняется к негативной оценке настоящей реальной женщины, отрицательно отзываясь о феминистическом движении и тех дамах, которые активно отстаивают свои права.

Ключевые слова: Вечная Женственность, София, феминизм, женская эмансипация, русское феминистическое движение, женский вопрос

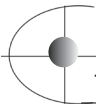
Original article**Women's Theme in the Works by V. S. Solovyov****Alina A. Tipikina***Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia*
alin.tipikina2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>

The article is devoted to the consideration of the views of the philosopher Vladimir Solovyov on the nature of a woman and her place in society. The purpose of the study is to reveal Solovyov's position in relation to a woman, her essence, relationship with a man, family and society, as well as to demonstrate the attitude of the Russian philosopher to the women's movement. The relevance of the study is due to the low level of knowledge of the positions of Russian philosophers in general and Solovyov in particular in resolving issues raised by the women's feminist movement. Hermeneutic, comparative and comparative historical methods were used for analyzing philosophical works, literary and journalistic works of the philosopher. The author of the article shows that Solovyov's reflections on the Divine Sophia, Eternal Femininity, the image of the Beautiful Lady does not prevent the philosopher from unequivocally rejecting the idea of female emancipation, education, paid professions. The female ideal created by the philosopher is a vivid example of a feminine image, represented by a man and reflecting masculine ideas about the nature of a woman. A specific woman as a bearer of the Divine Sophia is called by Solovyov the keeper of a religious secret, but at the same time she is deindividualized, depersonalized. Speaking of a woman as a mediator between the earthly world and the heavenly world, the philosopher emphasizes the secondary nature of her nature, functional complementarity in relation to a man. The author comes to the conclusion that V. Solovyov did not accept the idea of a woman's independence and her desire for liberation from male control. The article shows that Solovyov is inclined to a negative assessment of a real woman, speaks negatively about the feminist movement and those ladies who actively defend their rights.

Keywords: Eternal Femininity, Sophia, feminism, female emancipation, Russian feminist movement, women's question

© Типикина А. А., 2023

Введение. Изучение взглядов Соловьёва на женщину на сегодняшний день ограничивается концептами Вечной Женственности и Божественной Софии, осмысление же философом социальных функций женщины, его оценка российского женского движения остаются практически неисследованными. Более внимательное изучение взглядов Соловьёва на проблемы феминизма позволит лучше понять философскую систему Соловьёва и более многогранно представить социокультурную ситуацию последней четверти XIX в., в которой развивалась борьба русских женщин за свои права.

Проблема исследования состоит в оценке социально-философских идей В. С. Соловьёва с позиции феминистского подхода.

Вопросы, связанные с осмыслением женщины, её природы, места в социуме, семейных и публичных функций в русской общественно-политической и философской мысли, чаще всего рассматриваются отечественными исследователями в преломлении тем «метафизики пола», «Вечной Женственности» и «андрогинности» человека. Исследователи творчества В. Соловьёва практически не акцентируют внимание на его размышлениях о феминистской проблематике, присутствующих в его философии и публицистике.

Первые исследователи философии Владимира Соловьёва – В. Ф. Эрн, Г. Г. Шпет, Л. О. Лосский, В. В. Зеньковский – вовсе не рассматривали такую особенность его творчества, как отношение к женщине, даже в аспекте Вечной Женственности.

Под сильным впечатлением личности В. Соловьёва находился В. Ф. Эрн и в своих сочинениях оценивал философа как глубокого исследователя европейской мысли, гения «философского творчества», создавшего «обширнейшее и законченное философское мирозерцание» [1, с. 84]. Для Эрна всё мышление Соловьёва – это стремление к всечеловечности [Там же, с. 84–85]. В труде «Философские этюды» Г. Г. Шпет ссылается на Соловьёва при разработке темы единства сознания [2, с. 108], заимствуя у него идею троякой и единой достоверности философии.

В двухтомном труде «История русской философии» (1895–1917) В. В. Зеньковский посвящает философии Соловьёва две главы, описывая его как «поистине наиболее яркого и влиятельного философа в изучаемом ныне периоде систем», то есть второй

половине XIX – начале XX в. [3, с. 452]. Наряду с описанием биографии философа, его личности Зеньковский фокусирует внимание на таких темах философии Соловьёва, как космология, к которой относит учение о Всеединстве, торжестве Добра, Вселенской Церкви и гносеологии или началах цельного знания. Исследователь признаёт существенное влияние идей Соловьёва на русскую философию, не забывая также отметить его особый литературный талант.

Другой автор «Истории русской философии» – Л. О. Лосский – рассматривает мистические аспекты философии Соловьёва, его трактовку развития, понимание исторической миссии России. Он первым из исследователей обращает внимание на концепцию Божественной Софии, но оценивает её как неопределённую и непоследовательную. Он подчёркивает, что поклонение Вечной женственности может привести к ереси, и признает, что сам Соловьёв в своем третьем издании сборника стихов указывает на эту опасность [4, с. 151].

В 1990 г. вышла в свет книга А. Ф. Лосева «Владимир Соловьёв и его время» [5], в которой, помимо анализа философского наследия мыслителя, приводятся ценные биографические сведения о философе, его окружении, переписке. Во многом благодаря ей мы можем представить контекст творчества мыслителя и, в том числе, его отношение к женскому вопросу.

Философии Соловьёва уделяли внимание зарубежные исследователи, такие как Ф. К. Коплстон и Дж. Саттон. В сочинении «Философия в России» Коплстон указывает, что русский мыслитель сделал много для возрождения религиозной философии и некоторые его идеи были заимствованы современниками, из-за чего те стали богословами или же последователями соловьёвского варианта философии Всеединства [6]. Дж. Саттон в своей книге «Религиозная философия Вл. Соловьёва. На пути к переосмыслению» видит в русском мыслителе образец христианской духовности и религиозности [7]. Книга, завоевавшая популярность в англоязычном мире, отличалась особой оригинальностью и передавала соловьёвское мировоззрение для сформированного западной культурой читателя.

В настоящее время исследовательский интерес к творчеству Соловьёва не угас ни за рубежом, ни у нас в стране. Из работ, тематически близких нашему исследованию,

следует упомянуть статью Е. Р. Богданова и Е. Н. Коновалова «Проблема человека в творчестве В. С. Соловьёва». По мнению авторов, заложив основы направления «Философии Всеединства», Соловьёв сыграл решающую роль в становлении русской религиозной мысли, а также дал новый вектор философскому осмыслению человека, акцентируя антиномии индивидуализма и соборности в его развитии [8, с. 324–325].

В работе «Нравственная сущность человека в антропологическом учении Владимира Соловьёва» С. Г. Гутова и А. И. Патрахин также придерживаются позиции, что духовность и антропологичность – верные спутники философии русского мыслителя. Исследователи утверждают, что Соловьёв, пытаясь найти место человека в мире, привлекает онтологические и гносеологические ракурсы его рассмотрения и таким образом приходит к заключению, что миссия человека – единение мира и Божественного начала, которое выражается в Богочеловечестве [9, с. 48].

Тема Божественного начала, точнее женского Божественного начала, по-новому раскрывается в статье Е. А. Соленцовой и Е. И. Ефремовой «Вечная женственность как идейное основание новой культурной парадигмы современности». Авторы отмечают, что современный мир переживает антропологический кризис. В современном обществе активно меняется и роль женщины, и отношение к ней, что делает необходимым переосмысление концепта Вечной Женственности, несущего несомненный общекультурный аспект. Вклад Владимира Соловьёва в исследование данной идеи заключается в описании Вечной Женственности как образа Всеединства мира, который созерцает Бог [10, с. 110–111].

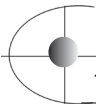
Зарубежные авторы анализируют Соловьёва в первую очередь как философа, интересуются его метафизикой [11], религиозными аспектами онтологии [12–14], изучают концепты Божественной Софии и Вечной Женственности [15; 16]. Однако иностранные исследователи так же, как и отечественные, не рассматривают вопрос о соотношении идей Владимира Соловьёва с идеями феминистического движения.

Методология и методы исследования. В исследовании были использованы герменевтический, компаративистский и сравнительно-исторический методы. Основное внимание было сосредоточено на ана-

лизе текстов В. С. Соловьёва и выявлении в них основных мировоззренческих установок мыслителя по отношению к женщине и женскому движению. Это стало возможным благодаря герменевтическому подходу изучения конкретного текста автора в контексте его творчества, с учётом смыслового горизонта эпохи создания произведения. Принципы компаративистского анализа позволили нам сравнить позиции Соловьёва с установками и требованиями феминистического движения как его времени, так и более поздних периодов. Сравнительно-исторический метод был задействован при сопоставлении идей Соловьёва с культурно-историческими мировоззренческими константами его времени и позволил увидеть новаторство или традиционализм в позиции Соловьёва по отношению к обсуждаемому вопросу.

Результаты исследования и их обсуждение. Идея Вечной женственности в творчестве В. Соловьёва. Тема женщины и её природы разрабатывается Соловьёвым в рамках философии Божественной Софии и Вечной Женственности. Хотя основу этих идей составляет христианское мировоззрение, по мнению исследователей, определенное влияние на них оказали работы Шеллинга и О. Конта. Идея Софии восходит к функциональному распределению ипостасей в христианской трактовке Божества, где трактуется как посредник между объективной реальностью – «миром Дольным» и реальностью трансцендентальной – «миром Горним». Вечная Женственность в этом ракурсе может быть понята как отражение Софии в образе человеческой женщины, как недостижимый и предельно совершенный образ. В этом плане концепт Вечной Женственности перекликается с учением О. Конта о человечестве как «Великом существе» и положительном единстве, объемлющем собой все существа, свободно содействующие совершенствованию всемирного порядка. Соловьёв же наделяет «Великое существо» признаком женственности, сближает трактовку «Великого существа» с культом Мадонны, утверждая, что сам французский философ положительно выделяет женское начало человеческой природы [17, с. 572].

София выступает у Соловьёва как образ Мировой Души, которая соединяет тварный мир с божественной сущностью [12, с. 19]. Будучи основой космического движения, София считается олицетворением женского начала Божества и включает в себя

тело Христово, Мировую Душу и идею Богочеловечества. Она есть «истинная причина творения и его цель принцип, в котором Бог создавал небо и землю» [18, с. 21].

Идея Вечной Женственности Соловьёва, очевидно, связана и с учением о всеединстве Шеллинга. Русский философ, как и его немецкий предшественник, полагает, что Бог един для всех, но в нём есть и «другое», составные части, которые он включает в себя. Под «другим» он имеет в виду исторический процесс, который от века к веку меняет образ совершенной женственности. В Боге есть пассивное, женское начало, являющееся основой Божественной жизни. Это начало – вечная пустота или Ничто [19, с. 167].

София как премудрость Божия находит свое проявление в Вечной Женственности. Именно эта идея получила широкое распространение в русской культуре, найдя приверженцев в среде поэтов, художников, музыкантов. Термин «Вечная Женственность» Соловьёв использует для обозначения следов проявления мистической Софии на земле. А. Ф. Лосев называет их «интимно-романтическими» [4, с. 205]. Он описывает Соловьёвскую Софию в качестве вершины любви, которой подчиняются и мужчины, и женщины. Мужчины любят Софию восходящей любовью, когда она их – нисходящей. При этом всем мужчинам подчинены все женщины, которые любят их тоже восходящей любовью [Там же, с. 194].

Вечную Женственность можно трактовать как прообраз подруги и возлюбленной, можно отождествлять с образом любимой женщины [Там же, с. 205]. Важным моментом в функционировании этого образа выступает идеализация как мыслительный прием. Соловьёв уверен, что Вселенная стремится к совершенству и посредником в осуществлении этого процесса выступает Вечная Женственность.

В трактате «Смысл любви» Соловьёв прямо утверждает, что человек любит не конкретную, несовершенную женщину в совокупности её индивидуальных черт, он любит в женщине идеальное начало – Вечную Женственность или образ Божественной Софии. Задача мужчины состоит в том, чтобы приблизить свою реальную женщину к идеалу, выявить в ней всю полноту универсальной Вечной Женственности, по сути «стереть случайные черты» её индивидуальности. Реальная женщина, рожденная зем-

ным, природным существом является лишь материалом для воплощения идеала Вечной Женственности [19, с. 163]. Движение земной женщины к божественному идеалу не само-совершенствование, не работа женщины над собой, а творческая работа мужчины. Вечная Женственность проявляется в акте любви к женщине, но активным началом в этом акте также выступает мужчина.

Принято считать, что Соловьёв, разрабатывая идею Вечной Женственности, восхищается женским полом, ассоциируя женщину с великой человеческой мудростью, Софией. Однако, на наш взгляд, философ не преодолевает патриархальных стереотипов в восприятии женщины, признавая её пассивным началом, которому соответствуют «положения азбучные» и религиозные верования, в то время как мужчине предназначено воспитанием влиять на их ум и характер [Там же, с. 163]. По сути, создавая учение о Вечной Женственности, Соловьёв не задумывается о женщине как таковой, не пытается осмыслить её место в бытии, он транслирует наиболее распространенные, даже не на богословском, а на бытовом уровне клише в восприятии женщины.

В. Соловьёв о любви, семье и функции женщины. Тема пола и половой любви занимает в творчестве Соловьёва существенное место. Назначение половой любви философ видел в «оправдании и спасении индивидуальности чрез жертву эгоизма» [Там же, с. 138]. Философ определял любовь как отказ от себялюбия, влечение живого существа к другому для объединения с ним и взаимного проживания жизни.

Ценность женщины в этом соединении философ видел в её особом восприятии мира. Женская природа включает в себя как духовную – сострадательно-воспринимающую сторону, так и материальную [18, с. 575]. Женщина как потенция, приобщённая к духовному миру, способна реализоваться только через мужчину и его активную деятельность. Благодаря мужчине женщина способна понять и осуществить свое предназначение.

В работе «Россия и вселенская церковь» Соловьёв утверждает, что мужчина является безусловным лидером в межполовых отношениях. Основание гендерной дифференциации между мужчиной и женщиной лежит в способе мышления. Мужчина склонен мыслить абстрактно, следовательно, шире, глубже, всеохватнее. Способ

мышления женщины философ называет хаотичным, необоснованным и неконкретным. Поэтому для Соловьёва элементами Богочеловеческого общества является «разум и сознательность мужчины» и «сердце и инстинкт женщины» [20, с. 362].

Отсутствие в мышлении женщины логики, конкретики, присутствие эмоциональности и непоследовательности приводит к тому, что женщина легко вовлекается в религиозные практики и мистицизм. У неё появляется искаженное восприятие права и морали. Соловьёв поясняет свою мысль примером из поэмы Голенищева-Кутузова, героиня которой демонстрирует «странное» проявление моральных принципов. Будучи замужем за инвалидом, женщина влюбляется в другого мужчину, но не оставляет мужа из-за жалости к нему. Ту же ошибку, по мнению Соловьёва, совершает пушкинская Татьяна, которая испытывает чувства к Онегину, но не уходит от нелюбимого мужа [21, с. 425–431]. Соловьёв считает нелогичным, что влюбленные героини остаются верными своим мужьям. Тем самым они превращают себя в жертвы, обрекая на страдания. Причиной этого философ видит слабое развитие интеллектуальной сферы женщин – они неверно трактуют свой личный нравственный долг, обманывают, не следуют зову сердца [Там же, с. 429]. Тем самым Соловьёв показывает, что женщине требуется мужская опека, иначе она сама себе усложнит жизнь.

Высшее проявление чувства к мужчине женщина находит в браке, когда она воспринимает его как спасителя, а он открывает ей её предназначение и показывает смысл жизни. Для мыслителя совершенный брак – тот брак, который «сознательно направляется к совершенному соединению мужчины и женщины, к созданию целого человека» [18, с. 577].

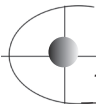
Брак, по Соловьёву, позволяет удовлетворить половую потребность, проявляющуюся как в физическом влечении, так и в обожествлении человеческой природы. Соловьёв убежден, что в совершенном браке деторождение не нужно, так как оба человека достигают истинной цели – одухотворения друг друга [22, с. 276]. Совершенный брак является конечной целью мужчины и женщины, где дети лишь необязательное следствие. Истинный брак направлен на создание цельного человека, первым элементом которого выступает мужчина, как «субъект познающий и деятельный», то есть

«человек в собственном смысле». Женщина же является вторым элементом брачных отношений, выступающим в качестве «объекта познанного и пассивного» [18, с. 575].

Мыслитель полагал, что семейная ячейка способствует созданию малой церкви, христианской семьи со своими законами и порядком. Роль женщины в ней состоит в одухотворении членов семьи, приведении их к Богу. Мужчина же относится к женщине, как «Бог относится к своему творению, как Христос относится к своей Церкви» [20, с. 163]. Соловьёв признает необходимость защищать женщину, в том числе во внутрисемейных отношениях. Но защита эта мыслится исключительно как результат доброй воли мужчины.

Материнство является одной из основных функций женщины, однако заслуживает от Соловьёва не очень высокую оценку. «Мать, полагающая всю свою душу в детей, – пишет философ, – жертвует, конечно, своим эгоизмом, но она вместе с тем теряет и свою индивидуальность» [Там же, с. 142]. Женщина, растворяющаяся в своих детях, по мнению Соловьёва, лишается индивидуальности и отказывается видеть в детях самостоятельные личности. Материнство для философа скорее биологическое нежели духовное состояние: «для матери хотя её детище дороже всего, но именно только как её детище, не иначе, чем у прочих животных, т. е. здесь мнимое признание безусловного значения за другим в действительности обусловлено внешнею физиологическою связью» [Там же, с. 142–143]. Материнство включает женщину в отношения нисходящей любви – матери к детям, и восходящей любви – от детей к матери, отвлекая от единственно истинной любви к мужу, которая способна придать женщине полноту. В том числе и поэтому в идеальном браке Соловьёв считает деторождение излишним [Там же, с. 162].

Ребёнок видится Соловьёву своеобразной «работой над ошибками» и требуется тогда, когда мужчина и женщина не смогли реализовать цели брака. Тогда дети – это их второй шанс не напрасно прожить свою жизнь, потому что дети реализуют то, что не получилось у родителей. Успешное деторождение, единение чистой любви и страсти, философ называет случайностью и редкостью [19, с. 144]. Бесконтрольное размножение Соловьёв порицал, говоря, что идеальная семья должна строиться на разумном аскетизме.

Сексуальные отношения приемлемы только в браке и должны сопровождаться стыдом, который предостережет супругов от искушения. Соловьёв выступал за наказание мужчин, которые пользуются телом женщины для удовлетворения своего полового чувства. Он называет таких мужчин ненормальными, психически больными и фетишистами, считает, что такие мужчины должны быть изолированы от общества, так как они увлечены телом женщины, но не её душой [18, с. 158]. Институт публичных женщин противоречит нравственному закону и желанию рожать детей, поэтому он должен быть искоренен из общества. Следуя нравственному закону, мужчина не имеет права эксплуатировать женщину и принуждать её к чему-либо, так, мужчина, избивающий жену, уже считается безнравственным [19, с. 438].

Мы видим, что отношение к любви, браку, женским обязанностям у Соловьёва последовательно патриархальное. Философ не принимает идею свободной эротической любви как проявления животного начала, считает, что сексуальные отношения допустимы исключительно в браке. И даже половое влечение супругов, по его мнению, должно сопровождаться стыдом. Для Соловьёва семья – церковь, где муж – глава, а женщина – пассивное начало. Мужчина – активное начало, деятель, который должен опекать и воспитывать женщину. Реализация женщины возможна только в соединении с мужчиной, благодаря его помощи и доминированию.

Оценка В. Соловьёвым женского движения. По воспоминаниям друзей и знакомых Соловьёва, русский мыслитель, несмотря на мистический опыт приобщения к Божественной Софии и общие романтически-поэтические установки, относился к реальным женщинам скорее скептически и иронически, нежели сочувственно и трепетно.

В работе «Владимир Соловьёв. Жизнь и творения» В. Л. Величко признаёт, что молодой философ отличался от своих сверстников. В то время как они, вступив в период «безбожия» и острого материализма, проводили время за кутежами и ухаживаниями за женщинами, Соловьёв избегал близкого общения с противоположным полом. Будущий философ говорил о дамах пренебрежительно и с насмешкой, объясняя это неспособностью женщины сосредотачиваться на духовных основах жизни, интересующих его самого [23]. Об этом же вспоминает современник Соловьёва И. И. Янжул, который пишет: «Вл. С. Соловьёв в отношении женщин отличался значительной долей цинизма и большой также любовью к скабрёзным анекдотам...» [24]. Н. Бердяев упоминал, что Соловьёва преследовала разочарованность в женщинах. По мнению младшего современника, проблема философа была в том, что он не обращал внимания на конкретную личность, живую женщину, а гнался за Вечной Женственностью, красотой и высшим благом. Не находя в своих возлюбленных отсвета Божественной Софии, Соловьёв испытывал отчаяние из-за невозможности для Вечной Женственности найти воплощение в конкретном человеке [25].

Соловьёв был убежден в особой восприимчивости женщины ко злу, поэтому её пассивность являлась как бы залогом воздержания от зла. Однако эта же пассивность, инертность могла открыть путь склонения женщины ко злу. Поэтому часто реальная женщина оказывалась агентом влияния темных сил, дьявола. Рассматривая в качестве примера библейскую историю Марии Магдалины, Соловьёв обращал внимание на неслучайность того, что именно в женщину вселилось семь бесов, впоследствии изгнанных Христом [26, с. 357].

Учитывая эти общемировоззренческие установки, не следует удивляться негативному отношению философа к женскому движению в России и крайне консервативному решению им «женского вопроса». Показательны в этом плане письма Соловьёва К. Е. Селевиной, его двоюродной сестре по матери. В них, продолжая обсуждение тем, затрагиваемых, очевидно, при личных встречах, философ признает, что женщина способна понимать высшую истину, иначе она не была бы человеком. Однако она не способна найти эту истину самостоятельно и получает её от мужчины. В качестве аргумента Соловьёв указывает на тот исторический факт, что ни одно религиозное или философское учение не было основано женщиной [27, с. 97]. Поэтому мыслитель уверен, что женская деятельность должна быть направлена на распространение идей мужчин. В другом письме Соловьёв критически высказывается как о стремлении женщин к получению образования, так и о «модных» требованиях всеобщего образования. По мысли философа, важно не образование само по себе, а духовное здоровье, которому не всегда способствуют либеральные

тенденции в культуре. Непосредственно своей сестре он адресует пожелание обращать большее внимание на нравственную идею, для которой наука выступает лишь средством, хотя одобряет её желание заняться «реальными науками». Мыслитель также призывает сестру поспорить с ним о «подчинённости женщин» при личной встрече [27, с. 62].

Позиция Соловьёва по «женскому вопросу», активно обсуждаемому в России, начиная с середины XIX в., достаточно ясно просматривается и в рассказе «На заре туманной юности».

Действие повествования разворачивается в поезде, где главный герой завязывает диалог с молодой дамой, подсевшей к нему, дабы избежать шумной компании. Герой рассказа, 19-летний юноша, считает себя нигилистом и аскетом, что не мешает ему попеременно влюбляться в различных кузин. Контраст этим юным и очаровательным девушкам представляет дорожная попутчица, чье «некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательным» при ласковом взгляде её светлых глаз. Все женские образы рассказа являются для автора и лирического героя разными проявлениями Вечной Женственности, требующей защиты и почитания, они загадочны, кротки, любящи и наивны. Эти качества сглаживают и одухотворяют «положительную дурнушку» Julie, к которой в какой-то момент герой испытывает всепоглощающую и бесконечную любовь.

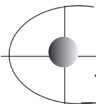
Соловьёва, как и его героя, привлекает беззащитность женщины, нежность, несамостоятельность. Показательно замечание, которое герой рассказа делает своей попутнице, когда разговор заходит об эмансипации женщин: «Мне кажется, наши женщины и без того слишком эмансипированы. Если им чего и недостает, так уж, конечно, не свободы, а скорее сдержанности» [28, с. 468]. Когда в конце рассказа герой встречает кузину, которой он собирался предложить стать его женой и соратником по борьбе за всеобщее отрицание, он находит её неприятно изменившейся: «Она была вовсе не похожа на ту нежную, полувоздушную девочку, которая осталась в моей памяти... Теперь это была совсем взрослая и нарядная девушка с развязными манерами. Она так смело и пристально смотрела на меня своими черными, немного покрасневшими от солнца и ветра глазами, в ней было что-то решитель-

ное и самостоятельное» [Там же, с. 472]. Это обескураживает героя, заставляет его утратить былую симпатию к девушке.

В статье «Женский вопрос» Соловьёв рассуждает о женском эмансипационном движении с позиции того, насколько сильно и негативно это может сказаться на традиционном укладе жизни. Мыслитель пренебрежительно высказывается о девушках, которые выступают за самостоятельность и выход из семейных рамок, аргументируя это тем, что женщины сами не знают, чего хотят. По мнению философа, естественная природа женщины консервативна, направлена на то, чтобы сидеть дома и воспитывать детей. Отказ от этого противен сути женщины и те, кто следуют призывам «эмансипе», просто оказываются падки на модные тенденции. Вместо того чтобы заниматься бытовыми делами, заботиться о муже и детях, девушки пытаются отстаивать свою независимость. Соловьёва тревожит, что демонстративное желание выйти за пределы семьи и расширить свои интересы окажется чреватым тем, что молодые женщины откажутся воспроизводить потомство [26, с. 357].

Соловьёв, не поддерживающий эмансипацию женщины, описывал феминистическое движение как жалкое и смешное. Женщина, которая сама не понимает, чего хочет добиться, просто следует новой тенденции моды. Мыслитель уточняет, что женщина быстро вовлекается в новые веяния, которые приходят извне и которые в конечном итоге её не удовлетворяют. Философ считает, что, следуя феминистическим установкам, женщина рано или поздно разочаруется в этом движении, решив вернуться под влияние мужчины. Он снова сопоставляет женщин с Марией Магдалиной, которая, прежде чем найти Христа, прошла через семь бесов. И так же современные дамы, по мнению мыслителя, попадали под влияние семи бесов – семи неверных задач женского движения.

Заключение. Как видим, философ не сочувствует желанию женщин быть самостоятельными и независимыми. Соловьёв не симпатизирует требованиям женщин уважать их выбор жизненного пути, в том числе отличного от материнства и семьи, желанию самим регулировать своё репродуктивное поведение, быть финансово независимыми и не опираться в жизни на мужчину. Он зло высмеивает феминисток, отказывается видеть реальные проблемы, с которыми сталкиваются его современницы. Не при-

нимает В. С. Соловьёв и желание женщин практиковать безбрачие (которое, к слову сказать, рекомендует мужчинам не только по религиозным, но и по философским соображениям), как и не принимает женский экономический материализм и эстетическое декадентство.

Принято считать, что философский мистицизм Соловьёва проникнут восхищением перед женщиной, признанием за ней особой религиозной миссии, трактовки её как божественного луча, особой эманации Бога: «Божественной Софии», «Вечной женственности», «Премудрости Божией». Исследователи традиционно подчёркивают, что Соловьёв одухотворяет женщину, в которой может раскрыться образ Вечной Женственности. Однако следует признать и другую сторону оценки Соловьёвым женщины. Оценку крайне консервативную и где-то даже уничижительную. По мнению философа, женщина имеет определённый набор качеств, который делает её женщиной, существом производным от мужчины, дополняющим его, – это пассивность, восприимчивость, чувствительность к материальной стороне жизни. Женщина – носитель религиозности, проводник мужской духовности, хранительница семейного уюта – возвращает верующее начало в членах семьи.

Философ открыто заявляет, что женщина не может быть активна и самостоятельна в интеллектуальной сфере. Высмеивает притязания женщин на общественное служение, стремление получить образование и независимые профессии. Все размышления о Вечной Женственности Соловьёва не касаются конкретной личности, женщина в размышлениях философа дезиндивидуализируется, она тем прекраснее, чем сильнее в ней проявляется универсальная Женственность. Реальная же женщина в глазах Соловьёва часто выступает носителем хаотического, злого начала, подвергаться влиянию бесов, действует из неправильно понятой жалости или личной выгоды. Именно поэтому Соловьёв вполне логично не принимал и не понимал «женского вопроса», не видел оснований для женского движения. Философ порицал и критиковал женщин, отстаивающих необходимость женской эман-

сипации, утверждал, что сторонницы феминизма сами не понимают, что делают. Для него эти женщины «одурманены» европейской модой и становятся активистками только потому, что это «принято в обществе», так как женщины быстро чем-то увлекаются.

При этом нельзя отрицать, что Соловьёв выступал за ограничение доступа мужчин к женскому телу и регулирование репродуктивной функции, однако весь эрос для Соловьёва заключался только в брачном союзе. Романтические отношения людей обязаны держаться только на разумном аскетизме и духовности партнеров.

Для Соловьёва вся мистика Божественной Софии, все её качества и проявления существуют только как дополнение к мужчине. Поскольку мужчина самостоятельное, активное и творческое начало, женщина – его пассивный помощник и материал.

Философ отрицал мысль о том, что женщина может быть инициативна, организована, предприимчива, логична и не подвержена веяниям моды. Все эти черты характера мужские. Мужчина по своей природе – лидер, организующее начало для женщины и учитель для общества. Мужчина проявляет себя в публичном пространстве, реализует свои идеи и утверждает свою личность, женщина может оказать влияние только на круг семьи и воспитание детей (рождение которых уже доказывает, что супруги не реализовали свой брак в полной мере). Для философа женщина не самостоятельна и не способна к независимой жизни без мужчины, так как он – её собственный наставник, который проложит путь к хорошей жизни.

Мы надеемся, что данное исследование внесет вклад в изучение отношения русских мыслителей, публицистов, литераторов, всех тех, кого принято называть «властителями дум», к проблемам, поставленным женским движением. Перспективной работой в данном направлении мы видим обращение к творчеству других известных философов, таких как Василий Розанов, Николай Бердяев, Павел Флоренский, Алексей Лосев, для обнаружения их позиций по вопросам феминизма и оценки самого женского эмансипационного движения.

Список литературы

1. Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 546 с.
2. Шпет Г. Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 378 с.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. 880 с.

4. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 482 с.
5. Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая Гвардия, 2000. 613 с.
6. Коплстон Ф. К. Философия в России (от Герцена до Ленина и Бердяева). Текст: электронный // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH019d31f554035d3726daee73> (дата обращения: 31.02.2023).
7. Саттон Дж. Религиозная философия Владимира Соловьёва. На пути к переосмыслению. Киев: Дух і літера, 2008. 304 с.
8. Богданова Е. Р., Коновалова Е. Н. Проблема человека в творчестве В. С. Соловьёва // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования: сб. ст. VIII Междунар. науч. форума молодых учёных, инноваторов, студентов и школьников (г. Астрахань, 23–25 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Т. В. Золиной. Астрахань: АГАСУ, 2019. С. 323–326.
9. Гугова С. В., Патрахин А. И. Нравственная сущность человека в антропологическом учении Владимира Соловьёва // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: сб. ст. VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Нижневартовск, 01 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Д. А. Погоньшева. Нижневартовск: Нижневартовск. гос. ун-т, 2021. С. 47–52.
10. Солнцева Е. А., Ефремова В. И. «Вечная Женственность» как идейное основание новой культурной парадигмы современности // Шаг в науку. 2020. № 4. С. 109–112.
11. Gaisin A. Solovyov's Metaphysics between Gnosis and Theurgy // Religions. 2018. Vol. 9. P. 1–10.
12. Tremblay F. Russian Ontologist: An Overview // Studies in East European Thought. 2021. Vol. 73. Pp. 123–140.
13. Randall A. Poole Christian Humanism in Russian Religious Thought // Соловьёвские исследования. 2022. № 2. С. 141–155.
14. Proskuriakov M. Phenomenon of Saint Vladimir in the Aspect of the Christ-Centered Worldview of V. S. Solovyov // Utopía y praxis latinoamericana. 2020. Vol. 25. P. 379–387.
15. Sládek K. Sophiology as a Theological Discipline according to Solovyov, Bulgakov and Florensky // Bogoslovni vestnik. 2017. Vol. 77. P. 109–116.
16. Van der Zweerde E. Between Mysticism and Politics: The Continuity in and Basic Pattern of Vladimir Solov'ev's Thought // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2019. Vol. 5. P. 136–164.
17. Соловьёв В. С. Идея человечества у Августа Конта: собр. соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 882 с.
18. Соловьёв В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации: Алгоритм, 2012. 656 с.
19. Соловьёв В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.
20. Соловьёв В. С. Россия и вселенская церковь. М.: Путь, 1911. 448 с.
21. Соловьёв В. С. Буддийское настроение в поэзии // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 425–465.
22. Соловьёв В. С. Жизненная драма Платона // Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 236–283.
23. Величко В. Л. Владимир Соловьёв. Текст: электронный // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/w/welichko_w_l/text_1904_soloviev.shtml (дата обращения: 25.03.2022).
24. Янжул И. И. Из воспоминаний о Вл. Соловьёве. Текст: электронный // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1910_yanzhul.shtml (дата обращения: 25.02.2023).
25. Бердяев Н. А. Владимир Соловьёв и мы. Текст: электронный // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1937_vladimir_soloviev_i_my.shtml (дата обращения: 25.02.2023).
26. Соловьёв В. С. Женский вопрос // Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 356–358
27. Радлов Э. Л. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. СПб.: Общественная польза, 1908–1923. 349 с.
28. Соловьёв В. С. На заре туманной юности // Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 459–474.

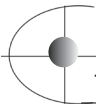
Информация об авторе

Тіпкіна Аліна Андреевна, аспирант; Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева; 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95; alin.tipikina2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>.

Для цитирования

Тіпкіна А. А. Женская тема в творчестве В. С. Соловьёва // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 37–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-37-46.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 29.04.2023.

References

1. Ern, V. F. Essays. M: Pravda, 1991. (In Rus.)
2. Shpet, G. G. Philosophical sketches. M: Progress, 1994. (In Rus.)
3. Zen'kovskiy, V. V. History of Russian philosophy. M: Akademicheskii Proekt, 2001. (In Rus.)
4. Losskiy, N. O. History of Russian philosophy. M: Sovetskiy pisatel', 1991. (In Rus.)
5. Losev, A. F. Vladimir Solovyov and his time. M: Molodaya Gvardiya, 2000. (In Rus.)
6. Koplston, F. K. Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev. Web. 31.03.2022 <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH019d31f554035d3726dae73> (In Rus.)
7. Satton, J. The Religious Philosophy of Vladimir Solovyov: Towards a Reassessment. Kiev: Duh i litera, 2008. (In Rus.)
8. Bogdanova, E. R., Konovalova, E. N. The problem of human being in the work of V. S. Solovyov. Materials of VIII International scientific forum of young scientists, innovators, students and schoolchildren. Astrakhan. 23–25 April 2019: 323–326 (In Rus.)
9. Gutova, S. V., Patrahin, A. I. The moral essence of man in the anthropological teaching of Vladimir Solovyov. Materials of VIII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Nizhnevar-tovsk. 1 December 2020: 47–52. (In Rus.)
10. Solentsova, E. A., Efremova, V. I. "Eternal femininity" as the ideological basis of the new cultural paradigm of our time. Step in science, no. 4, pp. 109–112, 2020. (In Rus.)
11. Gaisin, A. Solovyov's Metaphysics between Gnosis and Theurgy. Religions, no. 9, pp. 1–10, 2018. (In Engl.)
12. Tremblay, F. Russian Ontologism: An Overview. Studies in East European Thought, no. 73, pp. 123–140, 2021. (In Engl.)
13. Randall, A. Poole Christian Humanism in Russian Religious Thought. Solov'yovskie issledovaniya, no. 2, pp. 141–155, 2022. (In Engl.)
14. Proskuriakov, M. Phenomenon of Saint Vladimir in the Aspect of the Christ-Centered Worldview of V. S. Solovyov. Utopia y praxis latinoamericana, no. 25, pp. 379–387, 2020. (In Engl.)
15. Sládek, K. Sophiology as a Theological Discipline according to Solovyov, Bulgakov and Florensky. Bogoslovni vestnik, no. 77, pp. 109–116, 2017. (In Engl.)
16. Zweerde, Evert van der Between Mysticism and Politics: The Continuity in and Basic Pattern of Vladimir Solovyov's Thought. Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society, no. 5, pp. 136–164, 2019. (In Engl.)
17. Solovyov, V. S. Idea of humanity by Avgust Kont. Sochineniya in 2 v. Vol. 2. M: Mysl'. 1990: 562–582. (In Rus.)
18. Solovyov, V. S. The justification of good. M: Institut russkoi civilizatsii, Algoritm, 2012. (In Rus.)
19. Solovyov, V. S. The meaning of love: selected works. M: Sovremennik, 1991. (In Rus.)
20. Solovyov, V. S. Russia and universal church. M: Put', 1911. (In Rus.)
21. Solovyov, V. S. Buddhist mood in poetry. Philosophy of art and literary criticism. M: Iskusstvo, 1991: 425–465. (In Rus.)
22. Solovyov, V. S. Platon's life drama. Ed. by Tsimbaeva N. I. The meaning of love: selected works. M: Sovremennik, 1991: 236–283. (In Rus.)
23. Velichko, V. L. Vladimir Solovyov. Web. 25.03.2022. http://az.lib.ru/w/welichko_w_l/text_1904_soloviev.shtml (In Rus.)
24. Yanzhul, I. I. From memories of Vl. Solovyov. Web. 25.03.2022. http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1910_yanzhul.shtml (In Rus.)
25. Berdyaev, N. A. Vladimir Solovyov and us. Web. 25.02.2023. http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1937_vladimir_soloviev_i_my.shtml (In Rus.)
26. Solovyov, V. S. Women's question. Literary criticism. M: Sovremennik. 1990: 356–358. (In Rus.)
27. Radlov, E. L. Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov. In 4 v. V. 3. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. 1908–1923. (In Rus.)
28. Solovyov, V. S. At the dawn of a misty. Ed. by Tsimbaeva N. I., The meaning of love: selected works. M: Sovremennik, 1991: 459–474. (In Rus.)

Information about author

Tipikina Alina A., Post-graduate student; Orel State University; 95 Komsomolskaya st., Orel, 302026, Russia; alin.tipikina2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>.

For citation

Tipikina A. A. Women's Theme in the Works by V. S. Solovyov // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 37–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-37-46.

Received: March 10, 2023; approved after reviewing April 27, 2023; accepted for publication April 29, 2023.

Научная статья

УДК 314

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-47-56

**Китайские мигранты как социальная группа
в социогуманитарном знании: теория и практика****Ирина Анатольевна Щеткина¹, Цзян Дань², Дина Борисовна Сундужева³**^{1,2,3}*Забайкальский государственный университет, Чита, Россия*¹*irinasocio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>,*²*dan.tszian@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>,*³*dina-sundueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0147-8762>*

Современный мир характеризуется динамичностью, изменением социальных, экономических, политических реалий. Одним из явлений, развивающихся быстрыми темпами, благодаря новым формам коммуникации, цифровым способам передачи информации и взаимодействия, становится миграция. Результатом миграционных процессов является создание в принимающей стране социальных групп мигрантов, которые выполняют функции обеспечения адаптации их членов в новом для них социальном пространстве. В этой связи актуальным является теоретическое исследование мигрантов как социальной группы, описание функциональных характеристик китайских мигрантов как социальной группы. Целью статьи выступает выявление в научных концепциях и социальной реальности основных характеристик и функций мигрантов как социальной группы, выделение системообразующих признаков социальной группы китайских мигрантов. В результате проведённого исследования выделены системообразующие признаки социальной группы китайских мигрантов, среди которых взаимодействие, рассмотрение себя как члена данной социальной группы, выработка норм и правил поведения, общие цели и задачи деятельности и др. В статье уточнено понятие «социальные группы» – это объединения людей, взаимодействующих друг с другом в процессе своей жизнедеятельности на основе традиционных и инновационных ценностей, норм и правил поведения, объединения людей, выполняющие определенные функции в обществе. Исследование показало, что под социальными группами китайских мигрантов подразумевают диаспоры, социальные общности, анклавов. Проведённый теоретический анализ социальной группы позволяет сделать вывод о том, что в научной литературе отсутствует единое понимание концепта «социальная группа» и обуславливает дальнейший поиск системообразующих признаков социальных групп мигрантов разных стран. Это детерминировано динамичностью самой социальной реальности, вносящей определённые коррективы в исследования социальной группы, а также постоянным изменением роли социальных групп в пространстве их жизнедеятельности.

Ключевые слова: китайские мигранты, социальная группа, социальная группа китайских мигрантов, функции социальных групп, признаки социальных групп, миграция

Original article

Chinese Migrants as a Social Group in Socio-Humanitarian Knowledge: Theory and Practice**Irina A. Shchetkina¹, Jiang Dan², Dina B. Sundueva³**^{1,2,3}*Transbaikal State University, Chita, Russia*¹*irinasocio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>,*²*dan.tszian@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>,*³*dina-sundueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0147-8762>*

The modern world is characterized by dynamism, changing social, economic, and political realities. Migration is becoming one of the phenomena developing rapidly due to new forms of communication, digital ways of transmitting information and interaction. The result of migration processes is the creation of social groups of migrants in the host country, which perform the functions of ensuring the adaptation of their members in a new social space for them. In this regard, the theoretical study of migrants as a social group, the description of the functional characteristics of Chinese migrants as a social group is relevant. The purpose of the article is to identify in scientific concepts and social reality the main characteristics and functions of migrants as a social group, to highlight the system-forming features of the social group of Chinese migrants. In the article, social groups are considered as associations of people interacting with each other in the course of their life on the basis of tradi-

© Щеткина И. А., Цзян Дань, Сундужева Д. Б., 2023

tional and innovative values, norms and rules of behavior, associations of people performing certain functions in society. As a result of the conducted research, the system-forming features of the social group of Chinese migrants are identified, including interaction, consideration of oneself as a member of this social group, development of norms and rules of behavior, common goals and objectives of activity, etc. The study showed that the social groups of Chinese migrants mean diasporas, social communities, enclaves. The theoretical analysis of the social group allows us to conclude that there is no unified understanding of the concept of "social group" in the scientific literature. This is determined by the dynamism of the social reality itself, which makes certain adjustments to the research of the social group, as well as by the constant change in the role of social groups in the space of their life activity.

Keywords: Chinese migrants, social group, social group of Chinese migrants, functions of social groups, signs of social groups, migration

Введение. Современная эпоха получает свою рефлексия в различных явлениях, процессах, фактах, событиях, которые во многом определяют её облик, социально-экономическое, политическое развитие. Одним из таких явлений в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. стала миграция, которая носит масштабный, динамичный, глобальный характер, охватывая все страны и континенты. «К 2020 году более 40 % международных мигрантов в мире (115 млн человек) были родом из Азии, причем почти 20 % – в основном из шести азиатских стран, Индия, Китай, Бангладеш, Пакистан, Филиппины и Афганистан. Мексика является второй по величине страной происхождения, а Российская Федерация – третьей. США являются не только крупнейшей страной назначения для китайских мигрантов, но и крупнейшим источником иностранных студентов в США: по оценкам, в 2019–2020 учебном году в США учились 372000 китайских студентов»¹.

Миграционные потоки оказывают влияние на многие процессы, как в принимающих обществах, так и в обществах, «выталкивающих» людей. Человечество сегодня осознало, что решение многих проблем невозможно без учёта миграционных процессов.

Главной целью миграции является улучшение качества жизни через получение образования, медицинских услуг, формирование инновационных компетенций, организацию трудовой деятельности, воссоединение с родственниками. Именно в таком аспекте впервые рассматривал миграцию Дж. Форрестер в работе «Мировая динамика», понимая под миграцией перемещение людей из одного государства в другое по различным причинам [1]. Среди таких причин

учёный выделял ухудшение экологии, рост безработицы, большую плотность населения, ухудшение качества пищи, истощение природных ресурсов. Следует отметить, что проблематика миграции не является новой для учёных. Существует множество научных концепций, теорий миграции, где мигранты рассматриваются как объекты и субъекты миграционного процесса, миграционной политики. «В научной литературе распространено представление, что социальными субъектами миграционных процессов являются: мигрант – лицо, совершающее территориальное передвижение (миграцию) со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок (от 1 дня до нескольких лет), и мигранты – социальные группы, совершающие миграционное движение» [1].

Обзор литературы. В рамках представленной проблематики выделены два блока научных исследований. Первый блок включает работы, в которых осуществлен концептуальный анализ социальных групп, дано описание их функциональных характеристик. В этом блоке выделены исследования Т. Шибутани [2]; работы классиков научного знания конца XIX – начала XX в. (Г. Зиммель, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм и др. [3–5]), обосновавших значимость социальных групп в жизнедеятельности общества, их влияние на общественные процессы. В частности, Э. Дюркгейм раскрыл закономерности взаимодействия социальных групп с фактами, событиями реальной действительности, показал зависимость числа самоубийств от состояния социальной группы. К этому же блоку можно отнести и работы отечественных и зарубежных учёных, выделяющих отдельные признаки социальных групп: взаимодействие (П. Сорокин); регулярность взаимодействия (Э. Гидденс); идентификация (Р. Мертон, Н. Смелзер) и др. [6–8].

¹ Отчет о мировой миграции за 2022 год. Аналитический центр по вопросам глобализации. – URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-chinese> (дата обращения: 24.03.2023). – Текст: электронный.

Второй блок исследований образуют работы, посвящённые анализу китайский мигрантов как социальной группы, выделению их общих и специфических характеристик (Кастельс М., Чэнь Яньдэ, Тан Цзин, Сян Кайбяо, Gungwu Wang) [9–12]. О духовных ценностях, взаимосвязи традиций и инноваций, как одного из индикаторов жизнедеятельности китайского населения в эпоху модернизации Китая, обращает внимание О. Б. Бальчиндоржиева [13].

Методология и методы исследования. Методологическая основа исследования представлена концепцией социальных групп Я. Щепанского¹, раскрывающей основные аспекты анализа социальной группы как явления социальной реальности и научного понятия: определение социальной группы как объективного феномена, выявление роли и места в социуме, обоснование специфических индикаторов, отличающих данное образование от социальной общности, социальных кругов. В процессе исследования были использованы различные методы. Метод от общего к частному, который дал возможность спровоцировать общие характеристики, присущие социальным группам к социальной группе китайских мигрантов, выделив её специфические черты. Сравнительно-сопоставительный метод был использован при оценке позиций учёных в исследовании социальных групп как явления объективной реальности и научного понятия.

Результаты исследования и их обсуждение. В научных исследованиях существуют разное понимание роли мигрантов. Мигрантов рассматривают как ресурс развития современной цивилизации; один из факторов нестабильности общества, угрозу социальной безопасности; социальное явление; маргиналов; средство решения социальных, экономических проблем, как в странах реципиентов, так и в странах-донорах. Все эти подходы актуализируют необходимость регулирования миграционных процессов, что нашло отражение в миграционной политике как технологии управления миграционными потоками. Эффективность управления миграционными потоками обусловлена рядом объективных и субъективных факторов:

– во-первых, пониманием сущности мигрантов в социальной структуре общества (диаспора, организация, социальная группа, общность, землячество, семья и др.);

– во-вторых, количеством мигрантов, проживающих на территории страны реципиента, их соотношением с населением страны. Так, в РФ к 2025 г. число мигрантов превысит треть населения страны. К 2026 г. население России уменьшится до 135 млн чел. Эксперты же ООН считают, что к концу 2025 г. население нашей страны достигнет 130 млн чел.²;

– в-третьих, наличием различных групп мигрантов (трудовая миграция, мигранты – профессионалы, работающие по контракту, мигранты, получающие образование; мигранты, имеющие низкий уровень квалификации. В современных условиях (речь идёт о китайских мигрантах) «...заметно снизилось значение традиционных типов экономической активности зарубежных китайцев, например, ресторанов и бакалейных магазинов. Сейчас китайцы знамениты как квалифицированные программисты, учёные, бизнесмены. Более 450 «новых» китайских мигрантов работает в офисе «Моторола» в Чикаго, более 2 тыс. работают на автомобильном предприятии в Детройте, многие компании «новых» китайских мигрантов размещены в «Силиконовой долине» [14];

– состоянием рынка труда, а именно совмещением миграционных потоков с потребностями экономики принимающей стороны.

Нам представляется, что одним из факторов эффективности реализации миграционной политики остановится социальный статус мигрантов. Феномен «мигрант» соответствует всем характеристикам, индикаторам социальной группы. Для доказательства данной точки зрения обратимся к существующим определениям социальной группы в социально-гуманитарном знании.

В научной литературе существует разное понимание социальной группы, что обусловлено динамичностью, противоречивостью окружающего пространства, различной функциональностью самих социальных групп, их структурной сложностью, изменением роли в социальной реальности. Социальные группы выполняют функции,

¹ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

² Целая Португалия «гастарбайтеров». Думцы видят в них угрозу России. – Текст: электронный // Аргументы и факты. – URL: <https://aif.ru/society/26271> (дата обращения: 20.03.2023).

значимые не только для общества, но и для личности. Социальная группа – это своеобразный «мостик», связывающий общество и личность, членов социальных групп через возникновение различных видов взаимодействий.

В классической науке XIX – начала XX в. (Л. Гумплович, Г. Зиммель, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм) социальная группа получила теоретическое и эмпирическое обоснование. В частности, Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» выявил закономерности между количеством суицидов и сплочённостью социальной группы. Учёный считает, что сплочённость социальной группы позволяет снизить количество суицидов. С другой стороны, дезорганизованность социальных групп, отсутствие общего дела и интересов, способствует увеличению числа суицидов [15].

По мнению П. Сорокина, социальной группой можно считать «...совокупность совместно живущих людей, которые влияют друг на друга или взаимодействуют друг с другом...» [16]. В данном определении учёный выделяет следующие признаки социальных групп: общее жизненное пространство, взаимодействие людей, живущих в нем и осуществляющих совместную деятельность. Им выделены различные типы и виды социальных групп, а именно: семейные, государственные, расовые, языковые, профессиональные, имущественные, религиозные, объемно-правовые, привилегированно-обделенные, партийные, группы великих людей и др.

Э. Гидденс при выделении образующих признаков делает акцент не столько на взаимодействие, сколько на его регулярность или нерегулярность, которые выступают как детерминанты состояния социальной группы. Так, регулярность взаимодействия обеспечивает сплочённость группы, её единство. «Социальная группа – это некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе. Такая регулярность приводит к сплочению принимающих участие во взаимодействии в отдельное целое с некими общими социальными характеристиками. Члены группы ожидают друг от друга определенных форм поведения, не требующихся от не-членов» [17].

В качестве основного признака социальной группы Р. Мертон, Н. Смелзер называют осознание членами группы своей принадлежности к ней [18].

Основным фактором, образующим социальную группу, является солидарность, считает Л. Козер. «Первичная группа построена на широкой и всепроникающей солидарности её членов, а не на обмене конкретными услугами или выгодами» [19].

Российский учёный А. И. Кравченко понимает под социальной группой совокупность людей, объединённых на основании ряда социальных признаков¹.

Определения социальной группы в современной науке очень многообразны. Ученые выделяют следующие критерии образования социальных групп, которые детерминируют содержание данного понятия:

- различные виды связей (формальные и неформальные);
- совместная деятельность субъектов, имеющих определённые цели, жизненные стратегии на основе интеракций, выполняющих определённые социальные роли;
- особые социальные отношения, возникающие в группе;
- осознание членами группы своей принадлежности к ней и воспринимаемых окружением как членов определённой группы;
- регулярность и нерегулярность взаимодействия;
- общность интересов членов группы, возникающих в процессе коллективного действия;
- социальный статус группы [20–21].

Данные определения рассматривают социальную группу как уже сложившееся устойчивое образование. В тоже время ряд учёных подходят к пониманию социальной группы с точки зрения причин её образования, относя к ним согласованные общие интересы. Т. Шабутани в качестве основного критерия выделения социальной группы называет удовлетворённость членов группы результатами коллективной деятельности, реализацией поставленной цели [22]. Учёный делает акцент на субъективных характеристиках социальной группы, в отличие от других определений, выделяющих объективные индикаторы.

Широкий спектр характеристик социальной группы выделяют авторы статьи «О соотношении категорий “социальная общность” и “социальная группа”». Учёные рассматривают социальную группу как элемент общественного сознания, признавая

¹ Кравченко А. И. Социология. – М.: Юрайт, 2014. – 584 с.

её субъективный характер. К характеристикам социальной группы они относятся: добровольность, осознание себя членами данной группы, субъективная рефлексия личности, осознание себя как «нас» или «мы», глубокие внутренние противоречия, следование нормам и правилам поведения, постоянные и тесные взаимодействия, влияние группы на жизнедеятельность личности как члена группы, свобода в действиях, выполнение определенных функций, выделение роли отдельной личности [23].

Таким образом, становится очевидным, что в научной литературе существуют разные трактовки социальной группы, однако основной акцент во всех приведённых позициях сделан на взаимодействие внутри группы и во внешней среде.

Интересный подход к исследованию социальной группы предлагает Я. Щепаньский¹. Исследователь формирует целостную, системную концепцию социальной группы. Во-первых, проблема социальной группы, по мнению исследователя, является актуальной в силу того, что в научном знании и реальной практике понятие употребляют очень «...произвольно и применяют к достаточно различным формам совместной жизни»².

Во-вторых, обращаясь к историческому аспекту, учёный анализирует различные точки зрения в вопросе о трактовке понятия «социальная группа», выделяя следующие: номиналистическая, в которой группа понимается как совокупность черт личностей – её членов»³; реалистическая, понимающая социальную группу как «самостоятельную реальность»; психологическая, делающая акцент на психологических механизмах, обеспечивающих функционирование группы как целостного образования. К числу этих механизмов относятся «...мысли, эмоции, волевые акты, стремления, импульсы, находящиеся во взаимодействии»⁴.

В-третьих, для более полного представления о социальной группе исследователь проводит сравнительно-сопоставительный анализ социальной группы с другими образованиями (социальный круг, группа, бюрократия, семья, территориальные общности, социальные слои и классы и др.). Такой под-

ход даёт основания для рассмотрения социальной группы как образования частного по отношению к социальной общности как общей категории. Учёный проводит сопоставление социальной группы и социального круга, подчеркивая, что социальный круг оказывает значительно меньшее влияние на членов и в меньшей степени детерминирует их жизнедеятельность.

На основе проведённого исследования Я. Щепаньский даёт определение социальной группы как «...определённому виду реальности, существующему независимо от стремления и воли индивидов. Социальные группы существуют объективно, доступны объективному и опытному познанию, оказывают влияние на своих членов, вступают в отношения друг с другом и т. д. Особенности членов личностей отражаются на их организации и на жизненных процессах, что психические явления и процессы, происходящие в сознании их членов, отражаются на их общественной жизни...»⁵.

Данные критерии носят условный характер, так, они выделены либо на основе изучения социальных фактов, либо путём анализа различных теоретических выкладок в рамках данной проблематики. Причём, вес данных критериев весьма неоднозначен: одни представлены в полном объёме, другие – схематично. В реальной практике все эти критерии не существуют в чистом виде. Они взаимно дополняют и детерминируют друг друга. Отдельно возможно только на уровне теоретического знания. Однако эти критерии становятся основанием для исследования социально-экономических, политических, демографических, миграционных процессов, управления ими.

К исследованию социальной группы на основе эмпирического материала, отражающего возникновение, социальную сущность, роль нового класса постиндустриального общества – класса интеллектуалов как главного ресурса развития современного социума обращается В. И. Иноземцев [24]. По мнению учёного, системообразующими признаками социальных групп выступают высокий уровень образования, обладание властью, ведущие позиции во всех сферах жизнедеятельности общества.

Таким образом, проведённый анализ существующих трактовок социальных групп дал возможность сформулировать понима-

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ние социальной группы как объединения людей, взаимодействующих друг с другом в процессе своей жизнедеятельности на основе традиционных и инновационных ценностей, норм и правил поведения, выполняющей определённые функции в обществе: регулятивную, интегративную, транслирующую, коммуникативную и другие.

На основе выделенных критериев и определений проведем анализ китайских мигрантов как социальной группы. Во Всемирном докладе о миграции за 2022 г., приводится рейтинг стран отправляющих мигрантов в другие страны: Индия – 18 млн чел., живущих за границей; Мексика является второй по величине страной, отправляющей мигрантов – 11 млн чел.; Россия занимает третье место – 10,8 млн чел.; Китай является четвёртой по величине страной, отправляющей мигрантов – 10 млн чел.¹

Китайские мигранты широко представлены за рубежом, включая Северную Америку, Европу, Австралию, Россию и Новую Зеландию. Их опыт жизни и работы за рубежом уникален, он требует от них адаптации к новой социальной и культурной среде, изучения новых языков и обычаев, решения экономических и профессиональных вопросов, создания социальных сетей, а также пересмотра своей идентичности и культурных ценностей. Китайские иммигранты вносят большой вклад в социально-экономическое развитие, как страны донора, так и страны реципиента, способствуют межкультурному обмену и сотрудничеству. Китайские мигранты являются важной частью межкультурного обмена, социального плюрализма, а также связующим звеном международного сотрудничества. В то же время число китайских иммигрантов за рубежом растёт, они представляют разные культурные слои и социальные классы и сталкиваются со множеством различных вопросов и проблем. Китайских мигрантов можно классифицировать по социальным и демографическим критериям: пол, возраст, национальность, раса, профессия, место жительства, доход, власть, образование и др.

Социальные группы китайских мигрантов могут быть профессиональными, повседневными, образовательными, семейными

ми. Как отмечает М. Кастельс, «...значение клана сохраняется в Китае и по сей день, поскольку китайская организация бизнеса основана на семейных фирмах (цзяцзю ци-е) и кросс-секторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей. Фирма является семейной собственностью, а доминантная ценность касается семьи, а не фирмы. Когда процветает фирма, процветает и семья. После того, как накоплено достаточно богатства, оно делится среди членов семьи, которые инвестируют его в другие фирмы. Несмотря на частое соперничество внутри семьи, основой сделок всё ещё является личное доверие, ценимое выше юридических и конкретных отношений. Семейные фирмы связаны субподрядами, обменом инвестиций и разделением капитала» [10].

Находясь в принимающей стране, китайские мигранты сталкиваются с различного рода вызовами, рисками, расовой дискриминацией, языковым барьером, социальным неравенством. Все эти факторы детерминируют формирование социальной группой общих норм и кодексов поведения для помощи и поддержки друг друга. Китайские мигранты как социальные группы оказывают языковую, адаптационную, юридическую поддержку своим членам, проводя различного рода мероприятия, организуя профессиональное обучение. Благодаря взаимодействию, основой которого являются происхождение, язык, ценности, китайские мигранты идентифицируют себя как социальную группу.

Формирование и существование социальных групп китайских мигрантов во многом детерминировано той социальной, исторической средой, в которой они оказались, общими целями и интересами. Так, в 20-х гг. XX в. китайскими мигрантами как социальной группой были созданы профсоюзы. Например, «Приамурское отделение китайских рабочих» (1921, г. Благовещенск), «Отделение китайских рабочих» (1926, г. Владивосток), насчитывающие 400 членов, которые были представлены строителями, кожевниками, плотниками и другими профессиями [9]. Социальная группа китайских мигрантов имела свои школы, клубы, стадионы.

Одной из причин образования социальных групп, в том числе и группы китайских мигрантов, является их стремление сохранить свой культурный образ, рефлексировав его в создание различных организаций.

¹ Отчёт о мировой миграции за 2022 год. Аналитический центр по вопросам глобализации. – URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-chinese> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.

Примером может служить сохранение социальной группой китайских мигрантов религиозных традиций, ценностей. В частности, китайскими мигрантами на Филиппинах были созданы религиозные организации, такие как Храм Тонг Хуай, Храм Тхекчен Чолинг [26]. Их структуру образуют совокупность элементов традиционных общественных организаций китайских мигрантов и добровольных организаций в современном обществе. Эти организации в своей деятельности занимаются религиозной пропагандой, укреплением дисциплины, связей между социальными группами китайских мигрантов, участвуют в образовательной и благотворительной деятельности.

Значимой характеристикой социальной группы является её способность действовать сплоченно, когда этого требуют интересы её членов. Так, в период пандемии Covid-19 корпорация Чжэн Да на Филиппинах и в Камбодже пожертвовала учреждениям здравоохранения, вложила средства в фабрику по производству масок. Социальные группы китайских мигрантов в этих странах собрали 7,98 млн юаней и 500 000 долл. США с целью оказания поддержки в борьбе с эпидемией правительствам стран – мест проживания мигрантов. В Великобритании социальными группами китайских мигрантов были созданы пункты раздачи средств для профилактики эпидемии и лекарств китайским студентам. В городе Прато в Италии социальные группы китайских мигрантов выступили с инициативой отмены вечеринок, сокращения поездок, обязательного ношения масок. Часть предприятий китайских мигрантов приостановила свою работу. Все эти действия были очень эффективны и дали возможность добиться в китайской общине в Италии «нулевой инфекции»¹.

Другим фактором, детерминирующим формирование социальной группы китайских мигрантов, становится база, созданная предыдущими поколениями мигрантов. Так, китайские мигранты, как отмечает А. Г. Ларин, существуют в России «... более 150 лет, с конца 50-х годов XIX века» [25]. В Японии первые китайцы появились во второй половине XIX в. в лице торговцев, компрадоров

и обсуживающего персонала. «Именно благодаря торговцам, компрадорам и трудовым мигрантам в разных городах Японии начали появляться китайские анклав, развитие которых пришлось на очень сложный этап японо-китайских отношений: ломки старых стереотипов взаимного восприятия и формирования новых. Китайцы вносили весомый вклад в знакомство Японии с некоторыми техническими достижениями Запада» [26].

Одной из особенностей китайских мигрантов как социальной группы является сохранение духовно-нравственных ценностей, что продиктовано их значимостью в жизнедеятельности народа, а также процессом модернизации Китая. Верность духовным ценностям присуща и китайским мигрантам, что обеспечивает их сплоченность, единство, устойчивость. Социальная группа китайских мигрантов находится в состоянии постоянной эволюции своей структуры, технологий взаимодействия, характеризуется разнообразием языков, политических, социальных, профессиональных признаков, отсутствием привязанностью к месту прежнего проживания. Кроме того, меняется взаимодействие социальных групп китайских мигрантов с Родиной. В современной действительности в процессе взаимодействия участвует китайское государство, проводя политику по отношению к китайским мигрантам под лозунгом «консолидировать сердца, объединять умы, развивать возможности для возрождения великой китайской нации»². Значимыми становятся и миграционные сети как основа самоподдерживающей миграции. «Сохранение связи с Родиной приводит к появлению социальных сетей, которые могут помочь будущим трудовым мигрантам найти работу и быстро адаптироваться в странах назначения» [27]. Китайское правительство нацелено на усиление влияния социальных групп мигрантов на жизнедеятельность принимающей страны, активно привлекая своих сограждан к участию в распространении культуры Китая, открытию своего дела, следованию местным законам, участию в общественной жизни принимающей стороны, защите интересов членов социальной группы [28; 30]. Так, правительство Китая пытается усилить влияние китайских мигрантов в принимающей стране.

¹ Сюй Юйшэн. Мы можем бороться с эпидемией вместе и преодолевать трудности времени с единым сердцем, Искание истины, цитируется в Китайской новостной сети. – URL: <http://www.chinanews.com/hr/2020/04-16/9158526.shtml> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.

² Ли Хайфэн: новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК. – Текст: электронный // China Review News. 20.03.2023. – URL: <http://cn.chinareviewne> (дата обращения: 20.03.2023).

Закключение. Таким образом, анализ концепций отечественных и зарубежных учёных демонстрирует отсутствие единого подхода к пониманию категории «социальная группа», выделению ей индикаторов, что объясняется неопределённостью, расплывчатостью, сложностью, многоаспектностью самого феномена «социальная группа». Общим признаком, объединяющим все определения социальной группы как гносеологического понятия, является взаимодействие. Акцент на данном признаке может быть объяснён тем, что в процессе взаимодействия люди вступают в определённые отношения, формируют и создают различные ценности, нормы и правила поведения. Теоретико-методологический анализ социальной группы в рамках исследований современных учёных дал возможность

спроецировать существующие определения социальной группы, её признаки, выполняемые функции, на исследование китайских мигрантов как социальной группы. Из вышесказанного ясно, что китайские мигранты как социальная группа соответствуют значению социальных групп и имеют характеристики социальных групп. Можно утверждать, что китайские мигранты – это группа китайцев, объединённых общими целями, действиями и интересами, основой которых стала культура, язык, духовно-нравственные традиции, современные ценности и жизненный опыт. Китайские мигранты как социальная группа сыграли важную роль в истории, продемонстрировав умение достигать общих целей и интересов различными способами, оказывая глубокое влияние на развитие цивилизации.

Список литературы

1. Форрестер Д. Мировая динамика. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 379 с.
2. Shibutani T. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1961. 630 p.
3. Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. 607 с.
4. Ионин Л. Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука, 1979. С. 164–179.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз, 1998. 496 с.
6. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 1136 с.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
8. Смелзер Н. Д. Социология // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 79–91.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высш. школа экономики, 2000. 608 с.
10. Чэнь Яньдэ. Исследование о религиозных организациях китайских мигрантов в Филиппинах // Исследование истории морского транспорта. 1996. № 01. С. 34–39.
11. Сян Кайбяо. Цюйюй взньхуа дуй цие цзя Чуансинь цзиншэнь пэйюй дэ инсян = Влияние региональной культуры на развитие инновационного духа предпринимателя. Гуи Чжоу: Гуйчжоу Жи-бао, 2018. URL: http://www.cssn.cn/glx/glx_xzlt/201804120180411_3945442^Mt1 (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
12. Gungwu Wang. The Chinese Overseas: From Earthbound China to the Quest of Autonomy. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 217 p.
13. Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2015. 383 с.
14. Анализ ситуации новой миграции китайцев за рубежом. 科学中国人往. Текст: электронный // Научная газета. 30.11.2005. URL: <http://www.scichi.com/new/duzhe/Article/28.html> (дата обращения: 20.03.2023).
15. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз, 1998. 496 с.
16. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 1136 с.
17. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
18. Смелзер Н. Д. Социология // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 79–91.
19. Козер Л. А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
20. Шкаратан О. И., Сергеев Н. В. Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчёт // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 33–45.
21. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Моск. финанс.-экон. ин-т, 1995. 174 с.
22. Shibutani T. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1961. 630 p.

23. Горохов В. Ф., Васнева Н. Н. «О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» // Вестник Тамбовского университета. № 4. 2014. С. 12–21.
24. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. 2000. № 6. С. 67–77.
25. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
26. Ковригин Н. Е. Китайская миграция в Японию: историческая ретроспектива и проблемы социальной адаптации китайцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2010. 31 с.
27. Оганесян А. Участие КНР в современных миграционных процессах: особенности и основные направления // Вестник Пермского университета. 2020. Т. 14, № 2. С. 77–86.
28. Gungwu Wang. Migration and the new cultural identities. The Last Half Century of Chinese Overseas. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1998. P. 1–12.
29. Чжан Цзинчэн. Чуани чанье фачжань баогао = Развитие творческих потенциалов // Вэньхуа чуанье чанье. 2009. № 2. С. 98–130.

Информация об авторах

Щеткина Ирина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; irinasocio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Цзян Дани, аспирант; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; dan.tszian@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>.

Сундуева Дина Борисовна, доктор культурологии; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; dina-sundueva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0147-8762>.

Вклад авторов

И. А. Щеткина – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Цзян Дани – является организатором сбора материала исследования, его анализа и систематизации, оформления статьи.

Д. Б. Сундуева – осуществляла систематизацию результатов исследования, оформление статьи.

Для цитирования

Щеткина И.А., Цзян Дани, Сундуева Д. Б. Китайские мигранты как социальная группа в социогуманитарном знании: теория и практика // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 47–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-47-56.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

References

- Forrester, D. World dynamics. M: ACT; Spb: Terra Fantastica, 2003. (In Rus.)
- Shibutani T. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1961. (In Engl.)
- Simmel, G. Favorites. M: Urist, 1996. (In Rus.)
- Ionin L. G. The sociological concept of Ferdinand Tennis. History of bourgeois sociology of the XIX – early XX century M: Nauka, 1979. (In Rus.)
- Durkheim, E. Suicide: a sociological study. Spb: Souz, 1998. (In Rus.)
- Sorokin, P. A. System of sociology: in 2 vol. M: Nauka, 1993. (In Rus.)
- Giddens, E. Organization of society: Essay on the theory of structuration. M: Academicheskii proekt, 2003. (In Rus.)
- Smelzer, N. D. Sociology. Sociological research, no. 4, pp. 79–91, 1992. (In Rus.)
- Castells, M. Information age: economy, society and culture. Transl. from English and ed. by O. I. Shkaratan. M: GU VSHA, 2000. (In Rus.)
- Chen Yande. A Study on Religious Organizations of Chinese Migrants in the Philippines. A Study of the History of Maritime Transport, no. 01, 1996. (In Chin.)
- Xiang Kaibiao. The influence of regional culture on the development of the innovative spirit of the entrepreneur, 2018. Web. 20.03.2023. http://www.cssn.cn/glx/glx_xzlt/201804L20180411_3945442^Mt1 (In Chin.)
- Gungwu Wang. The Chinese Overseas: From Earthbound China to the Quest of Autonomy. London, England: Izdatelstvo University Harvard, 2000. (In Chin.)

13. Balchindorzhieva, O. B. Modernization of Chinese Society: A Socio-Philosophical Analysis. Dr. Philos. sci. diss Ulan-Ude, 2015. (In Rus.)
14. Analysis of the situation of new Chinese migration abroad. Nauchnay gazeta 11.30.2005. Web. 20.03.2023. <http://www.scichi.com/new/duzhe/Article/28.html> (In Chin.)
15. Durkheim, E. Suicide: a sociological study. Spb. Souz, 1998. (In Rus.)
16. Sorokin, P. A. System of sociology: in 2 vol. M: Nauka, 1993. (In Rus.)
17. Giddens, E. Organization of society: Essay on the theory of structuration. M: Academicheskii proekt, 2003. (In Rus.)
18. Smelzer, N. D. Sociology. Sociological research, no. 4, pp. 79–91, 1992. (In Rus.)
19. Kozer, L. A. Functions of social conflict. Transl. from English by O. Nazarova; Edited by L. G. Ionin. M: Dom intellektualnoi knigi: Idea-press, 2000. (In Rus.)
20. Shkaratan, O. I., Sergeev, N. V. Real groups: conceptualization and empirical calculation. Social sciences and modernity, no. 5, pp. 33–45, 2000. (In Rus.)
21. Olson, M. The logic of collective action. Public goods and group theory. M: FAI, 1995. (In Rus.)
22. Shibutani T. Society and personality: An interactionist approach to social psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1961. (In Engl.)
23. Gorokhov, V. F., Vasneva, N. N. On the correlation of the categories “social community” and “social group”. Humanitarian sciences. Questions of theory and methodology. Bulletin of TSU, no. 4, pp. 12–21, 2014. (In Rus.)
24. Inozemtsev, V. L. “The class of intellectuals” in the post-industrial society. Sotsis, no. 6, pp. 67–77, 2000. (In Rus.)
25. Castells, M. Information age: economy, society and culture. Translated from English and edited by O. I. Shkaratan. M: GU VSHA, 2000. (In Rus.)
26. Chen Yande. A Study on Religious Organizations of Chinese Migrants in the Philippines. A Study of the History of Maritime Transport, no. 01, 1996. (In Chin.)
27. Larin, A. G. Chinese migrants in Russia. History and modernity. M: Vostochnaya kniga, 2009. (In Rus.)
28. Kovrigin, N. E. Chinese Migration to Japan: Historical Retrospective and Problems of Social Adaptation of the Chinese. Cand. ist. sci. diss. abstr. St. Petersburg, 2010. (In Rus.)
29. Oganessian, A. Participation of the PRC in modern migration processes: features and main directions. Bulletin of the Perm University. Political science, no. 2, 2020. (In Rus.)
30. Gungwu Wang. Migration and the new cultural identities. The Last Half Century of Chinese Overseas. Izdatelstvo Universiteta Hong Kong, 1998. (In Engl.)
31. Zhang Jingcheng. Development of creative potentials. Wenhua chuanye chanye, no. 2, pp. 98–130, 2009. (In Chin.)

Information about author

Shchetkina Irina A., Candidate of Sociology, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; irinasocio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Jiang Dan, Postgraduate student, Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; dan.tszian@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7430-9113>.

Sundueva Dina B., Doctor of Culturology, Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; dina-sundueva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0147-8762>.

Contribution of the authors

I. A. Shchetkina the main author, the organizer of the study, formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Jiang Dan is the organizer of the collection of research material, its analysis and systematization, and the design of the article.

D. B. Sundueva carried out the systematization of the results of the study, the design of the article.

For citation

Shchetkina I. A., Jiang Dan, Sundueva D. B. Chinese Migrants as a Social Group in Socio-Humanitarian Knowledge: Theory and Practice // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 47–56. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-47-56.

**Received: March 27, 2023; approved after reviewing April 29, 2023;
accepted for publication April 30, 2023.**

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-57-67

Игра как онтологическая практика

Антон Николаевич Фортунатов¹, Наталья Геннадьевна Воскресенская²^{1,2} *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*¹anfort1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>,²navoskr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>

Онтологический статус игры, по мнению авторов, нуждается в особенно тщательном анализе, а традиционные подходы в исследованиях игр требуют более глубокого методологического обоснования. Нарастающее значение игровой культуры в современной социальной динамике остро ставит вопросы о сущности игр, на которые прежняя парадигма, опиравшаяся на деятельностный подход, не давала чётких ответов. Гипотеза исследования состоит в том, что игра является одной из древнейших онтологических практик и служит выявлению этических, смысловых, бытийных границ тех или иных житейских ситуаций, в которых личность вырабатывает для себя приемлемые или возможные стратегии поведения. В этом статусе игра сопоставима с ритуалом и выполняет схожие с ним функции в социальной динамике. В исследовании использовался феноменологический и системный методы с элементами структурно-функционального подхода и метода логической реконструкции, в качестве вспомогательного использовался инструментарий социологических исследований, в частности, метод фокус-групп. В результате проведённого исследования авторы пришли к выводу о том, что современные компьютерные, виртуальные игры выступают в роли инструментов самопознания для пользователей, а также служат для маркировки приемлемых и неприемлемых с социальной точки зрения моделей поведения. Социальная действительность играет здесь двойную роль. С одной стороны, она образует дихотомическую связь с виртуальной реальностью, что позволяет игроку формировать собственные этические принципы, связанные с поведением в различных средах. С другой – социальная действительность является источником для игровых сюжетов, имплицитно предлагая игроку относиться к ней созерцательно и отстраненно. Таким образом, исследование выявило новое социокультурное значение игры в общественном и личностном развитии. Предложенная методология трактовки игр является универсальным методом, с помощью которого чёткой верификации могут быть подвергнуты прежде трудно разрешимые вопросы, в частности, феномен лудомании.

Ключевые слова: игра, ритуал, лудомания, удвоение, коммуникативные технологии, виртуальная реальность

Original article

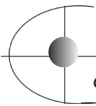
The Game as an Ontological Practice

Anton N. Fortunatov¹, Natalia G. Voskresenskaya²^{1,2} *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*¹anfort1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>,²navoskr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>

The ontological status of the game, according to the authors, today needs a particularly thorough analysis, and traditional approaches to game research require a deeper methodological justification. The growing importance of game culture in modern social dynamics sharply raises questions about the essence of games, to which the previous paradigm, based on an activity approach, did not give clear answers. The hypothesis of the study is that the game is one of the oldest ontological practices and serves to identify the ethical, semantic, existential boundaries of certain everyday situations in which a person develops acceptable or possible behavioral strategies for himself. In this status, game is comparable to ritual and performs similar functions in social dynamics. The study used phenomenological and systemic methods with elements of the structural-functional approach and the method of logical reconstruction, as an auxiliary toolkit of sociological research was used, in particular, the focus group method. As a result of the study, the authors came to the conclusion that modern computer, virtual games act as tools for self-knowledge for users, and also serve to mark socially acceptable and unacceptable behavior patterns. Social reality plays a double role here. On the one hand, it forms a dichotomous

© Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г., 2023

relationship with virtual reality, which allows the player to form their own ethical principles related to behavior in various environments. On the other hand, social reality is a source for game plots, implicitly offering the player to treat it contemplatively and detachedly. Thus, the study revealed a new socio-cultural significance of the game in social and personal development. The proposed methodology for the interpretation of games is a universal method, with the help of which previously difficult to resolve issues, in particular, the phenomenon of ludomania, can be clearly verified.

Keywords: game, ritual, gambling addiction, doubling, communication technologies, virtual reality

Введение. Трактовка игры, с точки зрения деятельностного подхода (на нём основано абсолютное большинство исследований), выявляет множество различных форм и проявлений этого феномена в социокультурных практиках, при этом существенные вопросы, связанные с онтологией игры, уходят в тень. Среди таких нерешённых проблем можно назвать следующие:

– существуют ли общие типологические признаки, объединяющие игру, например, в шахматы, игру младенца с погремушкой, футбол, карточные игры и игру актёров на сцене?

– в чём истоки предпочтения тех или иных игр в актуальных социальных практиках? Почему одни игры «умирают, уходя в прошлое» [1], а другие существуют в веках?

– почему лудомания до сих пор остаётся не полностью разъясненным феноменом (если это физиологическая зависимость, то в чём причины её тотального распространения, если обсессивно-компульсивное расстройство, то почему оно проявляется одинаково у сотен тысяч людей)?

Эти и множество других подобных вопросов всё острее начинают звучать на фоне нарастающего влияния игровой культуры на прежние, внеигровые, «респектабельные» формы социального взаимодействия – образование, политику, культуру, науку, гражданское взаимодействие и т. д. Игра, превратившись в квинтэссенцию деятельностного подхода, становится своеобразной матрицей, сквозь которую общество начинает смотреть на себя, теряя ощущение объективной целостности окружающего мира.

В свете поставленных вопросов гипотеза нашего исследования заключается в следующем. Игра как «человекообразующая машина», если использовать образный ряд Мераба Мамардашвили в контексте его рассуждений о ритуалах [2, с. 13], обладая «конструктивной, человекообразующей стороной» [Там же, с. 14], даёт человеку возможность открыть нечто, «о чём мы не знаем и что можем лишь открыть в качестве нашего «я» в нас самих» [2, с. 14].

Мамардашвили писал о ритуалах, но, с нашей точки зрения, речь идёт о том, что игра также является древним механизмом самоидентификации субъекта в окружающем его пространстве, способом понимания себя в мире, выявления смыслов и закономерностей социальной динамики в их отношении к субъекту социальных отношений. В этом случае интенции игрока обращены не столько во внешний мир (на что делают упор исследователи игр, работающие в контексте Хейзинги [3], Бёрна [4] и пр.), сколько в структуры собственного сознания, которое становится своеобразным полем исследования в форме «обыгрывания».

Рассуждая о ритуалах, Мамардашвили обращал внимание на то, что «сильное массовое воздействие на чувствительность переводит человека, являющегося свидетелем или участником такого ритуала, в какое-то особое состояние». У игры, с её правилами и приёмами введения в специфически игровое состояние, также есть такая функция, обеспечивающая «причины дления, причины для человеческой преемственности» [2, с. 15]. Однако если ритуалы ориентированы на фундаментальные бытийные переживания, то игра словно охватывает собой «всё остальное» в жизни, может быть, не столь яркое и важное, как рождение и смерть, но тем не менее, с социальной точки зрения, существенное для формирования памяти и преемственности.

Добавим к этому ритмико-формальную сторону игровой деятельности, которая коррелирует с ритуальными обрядами, имеющими мистико-иррациональную подоплеку. Другими словами, игра есть пралогическая форма рефлексии о «практической, формальной или технической вещи, которая призвана вносить порядок в человека и в его мир» [2, с. 20]. В этом и состоит принципиальная разница в предлагаемом нами подходе по отношению к существующим традициям: прежде игра воспринималась как инструмент воздействия на окружающий мир, как способ культурного поведения (раскрепощения), освобождающий челове-

ка от некоторых социальных условностей, в то время как в предлагаемом нами ракурсе это прежде всего человекоформирующий механизм, накладывающий на субъекта ряд определённых обязательств (с точки зрения памяти, навыков социальных взаимоотношений, этики, доброты, честности и т. д.), оставляющий свой след в его сознании.

Методология исследования. Таким образом, в фокусе проведённого исследования находилась обращённость игроков на самих себя. Благодаря участию в игре они получали возможность выявить в себе новые качества, возможности, состояния, ранее пребывавшие в неотрафлексированном, иррационально-спящем режиме. Сложность такого исследования состояла в том, что игра как форма идентификации является дорефлекторным, дорациональным способом взаимодействия личности с самой собой, а эти этапы, или формы социокультурной динамики по-прежнему остаются тёмными пятнами в социальной психологии или философии культуры.

Методологически в данной ситуации мы использовали феномен «удвоения» как одного из фундаментальных свойств человеческого сознания. Впрочем, «удвоение» тоже оказывается весьма противоречивым, ускользающим от анализа объектом, который реализует себя в совершенно различных, порой радикально несхожих проявлениях сознания. Так, например, по Г. Зиммелю, «человек в своей основе есть существо дуалистическое, ... раздвоение и противоречие образуют основную форму, в которой он воспринимает содержание своего мира» [5, с. 380]. А в религиозном сознании, с точки зрения исследователей «противоположное впервые осознаётся ... не как противопоставленное, а как иное» [6, с. 85].

Поскольку нюансы феномена удвоения не являются основной темой нашего исследования (по этому поводу уже существуют работы С. Д. Лобанова [7], Н. Ю. Поповой [8], И. М. Розет [9] и др.), в данной статье мы остановимся лишь на дистанцировании субъекта социального взаимодействия от его «двойника», погружённого в игровую коммуникацию. Характеристикой последнего является снятие некоторых социальных ограничений или табу (под лозунгом «это всего лишь игра»), нарушение которых в реальной жизни повлекло бы неминуемые последствия. Сама игра, как модель поведе-

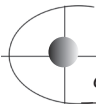
ния, в нашем исследовании тоже выступает как своего рода «упражнение» в удвоении, в выработке определённых навыков дистанцирования от самого себя.

В играх субъективное удвоение не является безусловным: оно носит умозрительный, или гипотетический характер, поскольку не подразумевает перехода модели в практику, а кроме того, не может не учитывать встречных интенций других игроков (соперников). Таким образом, игровая модельность хорошо иллюстрируется игрой в мушкетёров, сражающихся не реально заточенными шпагами, а сломанными прутиками. «Главный урок теории игр заключается в том, что необходимо ставить себя на место другого игрока» [10, с. 21].

Здесь необходимо отметить, что удвоение нами трактовалось вовсе не как отчуждение некоторого искусственного образа от реальной личности, а как динамический процесс, позволяющий определить смысловые границы тех или иных этических, социальных, культурных, физических и пр. состояний, необходимых полноценной личности для реализации её статуса дееспособной социальной единицы (не «противоположное» – а «иное»).

Подчеркнём и то, что в системе современной коммуникации игра всё больше обретает статус наиболее динамично развивающегося смыслового пространства, в котором передача информации и формирование новых знаний становится едва ли не приоритетным вектором развития этой системы, даже затмевая собой традиционно бросающиеся в глаза формы рекреации и социального эскапизма в контексте погруженности в игровую реальность [11–13].

Сегодняшняя коммуникативная система, создающая совершенно особые формы субъектного поведения, регламентированные технологическими особенностями циркуляции информации, её обработки и дальнейшей интеграции в социальные процессы, формирует особую этику «обратного воздействия» на реальность со стороны виртуальных систем [14]. В этой связи противоречивая связь личности и аватара, часто проявляющаяся в противостоянии и антагонизме, выражалась в рефлексии геймеров в виде неявных форм «игрового высокомерия», обвинительного настроения игровых виртуальных образов в отношении «неинтересной», «скучной» социальной среды.

Здесь чрезвычайно важно понять, где находится центр «этической тяжести» субъектного статуса человека. Известны случаи, когда игрок-инвалид, человек с социально ограниченными возможностями, реализовывал себя в качестве продвинутого геймера, виртуозно владеющего технологиями игры, раскованного и свободного, способного в буквальном смысле переворачивать горы.

В этой связи нам было интересно выявить истоки предпочтения тех или иных игр молодыми людьми. Ведь при прочих равных условиях человек выбирает то, что релевантно его склонностям, ожиданиям, например, играть в стратегию, в то время как его сосед, сидящий рядом, обладающий теми же знаниями и опытом, предпочитает шуттер. Здесь есть ещё и определённые социокультурные детерминанты: игра восполняет потребность в определенном переживании. Свобода в этой связи в игровом пространстве обретает черты «обратной рефлексии», т. е. способа раскрытия в себе спящих возможностей, не реализованных по тем или иным причинам в реальных социальных практиках.

Кроме того, виртуальная игра – это всегда не только «игра в сюжет», но и оформление границ настоящего-виртуального. Диффузия виртуального и реального сегодня являет собой серьёзную общественную проблему, которая кроется в сфере социальной психологии и которая касается самых актуальных сфер жизни.

Очень важное значение игры состоит в том, что она не только выявляет скрытые смыслы, которые не кажутся очевидными игроку в отношении самого себя, но и *координирует* эти смыслы с интенциями других игроков, тем самым создавая территорию социальной игры, в которой личностные интересы существуют в конвенциональном соответствии с другими.

Стратегическое значение игры состоит в том, что существует *каскад игр*, которые словно связаны друг с другом по принципу матрёшки, ровно так же не существует изолированных друг от друга социальных состояний и эмоций, и исследование каждой из них по отдельности не может не подразумевать учёта и дальнейшего исследования контекста. Неспроста на некоторых платформах и в многопользовательских играх создаётся инфраструктура и специфическая атмосфера вокруг конкретной игры как воз-

можность пластично лавировать в смысловых очертаниях. «Вам может казаться, что вы играете в одну игру, тогда как это всего лишь часть более крупной игры. Более крупная игра есть всегда» [10, с. 42].

Игра создаёт культурный слой модельных отношений, позволяющих игроку раскрыть глаза на реальные ситуации, но в этом культурном слое возникает определённая помеха в мировосприятии, накапливаясь и уплотняясь в сознании, что ведёт в свою очередь к искажениям в самовосприятии и рефлексии. Этим отчасти можно объяснить лудоманию, которая, с одной стороны, является следствием удачного игрового опыта, но, с другой, искажает реальный статус личности, постепенно становящейся всё более зависимой от эмоционального состояния игрока в искусственной ситуации.

Составляющие игры – это взаимодействие (информационное, социальное, культурное и пр.), технология (правила, приёмы) и интерес (личностное отношение игрока, азарт). В современной социокультурной ситуации первые два компонента являются также важными элементами любого коммуникативного процесса – ведь коммуникация, особенно массовая, современная, не может обойтись без технологий передачи, консервации, компрессии, интерпретации, да и без взаимодействия, понятого в данном контексте как формы циркуляции информации в обществе, она, естественно, тоже не может обойтись. Именно поэтому современные компьютерные игры всё сильнее и отчётливее превращаются в формы массовой коммуникации [15], вовлекая в свою орбиту самые широкие социальные слои, сильно отличающиеся по своему культурному профилю от усредненного облика геймеров-интровертов прошедшего десятилетия.

На основе изучения работ, посвящённых жанровым особенностям современных компьютерных игр [16; 17], для решения поставленных задач были подобраны десять иллюстраций из игр, включающих в себя две гоночные игры (автомобильные гонки и космические гонки), две сюжетные игры (по миру апокалипсиса и миру-аналогу 30-х гг. XX в.), две игры-стратегии (с имитацией исторических эпох реального и фантазийного мира); две игры-шуттера (с фантазийными персонажами и спецназом); две игры-симулятора (строительство технологического города и возведение магических миров). Студентам

предлагалось выбрать из предложенных три игры, в которых они бы приняли участие при наличии возможности, проранжировать их по значимости, обосновать свой выбор, сообщить сколько времени они обычно проводят за компьютерными играми. Впоследствии контент-анализ результатов обсуждения сосредоточился на шести играх, которые выбрали 90 % участников.

В процессе исследования было проведено пять фокус-групп среди студентов вторых курсов, в которых приняло участие 59 девушек и 21 юноша. Всего было проанализировано 348 суждений (5498 слов). Среднее время обсуждения составило 60 мин. Для количественной обработки результатов обсуждения использовалась описательная статистика, непараметрический корреляционный анализ Манна-Уитни, факторный анализ. Среднее время обсуждения составило 1,2 часа.

Результаты исследования. 1. *Игра как возможность пережить эмоциональный подъём от ощущения собственной успешности.* При выборе игры студенты заранее предвкушали те эмоции, которые они испытают при погружении в игровое пространство, воспринимая и оценивая предоставленные на выбор игры как приемлемые или неприемлемые. Все переживания можно разделить на две группы с точки зрения наличия или отсутствия благоприятных условий для достижения игроком успеха:

а) наличие благоприятных условий для достижения успеха, вызывающие переживания, связанные с расслаблением, отдыхом, умиротворением от неторопливого созидания (17,5 % студентов-юношей и всё девушки, выбирающие игры по такому основанию). Игры, способствующие таким переживаниям, характеризуют простота сюжета и (или) отсутствие ситуаций, которые могут восприниматься игроками как угроза. Данные характеристики в большей степени присутствуют в игре-симуляторе, где нужно построить город будущего. Её выбрали 10 девушек. Вот один из ответов, наиболее полно раскрывающих причины такого выбора и ожидаемые эмоции от игры: «*В этой игре ты устанавливаешь свои законы, проводишь перестройку: автопарки строишь, школы, другие здания, чтобы удовлетворить потребности общества. Это вызывает чувство умиротворения.*»

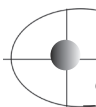
В силу простого сюжета игра с гонками может вызвать похожие эмоции в том случае, если ощущение выигрыша связано не с желанием победить соперника, а с возможностью выбора автомобиля, с процессом вождения, любованием красивыми видами. Вот один из ответов, характеризующих особенности такого восприятия игры: «*Там виды красивые, а вот соревнования мне не нравятся. Можно ехать не торопясь, поворачивать и видеть за каждым поворотом что-то новое, необычно-красивое. Это вдохновляет.*»

Студенты, выбирающие данные игры, при обосновании своих предпочтений в среднем тратят меньше слов, чем студенты, предпочитающие игры со сложными сюжетами и стратегии, вместе с тем их высказывания более эмоциональны, и здесь относительно небольшой процент ответов, где участники обсуждения не смогли обосновать свои эмоции, а сами характеристики этих эмоций звучали обобщённо («выбираю, потому что интересно», «чтобы испытать эмоции», «эта игра увлекает» и т. д.). Также выявлено, что среди опрошенных данные игры в подавляющем большинстве используются эпизодически ($p < 0,01$ по U-крит. Манна Уитни, табл. 1);

б) ограничение благоприятных условий для достижения успеха (62,5 % студентов, из них 41 девушка и 21 юноша), побуждающие на преодоление препятствий, стоящих на пути к овладению объектом, и вызывающие сопутствующие этому переживания: страх перед проигрышем, агрессия, направленная на тех, кто препятствует победе, азарт от предвкушения успеха. Игры, способствующие таким переживаниям, можно условно разделить на игры с простым и сложным сюжетом, в котором много неожиданных ситуаций, нелинейная фабула, замысловатый игровой функционал и т. д.

К «простым» играм можно отнести гонки для тех студентов, кто особо ценит соревновательность (19 из опрошенных студентов), и игру-шуттер (4 студента): «*Мне нравится, что гонки не требуют много времени на прохождение, это простая игра*»; «*Здесь (игра-шуттер) сюжет, конечно, простой, но захватывающий. Идёт последовательность действий, чтобы пройти до финальной миссии.*»

Сюжетные игры и игры-стратегии более сложны: «*Здесь хорошо продуманный*

сюжет, истории персонажей, за которыми интересно наблюдать» (о сюжетной игре-детективе с линейным сюжетом); «Все начинают в одной точке, а заканчивают в абсолютно разных. У каждого получается своя игра, свой сюжет»; «Сюжет напоминает интерактивное кино: можно совершать разные выборы, и получаешь разные концовки»; «Здесь не только нужно проходить квесты, но и поднимаются философские вопросы, которые нужно решать» (об игре-апокалипсисе с нелинейным сюжетом); «Игры такого рода интересны своей механикой, в них интересно разбираться»; «Здесь нужно думать наперед, решать» (об игре-стратегии). Чем сложнее игра, тем меньшее количество студентов её выбирает, тогда как среднее количество слов, обосновывающих преимущества «своей» игры, увеличивается (рис. 1). Так, однолинейную сюжетную игру-детектив выбирают 24 студента, а на обоснования их выборов приходится 17 % слов от общего количества, используемых всеми опрошенными студентами. Для описания многолинейной сюжетной игры по пост-апокалипсическому миру 14 студентов, выбирающих её, в среднем тратят 22 % слов, а 5 студентов, предпочитающих «стратегии» – 27 %.

Выявлены специфические особенности переживаний, связанных с преодолением препятствий. Простые в управлении «гонки» и игра-шуттер, являются стимуляторами эмоций. При обосновании выбора «гонок» особо ценится скорость, драйв, возможность «погонять без правил», стремление обогнать, прийти первым. Игра-шуттер также вызывает всплеск ярких эмоций. Удовлетворение от игровой деятельности здесь хорошо объясняется исследователями мас-

совых коммуникаций, рассматривающих развлекательный медиаконтент как способ корректировки эмоциональных состояний личности [18–20].

Чем более сложная игра, тем реже встречается рефлексия собственных эмоциональных переживаний. Так, в игре с постапокалипсическим сюжетом всего 3,89 % слов, обозначающих эмоциональную стимуляцию от прохождения игры («Погружаешься в этот кошмар с головой, а когда проходишь, испытываешь удовлетворение от того, что больше не надо бояться»); а в игре-мафии 1,01 % («Здесь хорошо прописанные персонажи, в которых по-настоящему вживаешься, а потом испытываешь радость, когда побеждаешь»).

В целом, эмоциональная составляющая обоснований студентами выборов сюжетных игр и «стратегий» менее осознанная и более сдержанная, чем в остальных играх. Здесь студенты предпочитают оперировать такими словами, как «нравится», «интересно», «забавно» и т. д.: «мне нравится, что здесь есть детективная составляющая», «меня с этой игрой связаны хорошие воспоминания»; «здесь забавный сюжет»; «интересно наперед просчитывать ходы».

Выявлено, что достижение успеха через преодоление является важным фактором, лежащим в основе увлечённости игрой. Если среди студентов, выбирающих гонки и городское моделирование, характерно периодическое обращение к играм, то в играх с ограничением благоприятных условий для достижения успеха (игра-шуттер, сюжетные игры и стратегия), число тех, кто тратит на компьютерные игры более трёх часов в неделю, больше, чем тех, кто играет время от времени (табл. 1).

Таблица 1

Отношение студентов к компьютерным играм / Students' attitude to computer games

Наименование игр с количеством слов в рассуждениях	Отличительные особенности игр в наиболее часто повторяющихся понятиях*	Время, проводимое за играми**	
		Кол-во часов в неделю	U-крит. Манна-Уитни
Гонки (1 116 слов)	Скорость (3,41 %), азарт (3,23 %), соревнование (1,88 %), отдых (1,52 %)	< 3-х	0,009***
Город (667 слов)	Расслабиться (3,75 %), построить (3,15 %), планирование (2,25 %)		0,001***

Окончание табл. 1

Наименование игр с количеством слов в рассуждениях	Отличительные особенности игр в наиболее часто повторяющихся понятиях*	Время, проводимое за играми**	
		Кол-во часов в неделю	U-крит. Манна-Уитни
Игра-шуттер (96 слов)	Захватывающе (7,29 %), сражение (6,25 %), азарт (3,13 %), возродиться (2,08)	> 3-х	0,003***
Пост-апокалипсис (1319 слов)	Выбор (4,70 %), в т. ч. моральный выбор (2,88 %), остросюжетно (3,35 %), выживание (3,34 %), дизайн (1,14 %)		0,069
Игра-детектив (1730 слов)	Интересный сюжет (3,01 %), расследование (2,89 %), реалистичность (2,49 %), головоломка (1,68 %), дизайн (0,87 %)		0,235
Стратегия (570 слов)	Война (4,91 %), контроль (4,74 %), управление (3,86 %), выбор локаций (3,86 %), качественно (1,40 %)		0,034**

* В скобках указан % повторения понятия от общего количества понятий, используемых студентами для обоснования выбора каждого вида игры.
** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,05$.

Таким образом, мы находим подтверждение нашей гипотезе: чем больше осмысленного, рационально обоснованного отношения к игровому поведению показывает пользователь, тем больше игровая реальность, в которую он погружается, начинает превалировать над социальной действительностью, вступать с ней в конкуренцию. Негативные последствия такой конкуренции

в реальной жизни неоднократно отмечались исследователями, изучающими проблемы интернет-зависимого поведения [21; 22].

2. *Игра как удовлетворение потребностей.* Факторный анализ позволил выявить определённые закономерности в игровых выборах студентов (табл. 2) и проанализировать их с точки зрения потребностей, которые удовлетворяются в процессе игры.

Таблица 2

Факторный анализ игровых выборов студентов / Factor analysis of students' game choices

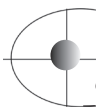
Виды игр	Группы выборов		
	1	2	3
Игра с сюжетом «Апокалипсис»	0,751	-0,011	0,147
Игра с сюжетом «Мафия»	0,738	0,068	-0,184
Город	-0,467	0,179	-0,295
Игра-стратегия	-0,192	-0,891	-0,158
Гонки	-0,344	0,677	-0,261
Игра-шуттер	0,020	0,019	0,948

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 5 итераций.

Так, в первую группу вошли игровые выборы, достоинство которых основано на сюжете, который по своему построению близок к игровому кино и позволяя наиболее полно идентифицировать себя с персонажами (дисперсия 27,7 %). При отсутствии возможности выбора любимых игр, студенты скорее выберут игру-шуттер, где есть главный герой, чем такие «безликие» игры, как гонки, город и стратегия. Рассматривая мотивацию данных выборов с точки зрения классификации Никки Йи, можно сказать,

что здесь преобладает фактор достижения, связанный с ролевыми элементами и глубоким интересом к игровому миру [23], а идентификация с персонажем обеспечивает полноту погружения в игровое пространство, основанное на ощущении внутреннего сходства [24].

Преодолевая вместе с героем препятствия, игрок реализует потребности в самоконтроле и самоуправлении, связанные с необходимостью оценивать риски, выстраивать наиболее эффективные поведенческие

стратегии. При этом «Постапокалипсис» позволяет сбросить излишнюю тревогу, накопленную в реальном мире, переживая в игре ситуации, смертельно опасные не только для героя, но и для всего мира, и в конечном счёте преодолевая их. Интересно в этом плане осмысление рядом исследователей популярности апокалиптических сценариев в массовой культуре, которые рассматриваются и как способ самопознания, основанного на уничтожении старого, и как возможность конструирования на его обломках чего-то принципиально нового и более эффективного, и как способ безопасного соприкосновения с травматическим опытом, с перспективой почувствовать его и осмыслить [25].

«Выживание» (3,34 %) – одно из популярных слов у студентов, описывающих игру. Те, кто выбирает данную игру, наделяют её экзистенциональными смыслами, говоря, что она позволяет посмотреть на мир «другими глазами», заставляет задуматься о своей роли в судьбах мира, об ответственности перед близкими людьми и обществом. «Мафия» также нацеливает игрока на саморазвитие, но не через познание своего места в мире, а через оттачивание мыслительных способностей в попытках анализировать причины загадочных происшествий с героем, идентификация с которым усиливает чувство гордости за себя в момент обнаружения верных ответов. Здесь чаще звучат высказывания с использованием таких слов, как расследование (2,89 %), головоломка (1,68 %), а оценка интересности сюжета (3,01 %) увязывается с историями персонажей, интригами, атмосферностью.

Во вторую группу вошли игровые выборы, основанные на сложности игры, как с точки зрения её функционала, так и с точки зрения трудностей на пути достижения успеха (дисперсия 20,7 %). Любители таких «лёгких игр», как гонки и конструктор города, никогда не выберут стратегию, где особо ценится концепция мира, множество локаций, необходимость разбираться в управлении игрой. На первый план по классификации мотивации Ники Йи, здесь выходит фактор достижения, основанный на стремлении разбираться в технических аспектах для достижения прогресса в процессе игровой деятельности [23]. Возможность управлять, пожалуй, наиболее важная потребность, которую удовлетворяют любители стратегий в процессе игры. При этом в основе понима-

ния качества лежит сложное игровое пространство, в котором нужно разбираться, и возможность переключаться в разные режимы игры, что тоже позволяет испытывать определённое превосходство перед теми, кто не смог разобраться в правилах.

«Гонки» и «Город», напротив, легки в управлении, а основная потребность, которую удовлетворяют эти игры, – это поддержание оптимального уровня активности, либо через стимулирование эмоциональных переживаний, либо, наоборот, через возможность расслабиться. Исследование позволило выделить характерные слова, которые использовались в разных сочетаниях при обосновании привлекательности гонок, как эмоциональных стимуляторов: скорость (3,41 %), азарт (3,23 %), соревнование (1,88 %), отдых (1,52 %), тогда как популярные слова для любителей «Города» – расслабится (3,75 %), спланировать (2,25 %) и построить (3,15 %) (см. табл. 1).

Третью группу составили игра-шуттер (дисперсия 16,7 %) – простая в управлении, но с необходимостью преодоления препятствий для достижения успеха, в основе которого сохранность собственной жизни за счёт других жизней, и яркие эмоции, связанные с удовлетворением потребности в безопасности, актуализированные в игре постоянным конструированием ситуаций с угрозой жизни (см. табл. 2). В основе предпочтений здесь (согласно классификации Ники Йи [23]) выступает социальный фактор, проявляющийся в возможности проиграть ситуацию, где игрок оказывается победителем, раз за разом одерживая победы над своими врагами. Именно поэтому любители игр-шуттеров, скорее, в качестве альтернативы выберут сюжетную игру с постапокалипсом, чем другие игры.

Обе игры объединяет острое чувство, которые игроки переживают вместе со своими героями, сражаясь за собственное существование. Неслучайно в обосновании выбора игры-шуттера чаще всего звучат слова «захватывающе» (7,29 %) и «азарт» (3,13 %), сражения (6,26 %), а в самой игре, как модельном пространстве, представляющем водораздел между социальной и виртуальной действительностями, особо ценится возможность возродиться (2,08 % в определённой точке и времени игрового пространства (см. табл. 1), чтобы продолжить схватку с виртуальным противником и победить.

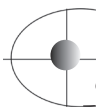
Обсуждение результатов исследования. Таким образом, мы видим, что игра в виртуальном, компьютерном исполнении, превращается в определённую социальную среду, во многих смыслах альтернативную социальной действительности. Контраст между реальными переживаниями и теми, что стремятся получить пользователи в момент игры, есть обозначение границ агрессии и детерминации общественных условий в отношении личности, которые последняя может нивелировать или переосмыслить с помощью модельных игровых практик. Благодаря такому ракурсу более зримыми становятся не «античеловечные» игры, с их сюжетами и героями, а, скорее, потребительски-прагматичная социальная среда, заставляющая личность, особенно молодых людей, искать примирения с ней и выхода из нравственного тупика именно в

обыгрывании этических императивов, получаемых из общества. Игра в определенном смысле становится индикатором правды, вернее, её дефицита в реальной действительности.

Заключение. Игровая дихотомия «Я-игровой» и «Я-реальный» в контексте нашего исследования получила новое этическое наполнение – как пространства личностного примирения антагонистических миров, как реализация субъектной направленности на гармонизацию коммуникативного пространства [28]. Ещё одним важным результатом является неявное удостоверение игроков в собственной социальной реальности: игры помогают смотреть на свое социальное поведение (пребывание) на основе удвоения – сквозь модельную призму игры, что проявляется в их поведенческих реакциях – «задуматься», «осознать» и т. п.

Список литературы

1. Юнгер Ф. Г. Игры. Ключ к их значению / пер. с нем. А. В. Перцова. СПб.: Владимир Даль, 2012. 335 с.
2. Мамардашвили М. Лекции по античной философии / под ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Аграф, 1999. 320 с.
3. Хёйзинга Й. Homo Ludens. «Человек играющий»: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / общ. ред. М. С. Мацковского; послесл. Л. Г. Ионина, М. С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. 399 с.
5. Зиммель Г. Кант и Гёте // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 380–410.
6. Лобанов Н. И. Религиозное мировоззрение и проблема «удвоения мира» (философский анализ) // Грамота. 2018. № 3. С. 82–87. DOI: 10.30853/manuscript.2018-3.15.
7. Лобанов С. Д. О природе философии. М.: Директ-Медиа, 2014. 300 с.
8. Попова Н. Ю. Интеллект как следствие удвоения мира в философии Иммануила Канта // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 2. С. 163–165.
9. Розет И. М. Психологические аспекты религиозного удвоения мира. URL: http://charko.narod.ru/tekst/rozet/Roset_Psihologicheskie_aspekty.pdf (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.
10. Диксит Авинаш Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2020. 464 с.
11. Афанасов, Н. Б. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 1. С. 43–61. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002.
12. Belyaev D., Belyaeva U. Исторические видеоигры в контексте Public History: стратегии реконструкции, деконструкции и политизации истории // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No. 4. P. 51–70. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.204>.
13. Тан Э. Микротранзакции в видеоиграх AAA – действительно ли они необходимы? // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 1. С. 127–147. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00007.
14. Fortunatov A. N. Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. М.: Флинта, 2023. 184 с.
15. Седых, И. А. Индустрия компьютерных игр – 2020. URL: <https://dcenter.hse.ru/data> (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.
16. Богачева Н. В., Войскунский А. Е. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 1. С. 29–53.
17. Мишина М. М., Воробьева К. А. Индивидуально-психологические особенности подростков с разными предпочтениями в компьютерных играх // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 145–157. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-145-157.

18. Knobloch-Westervick S. Mood management: Theory, evidence, and advancements / eds. J. Bryant, P. Vorderer. Psychology of entertainment. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 239–254.
19. Bartsh A. Emotional Gratification in Entertainment Experience. Why Viewers of Movies and Television Series Find it Rewarding to Experience Emotions // Media Psychology. 2012. No. 15. P. 267–302. DOI:10.1080/15213269.2012.693811.
20. Воскресенская Н. Г. Влияние на выбор кинофильмов уровня эмоционального напряжения зрителей // Социальная психология и общество. 2016. № 3. С. 121–134. DOI: 10.17759/sps.2016070309.
21. Тюнякин И. Н., Тимошилов В. И. Анализ распространенности факторов зависимости от компьютерных игр среди студентов КГМУ // Здоровый образ жизни и здоровьесберегающее мировоззрение как приоритет национальной политики: сб. статей / под ред. В. А. Лазаренко, Т. А. Шульгиной, Ю. С. Филиппович. Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 514–519.
22. Радионова М. С., Есаулова К. С., Фоменко А. Ю., Шленская Н. М. Семейные факторы, определяющие чрезмерную вовлечённость старших подростков в видеоигровую деятельность // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 134–149. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-134-149.
23. Yee N. Motivations for play in online games // CyberPsychology & Behavior. 2006. No. 9. P. 772–775. doi:10.1089/cpb.2006.9.772.
24. Koji Yoshimura, Bowman N. D., Elizabeth L., Banks C., Banks J. Character morality, enjoyment, and appreciation: a replication of Eden, Daalmans, and Johnson // Media Psychology. 2022. Vol. 25. P. 181–201.
25. Ленкевич А. С. Эсхатология на минималках: руины в компьютерных играх // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т.4, № 3. С. 135–156. DOI: 10.46539/gmd.v4i3.317.

Информация об авторах

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; anfort1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>.

Воскресенская Наталья Геннадьевна, кандидат психологических наук; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; navoskr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>.

Вклад авторов в статью

А. Н. Фортунатов – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта

Н. Г. Воскресенская – проводила социологические исследования, систематизировала и анализировала материал исследования.

Для цитирования

Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Игра как онтологическая практика // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 57–67. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-57-67.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 13.05.2023; принята к публикации 15.04.2023.

References

1. Junger, F. G. Games. The key to their meaning. Transl. from German by A. V. Pertsov. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2012. (In Rus.)
2. Mamardashvili, M. Lectures on ancient philosophy. M: Agraf, 1999. (In Rus.)
3. Huizinga, J. Homo Ludens. "Man playing": Articles on the history of culture. M: Progress-Tradition, 1997. (In Rus.)
4. Bern, E. Games that people play: Psychology of human relationships; People who play games: Psychology of human destiny: Transl. from English. St. Petersburg: Lenizdat, 1992. (In Rus.)
5. Simmel, G. Kant and Goethe. Zimmel G. Selected: in 2 vol. M: Jurist, 1996. (In Rus.)
6. Lobanova, N. I. Religious worldview and the problem of "doubling the world" (philosophical analysis). Gramota, no. 3, pp. 82–87, 2018. DOI: 10.30853/manuscript.2018–3.15. (In Rus.)
7. Lobanov, S. D. On the nature of philosophy. M: Direct-Media, 2014. (In Rus.)
8. Popova, N. Yu. Intellect as a consequence of the doubling of the world in the philosophy of Immanuel Kant. Siberian Journal of Science and Technology, no. 2, pp. 163–165, 2006. (In Rus.)
9. Roset, I. M. Psychological aspects of the religious doubling of the world. Web. 12.03.2023. URL: http://charko.narod.ru/tekst/rozet/Roset_Psihologicheskie_aspekty.pdf (In Rus.)

10. Dixit, Avinash Game Theory. The art of strategic thinking in business and life. M: Mann, Ivanov i Farber, 2020. (In Rus.)
11. Afanasov, N. B. Leisure time as a new form of work: digital professions and capitalism. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, pp. 43–61, 2019. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002. (In Rus.)
12. Belyaev, D., Belyaeva, U. Historical Video Games in the Context of Public History: Strategies for the Reconstruction, Deconstruction, and Politicization of History. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 4, pp. 51–70, 2022. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.204>. (In Rus.)
13. Tan, E. Microtransactions in AAA video games – are they really necessary? *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, pp. 127–147, 2019. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00007. (In Rus.)
14. Fortunatov, A. N. *Cyberhumanism. How communication technologies are transforming our society*. M: Flinta, 2023. (In Rus.)
15. Sedykh, I. A. Computer games industry-2020. Web. 12.03.2023. URL: <https://dcenter.hse.ru/data> (In Rus.)
16. Bogacheva, N. V., Voiskunsky, A. E. Cognitive styles and impulsivity among gamers with different levels of gaming activity and preferred type of games. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 29–53, 2015. (In Rus.)
17. Mishina, M. M., Vorobyova, K. A. Individual psychological characteristics of adolescents with different preferences in computer games. Series: *Psychological sciences*, no. 4, pp. 145–157, 2021. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-145-157. (In Rus.)
18. Knobloch-Westerwick, S. Mood management: Theory, evidence, and advancements. J. Bryant & P. Vorderer (editors). *Psychology of entertainment*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2006. Pp. 239–254. (In Engl.)
19. Bartsh, A. Emotional Gratification in Entertainment Experience. Why Viewers of Movies and Television Series Find It Rewarding to Experience Emotions. *Media Psychology*, no. 15, pp. 267–302, 2012. DOI:10.1080/15213269.2012.693811. (In Engl.)
20. Voskresenskaya, N. G. Influence on the choice of films of the level of emotional tension of the audience. *Social psychology and society*, no. 3, pp. 121–134, 2016. DOI: 10.17759/sps.2016070309. (In Rus.)
21. Tyunyakin, I. N., Timoshilov, V. I. Analysis of the prevalence of factors of dependence on computer games among students of KSMU. Healthy lifestyle and health-saving outlook as a priority of national policy: coll. articles. Ed. by V. A. Lazarenko, T. A. Shulgina, Yu. S. Filippovich. Kursk. 2019. Pp. 514–519. (In Rus.)
22. Radionova, M. S., Esaulova, K. S., Fomenko, A. Yu., Shlenskaya, N. M. Family factors that determine the excessive involvement of older adolescents in video game activities. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences*, no. 1, pp. 134–149, 2020. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-134-149. (In Rus.)
23. Yee, N. Motivations for play in online games. *CyberPsychology & Behavior*, no. 9, pp. 772–775, 2006. doi:10.1089/cpb.2006.9.772. (In Engl.)
24. Koji Yoshimura, Bowman, N. D., Elizabeth L., Banks, C., Banks, J. Character morality, enjoyment, and appreciation: a replication of Eden, Daalmans, and Johnson. *Media Psychology*, vol. 25, pp. 181–201, 2022. (In Engl.)
25. Lenkevich, A. S. Minimal eschatology: ruins in computer games. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 3, pp. 135–156, 2022. DOI: 10.46539/gmd.v4i3.317. (In Rus.)

Information about authors

Fortunatov Anton N., Doctor of Philosophy, Professor; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; anfort1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6822-2003>.

Voskresenskaya Natalia G., Candidate of Psychology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; navoskr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>.

Contribution of authors to the article

A. N. Fortunatov – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

N. G. Voskresenskaya – systematization and analysis of the research material.

For citation

Fortunatov A. N., Voskresenskaya N. G. The Game as an Ontological Practice // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 57–67. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-57-67.

**Received: April 8, 2023; approved after reviewing May 13, 2023;
accepted for publication May 15, 2023.**

Original article

УДК 101

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-68-76

Philosophy: An Apologetic Etude

Aleksey N. Fatenkov¹, Andrey A. Davydov²¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod^{1,2}Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia¹fatenkov@fsn.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>,²npirogov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0954-6929>

Philosophy as a cultural phenomenon, a type of worldview, an academic discipline has a difficult destiny. Society either raves about philosophical thought and practice or ostracizes and pompously distances itself from them. The authors attempt to understand the causes of this situation and highlight philosophy's non-devaluated worth. The paper is based on existential dialectics in conjunction with a hermeneutic approach. The question of worldview's genesis, essence and structure is addressed. The nature of philosophy's relationships with worldview framework as a whole and its important elements, religion and science is clarified. The latter talk about providence or law. Unlike them, philosophy talks about fate – not blind, not manageable but capricious. Philosophy turns to a wayward man, supporting and strengthening his craving for autonomy in actions and thoughts as well as advising him to approach the traditions of world and national culture with intelligence and responsibility. The authors specify the interdisciplinary subject of philosophy equated with its problem field. The multi-faceted nature of philosophical problems and the irremovable subjectivity in its fixation determine ambiguity in ranking the range of issues. The authors give preference to the version rooted in Greek philosophical thought. The premises and the arguments presented in the text allow us to summarize: philosophy is neither a servant nor a mistress, but a life companion of an autonomous man. The pressure on philosophy is caused by the society's and authorities' ever-present suspicion towards an autonomous man.

Keywords: man, autonomous man, worldview, philosophy, religion, science, problem field of philosophy

Научная статья

Философия: апологетический этюд

Алексей Николаевич Фатенков¹, Андрей Александрович Давыдов²¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского^{1,2}Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия¹fatenkov@fsn.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>,²npirogov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0954-6929>

У философии как феномена культуры, типа мировоззрения, университетской дисциплины – непростая судьба. Общество то превозносит философскую мысль и практику, то подвергает их остракизму или с пренебрежением дистанцируется от них. Авторы предпринимая попытку разобраться в причинах сложившейся ситуации и подчеркнуть недевальвируемую ценность философии. Размышления выстраиваются с опорой на экзистенциальную диалектику в её сопряжении с герменевтическим подходом. Рассматривается вопрос о генезисе, сущности и структуре мировоззрения. Проясняется характер взаимоотношений философии с мировоззренческой матрицей в целом и такими значимыми её элементами, как религия и наука. В отличие от них философия говорит не о промысле и не о законе, а о судьбе – не слепой и не податливой, о своенравной судьбе. И обращается философия к своенравному человеку, поддерживая и укрепляя его тягу к самостоятельности в поступках и мыслях, советуя ему с умом и ответственностью подходить к традициям мировой и отечественной культуры. Авторами уточняется дисциплинарный предмет философии, уравниваемый ими с её проблемным полем. Многогранность философской проблематики и неустраняемая субъективность в её фиксации обуславливают неоднозначность в ранжировании спектра проблем. В статье предпочтение отдаётся конкретному варианту, уходящему своими корнями в античную мысль. Сформулированные исходные посылы и представленные в тексте аргументы позволяют резюмировать: философия – не служанка и не госпожа, а жизненная спутница самостоятельного че-

© Фатенков А. Н., Давыдов А. А., 2023

ловека. Давление на философию вызвано всегдашним подозрительным отношением общества и власти к самостоятельному человеку.

Ключевые слова: человек, самостоятельный человек, мировоззрение, философия, религия, наука, проблемное поле философии

Introduction. Philosophy has been fighting on two fronts at once throughout its history. On the inside, it tries to solve eternal problems and prevent a split due to the internecine strife of schools. Externally, it resists the onslaught of competing ideological paradigms and pressure from social institutions and power structures. The authors set themselves the task of clarifying the situation with philosophy mainly on its external defensive lines.

Methodology. In this text, the defense of philosophy as a cultural phenomenon, a type of worldview and a university discipline is built based on existential dialectics in conjunction with a hermeneutic approach.

Results. This article is not about the abstract essence of philosophy as an axial cultural phenomenon and academic discipline. It touches upon the nature of philosophy, which is not superficial and simultaneously quite specific, which places it amongst living beings, closest to human thoughts, emotions and body movements (for more details, see: [1]).

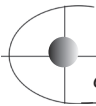
We usually talk, and rightly so, about philosophy in the context of worldview. *Worldview is a prerequisite, process and result of more or less systematic comprehension of the world, external and internal, with a purpose of reliable orientation in it.* Worldview is formed as man realizes and considers, not without passion, his attitude towards nature, culture, society and himself. Attitude is always based on interaction which is necessarily present in this case. There are several reasons for that and all of them are placed between two extremes. At one extreme, it is claimed: man is an incomplete, unfinished being (our insatiable needs obviously testify it) that nevertheless aspires to overcome his imperfection and incompleteness. And it is not that important whether this desire is sincere or wily. One way or another, humans inevitably turn to environment: natural, social, cultural. Each one of us also needs it as a background for crystalizing himself. At the other, it is stated: man is characterized by an excess of qualities, inner resources which cannot be kept inside and usually are taken out. Sometimes as a gift, more often as wastes of human activity and production.

Matching the extremes, we get to the desired human code: "under – over". Both states –

both with redundancy and with insufficiency – are attributively, in contradictory conjugation inherent in a person. He, almost at the same time, mentally bestows and unceremoniously frees himself from "surpluses", neglects the subsistence minimum and aims at prestigious consumption. We are constantly in a situation of stable, tendentious disequilibrium alternating with moments of stability – non-equilibrium, unsteady, ephemeral one. In transition period, in times of change this fact becomes existentially and socially flaring, almost banal due to its mass verification and a multitude of naive, unsophisticated everyday interpretations.

Worldview can never be single-level: solely mundane or exclusively above it (philosophical, scientific, religious, mythological or theurgical). At the very least, that is what we want to believe. Otherwise, we cannot avoid unnecessary life losses and worthless gains. Mundane worldview emerges from everyday experience, justifies and consistently expands it quantitatively; if we do not go beyond it, we will push ourselves into a corner of being a common man. A self-enclosed elitist perception of reality is not more efficient. Magician, wizard, shaman, having parted ways with the sphere of profane forever, cannot do without tribesmen dancing around fire. Theologian, having insulated himself from the sinful world, falls straight into scholastic heresy. Philosophical and scientific view of the world which is alienated from conventional human joys and sorrows constructs objectivist abstractions over and over again. The dominance of "above mundane" component in worldview does not guarantee a decent and happy life. But such life is completely impossible without ideas and aspirations that go beyond the limits of trivial everyday existence. Only if we do not take into consideration contentment and happiness of a common man.

So, man is inevitably engaged in relations with the world: with natural and socio-cultural for sure; also, probably, with supernatural one. Why? There are two reasons for that, they mirror each other and are based on two opposite views of human essence. The first one is more common: man is originally interpreted as an incomplete, unfinished being that aspires to overcome its incompleteness. It does not matter whether he does it sincerely or wily. What

matters is this aspiration manifests itself in satisfying needs that we all have and that irrefutably indicate a certain deficiency of something in us. The latter can be easily eliminated by interacting with environment, at least initially. Not to starve to death you need to turn to nature: engage in gathering, fishing, hunting, later in cattle raising and farming. To learn something from others, to acquire or to take something away from them, you need to have a social connection. In the second interpretation, conversely, man is regarded as a being not with deficiency but with excess – for instance, of problems that he wants to shift to others. In reality, man can be different or, in other words, any of the two.

When the relations of man and the world begin to be comprehended – it is not a purely intellectual procedure: sensations, emotions and impulses are equally important here – worldview is starting to be formed on the basis of this comprehension. And if in man's relations with the world objectivity may still somehow dominate subjectivity (circumstances independent of us may be stronger), this never happens in worldview. The postulate "theory (idea) is subjective in its form and objective in its content" is anti-dialectical: it separates form from content within being.

Not in every worldview a philosophical component is present, especially, as its core. Philosophy is an intuitive idea plus its discourse justification performed with the use of special terminology and language. Practical wisdom can delve into philosophical intuitions but is unable to back them up with proportionate reflexive arguments. The absence of philosophical component in worldview does not make it inherently flawed. In fact, practical wisdom coupled with a strong character might be enough for retaining human dignity. In particular, for resisting dominance of objective necessity – both in practical activity and in acts of consciousness. However, resistance will be much more powerful when it is assisted by philosophy.

The choice of additives for mundane worldview is small and philosophy and religion turn out to be competing ingredients that possess both essentially different and similar traits. In the principal debate of large-scale metaphysical paradigms, a clash of two different ontologies is revealing. They both are in search of the most genuine, valuable reality – being or absolute. But in philosophical ontology a reference to God is just one of the many possible solutions

to the problem whereas in religious ontology (theology) it is the only one. No philosophical ontology, even the one that is nurtured at theological faculties, is proportionate to dogmatic religious canon: it explicitly or implicitly drifts to heresy, openly or tacitly cultivates theomachy, carefully or disruptively promotes atheism. Let's recall: Georg Wilhelm Friedrich Hegel, a Thubingen seminary graduate, stated (albeit in a rather presumptuous way) that there was no thing-in-itself which could not be known – thus there was no transcendent being and no God. Martin Heidegger, who studied theology at the University of Freiburg, had another interesting idea: being that invaded the world needed man as its shepherd. So where is a place for an omnipotent supernatural being here?

Both philosophy and religion consider appropriate and try to talk about final causes of existence and states of man, society and nature. In other words, both are teleological to some extent. While approaching each other in that regard, philosophy and religion separate themselves from science which has been denying itself an appeal to final causes and focusing on the search and study of efficient causes since Rene Descartes. Besides, philosophy and religion – in the forms of anthropocentrism and theocentrism respectively – prefer to distinguish man from the rest of being whereas science – in the form of objective patterns – rather likens him to it. However, in religion peculiarity of man is seen less in his rise above everything created and more in his lowliness in front of the Creator. When compared to Him, anything created is undoubtedly lowly. Here, through derogatory likening of everything that is created, a structural linkage of religion and science becomes potentially dangerous for men – for their existence, freedom and existential autonomy.

According to A. Koyre, formation of New Time science coincides with discovering a positive character of the concept "infinity" [2]. Religious genealogy of this approach is quite transparent: God of the Abrahamic religions is an actual infinity; world, which returns to God, is a potential infinity. The infinity of the universe is deduced from limitless capacities of human *ratio*. An appeal to divine authority is unnecessary here albeit is not excluded. For instance, Galileo equates mathematical mind of scientist with a divine mind. Even for a non-religious person such equating seems to be pretentious, sacrilegious and blasphemous. Calculating infinitely small quantities means ultimately cal-

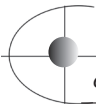
culating God, at least, God-in-things. But it is not less likely that devil may be in calculated details. Hypostatization of mathematical abstractions has never brought man to paradise but has regularly taken him in the toils of virtual reality. Metaphysical, religious in particular, absolute is diminished not only by digitization but also by identification with actual infinity. The latter veils ontological fullness and personal hypostasis of absolute (divine) beginning. Scientist aspires to be like God and this is a big part why he secretly schemes against divine power gradually displacing it from privileged positions: from transcendence, from a zero point of coordinate system. If the Universe is infinite (limitless, boundless), a look at it from the outside will become impossible. Science still insists on objective nature of its summary data (including those cases where it acknowledges that at intermediate stages of research the influence of observer cannot be neglected). And it is not surprising: science traces a religious narrative. To be inside of something and, simultaneously, to be independent from it – that is a dogmatic prerogative of God. *Science is a religion (of theoretical, theological level) which sticks to quantitative correction factors.* In the words of A. Rimbaud, “And again, no more gods! no more gods! Man is King, Man is God! But the great faith is Love!” [3]. Love, like any other true feeling, sends us not to transcendent distances but rather to quite earthly depths of soul-searching.

Philosopher openly competes with God by separating himself from religious absolute, not competing for his place but also not conceding his own – neither to Lord, nor to a master. Philosophy is taken here as metaphysically oriented (non-positivist and even non-phenomenological) that necessarily implies ontological component and is not alien to existentialism. The beginning of philosophical and scientific comprehension of the world is an internal incentive, inner experience of man. As the ancient classics claimed, philosophy begins in wonder. At uniqueness. At the fact that at least something exists; that something, not nothing, exists. Like religion, science stems from fear. Fear of regularity that acts relentlessly and fear of its possible interruption. As L. Wittgenstein pointed out, the nature of faith in consistency of events manifests itself most clearly when we are scared of the expected. Nothing could make me put my hand into fire even though I had got burned only in the past [4]. New burn –

new pain. It is scarier when you do not feel any pain in fire: the one who is an exception to the rule is usually lost in uncertainty and perplexed. Fear enters philosophy when in its picture of the world appears transcendence that starts being comprehended without proper irrational foundation. When there are doubts in genuine religious faith (B. Pascal) or there are no doubts in the absence of such (S. Kierkegaard). Fear decreases if the ontological status of transcendence is low and, on the contrary, the level of irrational defense of man is high: his faith in himself and in the magical, mysterious, in the unique unnatural naturalness hidden from profane experience but that does not go beyond human existence. The point of Karl Jaspers who saw an existential beginning of “Axial Age” in the abyss opened to man seems dubious: standing over an abyss, he sees a horror of the world and his own helplessness [5]. But you cannot see an abyss, you can only look into it. Though a Greek philosopher that worships cosmos, which has its body and soul, would not even look into it. At the very least, he would passionately throw himself into volcano like Empedocles once did [6]. So, introducing Christian, Abrahamic transcendence into a Greek picture of the world would be inappropriate both theoretically and practically. Why spread fear where there is no ground for it? Out of envy of fearless ones?

Science tries to replace inner experience with an outer one and to turn the mood of knowing subject into objectively constructed picture of the world. The strongest argument for scientific strategy can be found in quasi-religious sacrifice of scientist. A religious man who denies himself, his sinful nature, craves for joining a perfect subject, a personal absolute and never mentions his name in vain. A man of science who denies his own subjectivity intends to join objective, impersonal truth while putting it on public display. The critics of scientism ironically point to the fact that scientific objectivity cannot be distinguished from intersubjectivity and conventional validity, and also to anthropocentrism of any scientific paradigm. According to F. Nietzsche, laws of nature are undoubtedly equivalent and secondary to the principle of law-abiding qualities [7].

Philosopher does not talk about laws and providence but, rather, about not blind and not compliant fate – a capricious rival, tough and merciful, both repulsive and alluring. According to N. Machiavelli, “when fortune varies and men remain obstinate in their modes, men are happy

while they are in accord, and as they come into discord, unhappy. I judge this indeed, that it is better to be impetuous than cautious, because fortune is a woman; and it is necessary, if one wants to hold her down, to beat her and strike her down. And one sees that she lets herself be won more by the impetuous than by those who proceed coldly. And so always, like a woman, she is the friend of the young, because they are less cautious, more ferocious, and command her with more audacity" [8, p. 101]. The Russian idea of fate is even weirder. It seems like the most fearsome and formidable authority – and at the same time you can argue with it; you may give it all the worst while keeping all the best for yourself. In most uses of the word "fate" in modern speech it contains neither mystique nor fatalism nor passivity [9].

Yes, there is a man and a woman, a Helene and a Jew in philosophy. Just like woman in labor cries in her mother tongue, philosopher uses his native language to touch genuine, inmost reality. This is why sometimes it is impossible to translate some of the key cultural and philosophical concepts from one language into another. And it is not surprising that the thinkers of the Italian Renaissance and the German Reformation replaced Latin with their national languages or dialects. The modern tendency of tailoring any language to the standards of English arises plenty of questions. For a profound thought this might be devastating. What pleases and bothers man in this life? What touches him? What is thrilling for him? The Motherland and craft that he loves, and a woman that loves him. The circle is closed. And there is no place for God in it. Only love, earthly and human. Its fruits break through the closeness of being. Carefully, not tearing man apart.

Philosophy is feminine (at least for an existentialist) and this is why obviously a subject of males' particular attention. Among those mesmerized by it we have: Socrates – participant of the Peloponnesian war, Plato – participant of the Olympic games, M. Heidegger and A. Camus – good soccer players, E. Jünger – a volunteer during World War I. All of them and their lives are convincing. There is a combination of power and the highest level of realism in them. In the words of E. Jünger, "What does not kill me, makes me stronger, but what can kill me, is a hundred times stronger" [10, p. 55]. Man finds in philosophy what he lacks in his real-life companion and edits what is in excess in woman. The woes of today's life, culture,

philosophy are in large part caused by weakening of masculinity. It is in fever of vulgarity and glamour. Geneticists claim that males are a dying breed. And the only serious argument against it can be taken from stoicism/existentialism. Let the world go crazy but I will stubbornly be standing my ground no matter what. In the words of A. Camus, while being a pessimist about human lot, I am optimistic about man [11]. Man does not cheat on himself as long as he is able to do something with a woman and with power, as long as he is not burdened with his life autonomy given by nature.

Religion insists on the fact that man is tied up; that he will not survive and be saved in this life without help from above. Philosophy does not deny human attachments and bonds; it emerges and still exists as an ideological help for autonomous man. It claims through Heraclitus that man lights his own fire at night even though night is the greatest goddess [12]. And this comes not from a sophist who opposes man to nature and mocks sacral reality but from a philosopher of nature to whom man is harmoniously merged with cosmos which is also inhabited by gods and geniuses. By the way, those Olympian gods are quite earthly: one might compete or even have fun with them.

From ontological standpoint an attitude towards religion is a particular case of attitude towards the sacral, mysterious. Philosophy (metaphysical, non-positivist one) cherishes magical, mysterious facet of being that prevents man from falling into cynicism but does not rush to equate it with a religious facet, let alone with transcendent God of the Abrahamic religions including that of New Testament. Nature, native land and blood, home, one's nearest and dearest, amazing intertwining of human fates may be made sacred. Such metaphysical procedure certainly poses some dangers. This is life – and you should not lament and despair prematurely. Where there is danger, salvation ripens. One should not sacrifice beauties of metaphysical depths or be afraid of mad politicians' coming.

While appreciating universe and its hierarchy we should keep culture and man in mind. Since philosophy matters as much as philosopher matters. The greater man is, the more truth there is in his philosophy [11]. Religion and science will shun similar acknowledgements. The subjective, anthropomorphic component of knowledge is exposed by classical science as a trace of idolatry whereas non-classical science

has to tolerate the observer whose influence cannot be neglected any more. Equalizing religion and a believer will be a sign of human pride which is dogmatically disapproved as a deadly sin. The focus of religious logic is evidently opposite: the truer is faith within man, the greater believer is (if the word "greatness" is appropriate here). Monotheistic religions postulate a total depravity and peccability of men. This is exactly why one repentant sinner is placed above 99 righteous men that do not need to repent. And those cannot wash off their original fault. A philosopher will never flatter anyone while pretending to be a righteous man. A philosopher will never limit, shackle or torture anyone demanding obedience. Man is guilty of that he cannot handle everything on his own and this guilt has become only heavier over time [11].

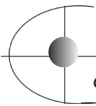
Philosophy teaches men to think on their own and, therefore, responsibly while honoring the heritage of world and domestic culture. The same cannot be said about religion and science. Religious consciousness is strictly regulated by a system of dogmas, scientific one – by postulates of dominating paradigm. Unlike these two neighboring cultural phenomena, philosophy and its history are inseparable. The ideas of Heraclitus and Parmenides are as relevant today as they were in ancient times. Whereas monotheist will hardly treat the earliest polytheistic dogmas with respect. And a scientist of the New Time will do the same with Aristotelian physics and geocentrism. Doubt, skepticism, irony – philosophy channels all this into itself, not to its ideological rivals but does not expect the same from them. Philosopher will not construct new temples (he will rather help build a library) but he will not destroy old ones either (unless he turns into a politician). Conversely, since the times of the Roman Empire and up to now church in alliance with secular authority has regularly been closing or helping close academies.

Philosophy emerges among free men and spirit of freedom is ineradicable in it. One is free if he does not need external assistance in the form of morality and law for a moral life. Free man does not deny the presence of authorities – he is against their non-authoritative imposing/dictating and hopes to surpass the ones he encounters. Philosopher is not against faith as a state of mind. The tradition of existentialism consistently subordinates intellect to spirituality. Clearly, soul and faith are higher than

abstract logic and abstract instrumentalism. However, not every faith is the same. Someone believes in himself while trusting others or not. That is a natural male position justified by life. That is a philosopher's position. Some believe in the Other whose role may be played by God or political party. The latter is closer, the former is further. Or vice versa. It does not matter. There is no big difference. One way or another, it is the Other. An insecure man with wounded and split consciousness needs his help just like a constant presence of other Self, this vigilant "inner" observer.

Christian religion originates among slaves and dependents. This is an irrefutable fact from the history of the Roman Empire. So, it should come as no surprise that along with all contradictory social and moral principles one ethical norm still dominates in evangelical Christianity: it preaches patience, humility and forgiving grievances. Exploiters always profit by it [13]. In fact, the New Testament absorbed slavish world outlook, reproduced and replicated it. An appropriate term is used in canonical admonition: those liberated from sin become God's slaves, finding sanctity and eternal life [Rom. 6: 22]. You may say as much as you want that a biblical slave is not equal to a pagan one but it is undisputed that both personally depend on lord, heavenly or earthly. And if you can get rid of the latter by taking up arms and revolting, you will never escape the former. The truth of Apostle Paul is that eternal life is actually similar to slavery: it is contaminated with hopelessness; when it is attained, you are not able to reject it. Eternity gives immortality but takes nascence away. In eternity no one emerges into the world. Eternity is not burdened with love and freedom. Christianity easily deals with a negative human freedom (freedom from sin) but struggles with a positive one. And how else if not all men freely accept evangelical truth. As a result, one has either to interpret cringing as a hymn to true freedom or to equate a slave and a free man in Christ. The idea of humility which is cultivated by religions and encouraged by a sovereign in his subjects always turns against sovereign. Free man at the expense of no freedom of others discredits and loses it himself. But it is not shifted to his subjects, they will not gain anything from his defeat.

According to F. Dostoevsky, if there is no God, everything is allowed. But it is a mistake. Man does only what he can (and wants, sometimes without realizing it) do. Regardless of

whether he wants it himself or at the behest of somebody. Regardless of whether God exists or not. The difference is in something else. If God exists, each and every one is responsible for everything and thus everything is willingly or unwillingly justified. Including any abomination [14]. If God does not exist, each and every one is responsible not for everything, and not everything can be justified in the end. Some will never justify something. That is a real man in all senses of the word "real". Absolute responsibility of man which seems to help redeem himself for condoning evil is as much a profanation of his essence as a notion of limitless human freedom.

Insisting on value and attainability of worldly freedom, philosophy, at least that of existentialism and realism, places human autonomy above freedom. The argumentation is the following. There are two facets of freedom: positive ("freedom for something") and negative ("freedom from something»). The latter pushes us to naïve and mostly fruitless "equating freedom with independence: a complete freedom can be attained by someone who does not depend on anyone and anything, someone who is in a vacuum. Autonomy, however, does not have a negative facet. Autonomy is conceptually alien to temptation of complete independence and to placing an individual into a vacuum. On the contrary, it is close to the idea of essential "rootedness" of subject in being, in his own place. Worldview of autonomous man is imbued with native soil motive. Clearly, one cannot obtain freedom by obliterating motherland, uprooting one's roots or cowardly escaping from oneself.

Efficiently functioning society and its managers do not need philosophy at all. Do not be surprised if it is expelled from academic institutions soon. Of course, it is unjustifiably costly at its core: abstruse and at the same time simple; it takes care of full-blooded man, does not disparage his passionate nature and simultaneously appeals to his conscience; hones his taste, encourages grace, elegance, noble aspirations and still unsentimentally turns us to harsh reality. Philosophy is akin to life and alien to technological schemes. It will not support or glorify them. And this is why it is doomed in terms of efficiency. To refute this point, philosophy, instead of adjusting to situation, should rather fight through it.

Philosophy has long been subjected to optimizing and taming. Tools were different: from

sugary flattery to blatant abjection. It was called the mistress, the queen of sciences – and was methodically turned into their methodological maid. Earlier philosophy was considered a maiden of theology, later – of ideology. The last case showed that even a socialist system, which was a priori designed to eliminate economic oppression and declared commitment to true (not abstract) humanism and freedom, hardly tolerated philosophy as such. Theology, science, ideology... The circle of philosophy's theoretical oversimplification is almost closed. The only role left is that of the theory of art which philosophy plays more and more often today. In existential and social being this is a supporting role, if not marginal altogether. As man with a developed aesthetic artistic taste (whether it is author or audience) does not really need theoretical delights or fads of philosophy.

If self-preservation instinct is still alive in philosophy, the only thing it can do is to stubbornly stand for its cultural autonomy and hold on to it with all its might. In fact, that is exactly what philosophy teaches man in the first place – life autonomy. Certainly, authorities want both of them gone. "Benefit from them is questionable, but harm is obvious". However, this statement is a double-edged sword. Yes, philosophy has gotten the smell of disobedience and revolt – and that is when man is being turned into a function or a cog in the machine everywhere. No wonder! But anthropological defense should be a priority. *Philosophy is neither a maid nor a mistress but a life companion of autonomous man.*

Now, in a more prosaic tone, let us turn to the subject of philosophy (for more details, see: [15]). Strange as it may seem at first glance, it is still not precisely defined – even though its history spans more than 2500 years. And a saving trick of M. Heidegger – philosophy is inexact but strict; unlike science, its exactitude is what makes it strict – is far from perfect. Yes, it protects philosophical thought from reducing it to numbers and arithmetic but it gives rise to another problem – problem of "strictness" criteria [16]. However, where there is danger, there lies salvation.

The bet on the German intellectual line is justified here: in fact, the Greeks and Germans made philosophy a philosophy. Its current state of crisis is largely due to the fact that continental European thought has weakened, and there was no one to pick up the baton. Anglo-American utilitarianism and pragmatism are clearly

not up to it. Russian thought, potentially powerful due to the unregulated polarities of mind, is also unable to make a breakthrough synthesis.

Let's get back to the German point. Actually, the subject field of philosophy is quite often identified with its problem field. If so, the subject of philosophy is a set of problems that it formulates and tries to solve, at least, theoretically. However, it is not that simple. Various philosophical movements and schools operate with different sets of problems and organize them into different hierarchies. And that is not a proverbial pluralism. Pluralism must claim an equivalence of all theories and practices (which is absolutely absurd) and resist any preferences, including its own ones (which is doubly absurd). But pluralism is just a cynical mask for tacitly supported and enhanced flawed hierarchy. The field of philosophy actually appears as a *variety of unity* that cannot be eliminated by any innovations.

In one of the interpretations three main philosophical problems can be distinguished: 1) description of the world as uniform and manifold; 2) finding the place of man in this world; 3) explaining relations between man and the world. These are not exclusively corporate problems as men not professionally related to philosophy still address them. Though there is also a very narrow professional problem: philosophy is inherently problem-oriented and, as a rule, is willingly or unwillingly aimed at something non-positive, diminished within being. Philosophy of joy and happiness is always a nonsense, a caricature of true joy and happiness. It is needed and called upon as long as there is a fair amount of adversity. No real problems, no philosophy. The opposite statement is false: absence of philosophical thought does not guarantee a disappearance of life woes but rather informs about their disguise.

Let's consider the third of the above-mentioned problems. The relations of man and the world inevitably emerge. It is important to emphasize: inevitability is stronger than necessity. You can never escape the inevitable. There is an extremely high objectivity in it and still a

maximum of responsible subjective experience (actual or potential). Whereas a cult of necessity induces men to passivity and irresponsibility. "Freedom as a realized necessity" is a parody of real worldly freedom, a mental phantasm constructed by B. Spinoza.

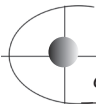
Expansion of objective necessity threatens to immerse man into totality of natural and socio-cultural connections (contacts and relations) and to turn him into a puppet, an object, a function. So, an individual in alliance with philosophy aspires: on one side – to elevate the inevitable above the necessary (by appealing to death as the highest limit of inevitability), on the other – to attack inevitability itself using his autonomy. Human autonomy is a touchstone of his decent life and philosophical thought about him. Attacks on philosophy are always, one way or another, aimed at being that is autonomous in life and thinking. As M. Heidegger pointed out, philosopher is a loner but he is not lonely, not self-contained. He exists together with the world. And this world exists before any correlation with him – with philosopher or someone else [16].

According to M. Heidegger, philosophy is a passion of utmost questioning that is more powerful than any intellectual act and display of affection. However, let us argue with that. Certainly, many intellectual and emotional phenomena are not rich in substance, simply mannered. But if any question implicitly contains an answer in itself, then questioning is mannered too. The ultimate problem is in finding affirmative forms of conversations about being. There is a lot from childish and old man's whims, from inquirer's and eavesdropper's trick in questioning. Statement is more worthy and responsible than questioning.

Conclusion. There is no doubt – and the past two and a half thousand years have been a guarantee – that philosophy will withstand any pressure from outside. The main thing is not to crumble and not to dry out from the inside. Do not isolate itself from the burning problems of life. Do not turn into a language game. To remain – as before – the life companion of an autonomous man.

References

1. Fatenkov, A. N. Existential Ontognosiology: from Experience to Witnessing. *Filosofiya i kul'tura*, vol. 6, pp. 7–18, 2012. (In Rus.)
2. Koyré, A. *Newton et Descartes. Études newtoniennes*. Paris: Gallimard, 1968: 85–155. (In Engl.)
3. Rimbaud, A. Sun and Flesh. Web. 10.04.2023. <https://www.mag4.net/Rimbaud/poesies/Sun.html> (In Engl.)

4. Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2009. (In Engl.)
5. Jaspers, K. *The Origin and Goal of History*. Oxford: Routledge, 2014. (In Engl.)
6. Hölderlin, F. *The Death of Empedocles: a mourning-play*. Albany: State University of New York Press, 2008. (In Engl.)
7. Nietzsche, F. *Beyond Good and Evil*. Bristol: Penguin, 2003. (In Engl.)
8. Macchiaveli, N. *The Prince*. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. (In Engl.)
9. Shmelev, A. D. *Russian linguistic worldview: materials for dictionary*. M: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. (In Rus.)
10. Jünger, E. *Radiations (February 1941 – April 1945)*. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2002. (In Rus.)
11. Camus, A. *Notebooks 1942–1951*. Boston: Da Capo Press, 1994. (In Engl.)
12. Heraclitus. *Fragments*. Bristol: Penguin Classics, 2003. (In Engl.)
13. Tokarev, S. A. *Religions in the history of world nations*. M: Respublika, 2005. (In Rus.)
14. Žižek, S. *Violence*. London: Picador, 2008. (In Engl.)
15. Fatenkov, A. N. On philosophy and its problem field. *Legal science and practice*, vol. 1, pp. 292–294, 2018. (In Rus.)
16. Heidegger, M. *Ponderings II–VI: Black Notebooks 1931–1938*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2016. (In Engl.)

Information about authors

Aleksey N. Fatenkov, Doctor of Philosophy, Professor; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; Privolzhsky Research Medical University, 10/1 Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Andrey A. Davydov, Candidate of Culturology; Privolzhsky Research Medical University, 10/1 Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; npirogov2009@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0954-6929>.

Contribution of authors to the article

A. N. Fatenkov – the main author, text conceptualization.

A. A. Davydov – adaptation of the text to the norms of the English language, text design.

For citation

Fatenkov A. N., Davydov A. A. *Philosophy: An Apologetic Etude* // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 68–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-68-76.

**Received: April 12, 2023; approved after reviewing May 14, 2023;
accepted for publication May 17, 2023.**

Информация об авторах

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; Приволжский исследовательский медицинский университет, 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Давыдов Андрей Александрович, кандидат культурологии; Приволжский исследовательский медицинский университет, 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1, npirogov2009@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0954-6929>.

Вклад авторов в статью

A. Н. Фатенков – основной автор, концептуализация текста.

A. А. Давыдов – адаптация текста к нормам английского языка, оформление материала.

Для цитирования

Фатенков А. Н., Давыдов А. А. *Философия: апологетический этюд* // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 2. С. 68–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-68-76.

**Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023;
принята к публикации 17.05.2023.**

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

HUMANISTIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Научная статья

УДК 316.624

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85

Философия суицида в виртуальном пространстве

Роман Георгиевич Ардашев

*Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия
ardachev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>*

В работе проводится изучение формирования философии суицида, вовлечения в группы смерти участников разного возраста и статуса, а также выявляется специфика развития философии суицида в цифровом мире. Теоретическим основанием развития философии суицида в виртуальном мире становится концепция игры и человека играющего Йохана Хейзинга. Игрализация как принцип работы виртуального мира накладывает отпечаток на иррациональные основы работы сознания, где стираются грани между реальным и нереальным, между жизнью и смертью, между готовностью начать заново проживать жизнь после смерти как в компьютерной игре и возможностью также воспринимать самоубийство, после которого возможна другая жизнь в этом же мире. В качестве подтверждения выдвинутых гипотез, приводятся результаты качественного исследования, проведенного методом структурно-символического анализа 1820 публикаций в сети Интернет, на сайтах и страницах социальных сетей, где отражена психология и философия суицида. Полученные данные анализировались при помощи кластерного анализа пакета AskNET, а также экспертного опроса психологов, психотерапевтов, философов, культурологов, священников, работающих по теоретическому осмыслению вопросов суицида или с теми, у кого были попытки суицида. В результате получены данные об иррациональных основах мышления тех, кто подвержен суицидам или суицидальному поведению, неготовности решать свои социальные страхи и ограничения, присутствие поведенческой стигматизации, отсутствии критического мышления, эмоциональной, когнитивной и интеллектуальной ригидности. Выделяются три стратегии развития философии суицида в виртуальном мире: аутоагрессии, навязанных представлений о смерти, заразительности (подражательности) поведения членов групп смерти. Также обосновывается структура развития философии суицида, максимально раскрывающаяся в виртуальном мире: опора на имеющиеся здания, мифологизацию, кристаллизацию, альтернативные варианты, перерождение. Перспективной развития дальнейших исследований выступает необходимость противостояния внешнему давлению, готовности подчиняться и нахождению поддержки в закрытых сообществах смерти и исследования виртуально-опосредованной философии суицида.

Ключевые слова: философия суицида, виртуальный мир, суицидальное поведение, сообщества смерти, социальные сети, стигматизация

© Ардашев Р. Г., 2023

Original article

Philosophy of Suicide in Virtual Space

Roman G. Ardashev

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia
ardachev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

The paper studies the formation of the philosophy of suicide, the involvement of participants of different ages and statuses in death groups, and also reveals the specifics of the development of the philosophy of suicide in the digital world. The theoretical basis for the development of the philosophy of suicide in the virtual world is the concept of the game and the person playing by Johan Huizinga. Playing as a principle of the virtual world leaves its mark on the irrational foundations of the work of consciousness, where the lines between real and unreal, between life and death, between the willingness to start re-living life after death as in a computer game and the ability to also perceive suicide, after which another life is possible, are blurred in the same world. As a confirmation of the hypotheses put forward, we present the results of a qualitative study conducted by the method of structural-symbolic analysis of 1820 publications on the Internet, on sites and pages of social networks, which reflect the psychology and philosophy of suicide. The data obtained were analyzed using cluster analysis of the AskNET package. As well as an expert survey of psychologists, psychotherapists, philosophers, culturologists, priests working on the theoretical understanding of suicide issues or with those who have had suicide attempts. As a result, data were obtained on the irrational foundations of thinking of those who are prone to suicide or suicidal behavior, unwillingness to solve their social fears and limitations, the presence of behavioral stigmatization, the absence of critical thinking, emotional, cognitive and intellectual rigidity. There are three strategies for the development of the philosophy of suicide in the virtual world: auto-aggression, imposed ideas about death, contagiousness (imitation) of the behavior of members of death groups. The structure of the development of the philosophy of suicide, which is maximally revealed in the virtual world, is also substantiated: reliance on existing buildings, mythologization, crystallization, alternative options, rebirth. Further research is needed to study resistance to external pressure, readiness to obey and find support in closed communities of death and to analyze virtual-mediated philosophy of suicide.

Keywords: philosophy of suicide, virtual world, suicidal behavior, communities of death, social networks, stigmatization

Введение. Развитие цифрового пространства привело к тому, что увеличивается количество способов психологического давления на пользователей сети Интернет, прежде всего, молодых людей, что приводит к суицидальному поведению. Со временем данное поведение обрастает своей философией и влияет на формирование мировоззрения представителей различных сообществ.

В основе философии суицида в виртуальном мире лежит игра, квест-проект, цель которого – смерть. Игра как стратегия и форма осмысления реальности существует не одно тысячелетие. Люди играли чтобы научиться жить, думать, понимать (игра как вид деятельности); игра как инструмент коммуникации (обмен опытом, мнениями, чувствами); игра как форма манипуляции (через навязывание особенностей протекания и завершения игры); игра как личная и игровая динамика, обладающая зрелищностью (как кино, праздник или карнавал).

На сегодняшний день онлайн игры становятся более значимой альтернативой реальным играм. Более того, игриализация

является основой развития бизнеса и инновационных технологий. А это означает, что игра как форма мышления и способ управления универсальна и применима ко всем сообществам.

Сейчас эти же принципы используются для того, чтобы для определённых сообществ и их членов найти максимальную форму реализации в виде самоубийства. Этому способствует ещё и то, что в цифровом мире существует множество игр (игры-стратегии, игры-стрелялки, игра-профессии и т. д.), поэтому, игра как квест суицида лаконично встраивается в обыденную реальность тех, кто много времени проводит в сети Интернет. У них нет критического восприятия заданий и условий данных игр, что приводит к слепому следованию (подражанию) и в итоге к суициду. Геймификация общества привела к формированию игрового мышления в виртуальном мире, где есть своя логика, динамика, особенности прохождения уровней и т. д.

По определению Й. Хейзинга [1], классика философского осмысления игры – игра – это свободная деятельность внутри ограни-

ченного пространства и времени, протекает по определённым правилам, имеет свою логику, активизирует участие различных социальных групп, имеющих явные или тайные отличия от остальных членов общества. По его мнению, в любой игре есть смысл, забава (веселье), свобода выбора, таинственность.

В философии суицида в виртуальном мире есть те же признаки. Смысл групп смерти в цифровом мире – доведение до самоубийства. Забава – выступает критерием «отбора достойных» «чести умереть» через прохождение этапов (подготовительных заданий). Свобода выбора – каждый участвует добровольно, но подтверждая свою готовность довести все до конца. Таинственность – соблюдение тайны, вовлечение в сообщество не всех, а избранных (лучших, мотивированных, достойных). Игра в виртуальном мире, как и в классическом понимании Й. Хейзинга, позволяет выйти из обыденного повседневного мира и войти в мир загадочности, необычности, яркости проживания сейчас и смерти потом.

Важным моментом любой игры выступает её трансгрессия, т. е. возможность выхода за собственные границы. Игры смерти в сети Интернет априори становятся играми – выхода за пределы жизни, за пределы сообщества, влияют на социальное воспроизводство в принципе. Более того, сам виртуальный мир является выходом за пределы реальности, что усиливает данное восприятие трансгрессивности поведения человека и группы. Этот момент отражён в работах О. А. Полюшкевич [2; 3], С. Ж. Рыспаева [4], Н. Д. Узлова и М. Н. Семёновой [5], V. Carli, C. W. Hoven, C. Wasserman, F. Chiesa, G. Guffanti, M. Sarchiapone [24], H. Casiano, J. D. Kinley, L. Y. Katz, M. J. Chartier [25]. Суицид как характеристика современного общества отражена в работе Ю. В. Буровой и Л. Ф. Айзатовой [6] и позволяет раскрыть игровые моменты выхода за границы обыденного и привычного, даже если они граничат с переходом за черту жизни и смерти.

В сети Интернет, коммуникации с незнакомцами, яркое вовлечение в дискуссию выступают актами трансгрессии. Это позволяет пользователю выйти за границы своего Я, вовлечься в симуляции и ощутить драйв от своей избранности и участия в конкретной игре, а также активизации эффекта подражания, когда человек видит, что не он один играет, возникает конкуренция и же-

вание доказать, что всё получится. Более того, стирание грани между реальностью и виртуальностью приводит к тому, что убийство во время игры, а потом возрождение на том же уровне (наследие компьютерных игр) становится нормой, и когда молодые люди начинают «Играть в смерть», возможность фатального исхода они воспринимают как игру, после которой можно сделать запуск еще одной жизни, потратив баллы, фишки, артефакты. Это становится основой для суицидального поведения – это отражено в более ранних работах автора [7; 8].

В продолжении раскрытия данных идей, публикации А. М. Бычковой и Э. Л. Раднаевой [9], а также Н. Ю. Демдоуми и Ю. П. Денисова [10], Л. О. Алгави, Ш. Н. Кадырова, Н. Е. Расторгуева [23] посвящены анализу конкретной тематики контента, способному вовлечь молодых людей в сообщества смерти и привести к суициду виртуальных сообществ в социальных сетях. Об интересе и способах узнавания о суициде изложено в работах зарубежных коллег R. A. Fleming-May и L. E. Miller [11], а также J. Horne и S. Wiggins [12]. Особенности компьютерных коммуникаций рассмотрены J. Lamerichs, H. te Molder [13], поиск информации о суицидах в системах поиска проанализирован в работе Y. F. Lee, P. K. Yeh, P. S. Ho, D. S. Tzeng [14], суицидальное поведение в социальных сетях отражено в работе В. С. Тибиркиной и Г. М. Шигабетдиновой [15].

Отдельно выделяются исследования о членовредительстве и самоубийствах под влиянием интернете (K. Daine и др. [16]; C. Hay и R. Meldrum [17]), а также о суицидальных мыслях, отраженных в социальных сетях (P. Harrison [18]), о кибербуллинге (A. John и др. [19]; S. Hinduja и J. W. Patchin [20], P. Г. Ардашев [21]) и др.

Данное проблемное поле стало основой для проведения нашего исследования, целью которого выступают мировоззренческие и экзистенциально-поведенческие основы суицида, спровоцированные взаимодействием в виртуальном мире.

Методы и материалы исследования. Мы отобрали 1820 сообщений о суициде, где в том или ином виде отражается его философское обоснование. Сообщения брались с сайтов и социальных страниц различных сообществ и личных страниц пользователей. Обработка проводилась через программу AskNET, благода-

ря которой мы смогли провести структурно-символический анализ публикаций.

Также мы провели экспертный опрос (психологов, психотерапевтов, философов, культурологов, священников), кто в процессе практической работы и теоретического осмысления сталкивался с вопросами философии суицида и выявления особенностей его развития и разработки в виртуальном мире (20 человек в возрасте от 30 до 65 лет, работающих в данном сегменте от 5 до 20 лет).

Результаты исследования. Философия суицида опирается на иррациональные страхи людей и отсутствие критического осмысления реальности, когнитивные и интеллектуальные ограничения, эмоциональная ригидность и поведенческую стигматизацию. В цифровом пространстве к этому добавляется размытость восприятия границы жизни и смерти, готовность и стремление проживать в придуманном мире, а не реальном (так как виртуальный мир предлагает второй, третий, десятый шанс все сделать заново или как-то иначе, в реальной жизни такого шанса нет практически ни у кого). Результатом этого становится придание большего смысла и значимости суициду и принадлежности к сообществам смерти, где уникальность и важность каждого члена сообщества поддерживается визуальными и текстовыми сообщениями, постоянной поддержкой и вниманием и предлагается радикальный вариант решения всех трудностей – суицид.

Психологическая слабость. Не готовность противостоять тем трудностям, с которыми сталкивается человек. Суицидальное поведение становится актом привлечения внимания к себе, способом показать, что сам человек не справляется. Для одних – это возможность вызвать чувство вины у окружающих, для других – способ показать свою уникальность и непонятность окружением или современниками.

Когда человеку плохо – он говорит на том языке, на котором ему проще и понятнее. Попытки суицида становятся понятным языком для подготовленных специалистов и обывателей в контексте того, что что-то не так и надо изменить отношение к человеку (И. Б., психолог, 44 года).

Попытки суицида – это крик о помощи, но, чтобы её оказать, надо понимать, почему он возник, и какая основа, какая философия за этим стоит. Если не смо-

жем найти этот путь в общем поле понятий, в общем пространстве философских трактовок жизни и смерти, то ничего не получится изменить (О. Л., психотерапевт, 54 года).

В виртуальном мире соблюдается придуманность, игрализация всего, во что вовлекается человек, поэтому акт смерти, суицид воспринимается как нечто ненастоящее. Невозможность или неготовность его критически оценивать, не видеть угрозу для себя лично становится нормой. Иллюзорное (не по-настоящему) восприятие себя в группах смерти убирает страхи, даёт веру во всевластие и возможность продолжения жизни в реальном мире, так же как и в виртуальном (возрождение на том же уровне после смерти). Происходит мифологизация человека, событий и самой истории суицида, что привлекает тех, кто столкнулся с данным опытом тем, что преподносится ярко и одновременно просто, увлекательно и близко каждому, кому это откликается.

Неверие в реальность того, что происходит становится отличительной чертой тех, кто состоит в группах смерти. А желание «играть» дальше, азарт и драйв остается, поэтому один за другим вовлекаются в массовый или индивидуальный суицид члены данных сообществ (Г. С., философ, 42 года).

Непонимание греха, не знание опыта наказания за действия приводит к печальным последствиям. Не знание Божественного закона, не освобождает от кары за его нарушение. Поэтому необходимо повышать духовную и светскую грамотность людей и усиливать уровень осознанности, где самоубийство – смертный грех, разрушающих личность самоубийцы и членов его семьи (Т. Ю., настоятель Храма, 57 лет).

Примеры людей, которые вошли в историю, о которых говорят, снимают фильмы, пишут песни – становятся ориентирами для обычных членов групп смерти. Их мифологизация, через поклонение и восхищение формирует ориентир личного развития. Это доказательство психологической слабости, когда человек видит пример для подражания в акте суицида, а не проживания интересной и насыщенной жизни. И тем страшнее, чем больше тех, кто готов этому следовать и подражать. Тут формируются яркие краткие истории, дополненные разными сюжетами, примерами развития – порой они начинают

жить своей жизнью, увлекая последователь своей внутренней событийностью.

Смерть и герой, павший за свои убеждения, всегда воспевался в балладах и был признан посмертно в культурах разных стран мира. И жажда быть таким героем есть у многих людей, но далеко не все, готовы уйти за грань, совершив самоубийство, чтобы стать героями. При самоубийстве србатывает эгоистический мотив – желание того, чтобы другие считали меня героем, указывает на низкую самооценку и не готовность реализовать свои возможности в других областях, где можно оставить свой след (В. А., философ, 40 лет).

Поклонение умершим героям – избитый сюжет даже для мифа, но он работает и в наши дни. Поэтому суицид – это форма рождения новых героев, пусть для зарытых сообществ, но это возможность вовлечься и остаться навсегда в чреде избранных (Т. А., культуролог, 36 лет).

Когнитивная и интеллектуальная ограниченность. Формальное непонимание работы организма, как и когда наступает смерть, к каким последствиям могут привести попытки суицида. Причём важна оценка последствий, как для самого человека (в случае нереализованного суицида возможна инвалидность), так и для родственников, окружения. Не готовность понимать, что суицид убирает все возможные варианты развития личности, все возможности проживания жизни, нового опыта, творчества, реализации способностей и т. д.

Банальное незнание работы организма, не готовность изучать особенности функционирования в экстремальных условиях, общая неготовность находить для себя альтернативный выход из ситуации порождает когнитивную ограниченность, где простым и понятным способом решения любой проблемы выступает суицид. (С. С., культуролог, 33 года).

Интеллектуальная ограниченность проявляется среди прочего и в том, что человек единственным вариантом решения своих проблем видит суицид, а не поиск других вариантов изменения ситуации. Упертость и готовность видеть только этот сценарий тормозит развитие и указывает на неразвитость суждений. (В. С., психолог, 32 года).

Эмоциональная ограниченность. Не готовность понять эмоции и чувства тех, кто

будет жить после суицида, не возможность оценивать собственные эмоциональные состояния и чувственные проживания собственных разных этапов жизни. Зацикленность в негативном и мало разнообразном спектре эмоций не позволяет развиваться эмоциональному интеллекту человека.

Проживание отрицательных эмоций становится основой для поиска тех, кто может поддержать и направить. Поэтому не готовность видеть более расширенный спектр эмоций указывает на эмоциональную ограниченность человека, подверженного суицидальному поведению (П. А., психотерапевт, 39 лет).

Эмоции, не позволяющие излить душу, которые держатся все время внутри – рано или поздно ее изедают и человек становится эмоционально пустым или в лучшем случае эмоционально ограниченным. Тогда легко воспользоваться другим людям, чтобы подчинить волю и чувства такого человека в угоду своих желаний (Т. Ю., священник, 50 лет).

Поведенческая стигматизация. То, что человек не может решить вопросы социальных коммуникаций, подвержен стигматизации показывает его внутреннюю слабость, отсутствие стержня, на который он может опираться для заявления о себе и тем самым он предпочитает убежать в придуманный виртуальный мир. Но вовлекаясь в сообщества смерти он тем ещё больше вовлекается в стигматизацию (так как он искусственно ограничивается от взаимодействия с внешним миром и ему не даётся шанса выйти из сообществ смерти, кроме как умерев). Он загоняет сам себя в двойной тупик ограничений.

Неразвитость социальных коммуникаций – знак внутренней ограниченности человека. Следствием этого становится поведенческая ограниченность и противостояние с отдельными людьми или группами людей, что вызывает внутреннюю тревожность и раздражение. Это показатель для развития внутриличностных и межличностных конфликтов в будущем и основа для суицида (О. А., психолог, 40 лет).

Когда группа не принимает человека, ответ не только в группе, но и самом человеке. Потенциал конфликта заложен в каждом, но одни его энергию направляют на снятие напряжения, а другие становятся изгоями и постоянно провоцируют кон-

фликтное поведение, становятся изгоем в сообществе (К. Е., культуролог).

Разрушение реального восприятия мира под воздействием виртуальности. Мир теряет привычные рациональные формы и примеры развития, оценки и суждения становятся не такими, как мы привыкли воспринимать. Стирается грань реального и виртуального, что сказывается на особенностях психического восприятия себя и окружающего мира, оценок реального и придуманного поведения, их последствий и оценок восприятия со стороны.

Виртуальность разрушает привычный мир, позволяя жить более яркой, наполненной и насыщенной жизнью в виртуальном мире. Выбирая иную реальность, человек убегает от решения настоящих задач, которые стоят перед ним в жизни, он выбирает сон, а не явь (О. О., философ, 45 лет).

Виртуальный мир расширяет горизонты и стирает границы между фантазиями и реальностью, это приводит к тому, что грани миров разрушаются и нет четкого деления, где я играю, а где живу и наоборот. Для одних – это дает возможность безграничных возможностей для реализации, а для других потери своей личности как в виртуальном, так и реальном мире, что зачастую заканчивается суицидом, так как если человек престаёт себя осознавать собой, то он умирает (Р. Б., священник, 54 года).

Полученные данные позволяют выявить общую систему воздействия на сознание тех, кто вовлекается в сообщества смерти. Это комплекс воздействия на слабости и страхи людей, которые предпочитают цифровое пространство реальному миру. И где их «подводят» к тому, что суицид становится инструментом решения любого сложного вопроса.

Обсуждение результатов исследования. Обобщая полученные данные, можно выделить несколько философских стратегий: 1) философия аутоагрессии – желания притянуть к себе внимание (реализуются в демонстративных суицидах, с возможностью спасти человека), в каком-то варианте срабатывают эгоистические мотивы; 2) навязанные представления о смерти (строющиеся на отсутствии реального понимания смерти как явления), зачастую строятся на игровом понимании смерти (предполагающем возрождение спустя какое то время

за что-либо); 3) заразительность (пародийность) игрового поведения, где пародией выступает суицид (реализация эффекта Вертера¹).

В проанализированных нами сообществах, а также при анализе ответов респондентов из массового опроса выяснилась следующая структура вовлечения в философию суицида.

1. Опора на базу, на знания, которые уже есть у человека, то, что нельзя будет опровергнуть. Зачастую это личные переживания человека (вызванные одиночеством, преследованием отдельными людьми или группами людей, насилием в семье и т. д.). На основе «проблемной зоны» формируется «воронка затягивания» в квест-суицид.

2. Мифологизация (эффект упрощения и универсализации), что позволяет понимать суть, сюжет и стратегию без особых пояснений, на символическом языке. Мифологизация происходит через «группы смерти», «файлы смерти», т. е. поиск тайных знаков сообществ, позволяющих узнавать своих членов и неявно руководить их поведением.

3. Кристаллизация. Благодаря многократному тиражированию какой-либо истории суицида, происходит его «брендинг» или «кристаллизация» и выражается в ёмком названии, визуальном образе (картинке или меме) и краткой аннотации вопроса.

4. Альтернативное повествование. Это косвенное доказательство существования мифологизации, когда есть разные варианты описания исхода игры (вариантов суицида).

5. Перерождение, сопровождающееся философским осмыслением каждой предыдущей ступени. Наступает не всегда, а лишь тогда, когда находятся последователи, которые пытаются возродить, воссоздать былую систему на новых виртуальных ресурсах, понять или придать новую логику и систему вовлечения в сообщество и реализацию целей этого сообщества.

Понимание этой структуры позволяет выявить восприятие суицида как игры, который проходит последовательную систему развития и после этого становится фило-

¹ Эффект Вертера – волна подражающих массовых самоубийств, возникших после широкого освещения в СМИ того или иного самоубийства. Впервые данный эффект был зафиксирован в 18 в. после выхода книги Гёте «Страдания юного Вертера», когда по Европе прошла волна самоубийств, аналогичных тому, что описано в книге.

софией суицида. Специфика развития философии суицида в цифровом мире порождается его многоуровневостью (установки на то, что можно еще раз пройти данный уровень, после смерти), что обесценивает смерть и не позволяет серьезно к ней относиться (т. к. в других играх был приобретен другой навык, опыт восстановления жизни). Акт самоубийства в данном случае выступает реализацией максимальных (предельных) возможностей героя, который получает уникальный опыт, присваивает себе новые качества и может начать все с начала.

Данное развитие опирается на недостаток знаний, ограниченность суждений и нежелание обращаться за помощью к реальным людям (в случае одиночества, преследования или стигматизации [22]). Иными словами, основой философии суицида становится нежелание преодолевать внешнее давление и внутренние страхи. Виртуальный мир усиливает возможность альтернативного варианта развития личного сценария, хотя и опирается на ограниченности знаний и манипулировании страхами и мнимой поддержкой тех, кто вовлечен в общества смерти.

Заключение. Таким образом, философия суицида строится на общей социальной нестабильности, которая порождает тревожность и неуверенность в себе и завтрашнем дне. Но на практике она усиливается через реальные действия отдельных людей, которые на символическом и реальном поведенческом уровне входят в систему осмысления суицида как способа решения всех проблем.

Самый простой способ, не всегда самый правильный. Но именно этот принцип становится основой функционирования многих групп смерти. Суицид как способ завершения жизни или как форма привлечения внимания работает лишь тогда, когда есть те, кто это могут зафиксировать, обсудить и транслировать дальше, как опыт и практику, тем самым вовлекая новых адептов. С каждым новым участником группы смерти философия суицида становится все более практичным и реальным рычагом изменения реальности.

Философия суицида в виртуальном пространстве становится реальной после нахождения опоры и поддержки, а впоследствии и информировании о последствиях суицида всех членов сообщества. Она опирается на подмену ценностей и логическую систему осмысления происходящих процессов, формирует иррациональные принципы принятия и реализации решений.

На основе этого, перспективами исследования философии суицида в виртуальном мире могут служить гендерные и возрастные особенности реализации, социально-стратификационные и культурно-религиозные условия осуществления суицида. Более того, новыми точками профилактики суицидального поведения может служить разработка искусственного интеллекта, позволяющего на основе анализ видео и текстового ряда сообщений выявлять потенциально подверженных суициду людей и вовлекать их в сообщества поддержки и работы с психологом, для снятия суицидальных наклонностей.

Список литературы

1. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
2. Полюшкевич О. А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
3. Полюшкевич О. А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58.
4. Рысаева С. Ж. Суицид – экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5. С. 90–94. DOI: 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161.
5. Узлов Н. Д., Семёнова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. Т. 8, № 3. С. 40–53.
6. Бурова Ю. В., Айзятова Л. Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 66–70.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 58–68.
8. Ардашев Р. Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
9. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115.

10. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернета как проблема мультидисциплинарных исследований // Суицидология. 2014. Т. 5, № 2. С. 47–54.
11. Fleming-May R. A., Miller L. E. "I 'm Scared to Look. But I 'm Dying to Know": Information Seeking and Sharing on Pro-Ana Weblogs // Proceedings Am. Society Inform. Sci.d Technol. 2010. Vol. 47. P. 1–9.
12. Horne J., Wiggins S. Doing being 'on the edge': Managing the dilemma of being authentically suicidal in an online forum // Soc. Health Illness. 2009. Vol. 31. P. 170–184.
13. Lamerichs J., te Molder H. Computer-mediated communication: From a cognitive to a discursive model // New Media & Society. 2003. Vol. 5. P. 451–473.
14. Lee Y. F., Yeh P. K., Ho P. S., Tzeng D. S. Searching for Suicide Information on Web Search Engines in Chinese // J. Med. Sci. 2017. Vol. 37. P. 86–90.
15. Тибиркина В. С., Шигабетдинова Г. М. Суицид и суицидальное поведение: исследование групп в социальных сетях // Студенческий вестник. 2019. № 24-1. С. 46–47.
16. Daine K., Hawton K., Singaravelu V., Stewart A., Simkin S., Montgomery P. The power of the Web: a systematic review of studies of the influence of the Internet on self-harm and suicide in young people. URL: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0077555;jsessionid=B7CA6E0D7766BDDF8DC72FFF9FD78E0D> (дата обращения: 11.01.2023). Текст: электронный.
17. Hay C., Meldrum R. Bullying victimization and adolescent self-harm: Testing hypotheses from general strain theory // Youth Adolesc. 2010. Vol. 39. P. 446–459.
18. Harrison P. Suicidal thoughts common among victimized youth. Текст: электронный // Medscape medical news 11.01.23. URL: <http://www.medscape.com/viewarticle/773120>(дата последнего обращения: 11.01.2023).
19. John A., Glendenning A. C., Marchant A., Montgomery P., Stewart 3 A., Wood S., Lloyd K., Hawton K. Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review // Med. Internet Res. 2018. Vol. 20. P. 129–132.
20. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying, cyberbullying, and suicide // Arch. Suicide Res. 2010. Vol. 14. P. 206–221.
21. Ардашев Р. Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
22. Полюшкевич О. А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск: Иркутск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 24–29.
23. Алгави Л. О., Кадырова Ш. Н., Расторгуева Н. Е. «Синий Кит»: пять аспектов новостного нарратива // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Т. 22, № 4. С. 660–668. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-4-660-668.
24. Carli, V., Hoven, C. W., Wasserman, C., Chiesa, F., Guffanti, G., Sarchiapone, M. A newly identified group of adolescents at "invisible" risk for psychopathology and suicidal behavior: findings from the SEYLE study // World Psychiatry. 2014. Vol. 13. P. 78–86.
25. Casiano, H., Kinley, J. D., Katz, L. Y., Chartier, M. J. Media use and health outcomes in adolescents: findings from a nationally representative survey // Can. Acad. Child Adolesc. Psychiatry. 2012. Vol. 21. P. 296–301.

Информация об авторе

Ардашев Роман Георгиевич, кандидат юридических наук, доктор философских наук; Сибирский юридический институт МВД России; 660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20; ardachev.rg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>.

Для цитирования

Ардашев Р. Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 29.03.2023.

References

1. Huizinga, J. Homo Ludens; Articles on the history of culture. M: Progress-Tradition, 1997. (In Rus.)
2. Polyushkevich, O. A. Moral and game in modern society. The problem of correlation between natural and social in society and man, no. 13, pp. 41–48, 2022. (In Rus.)
3. Polyushkevich, O. A. Modern reading of the sociology of morals. Humanitarian vector, no. 5, pp. 50–58, 2021. (In Rus.)
4. Ryspaeva, S. Zh. Suicide – an existential choice (sociological analysis). Problems of Science, no. 5, pp. 90–94, 2019. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161 (In Rus.)

5. Uzlov, N. D., Semenova M. N. Game, transgression and network suicide. *Suicidology*, no. 3, pp. 40–53, 2017. (In Rus.)
6. Burova, Yu. V., Aizyatova L. F. Suicide as destruction of modern society. *Society: politics, economics, law*, no. 8, pp. 66–70, 2021. (In Rus.)
7. Ardashev, R. G. Irrational foundations of suicide. *Humanitarian vector*, no. 2, pp. 58–68, 2022. (In Rus.)
8. Ardashev, R. G. Irrational foundations of suicidal behavior of youth. *Sociology*, no. 3, pp. 39–46, 2022. (In Rus.)
9. Bychkova, A. M., Radnaeva E. L. Bringing to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal law aspects. *All-Russian criminological journal*, no. 1, pp. 101–115, 2018. (In Rus.)
10. Demdoui, N. Yu., Denisov Yu. P. Distribution of “suicidal content” in the cyberspace of the Russian-speaking Internet as a problem of multidisciplinary research. *Suicidology*, no. 2, pp. 47–54, 2014. (In Rus.)
11. Fleming-May, R. A., Miller, L. E. “I’m Scared to Look. But I’m Dying to Know”: Information Seeking and Sharing on Pro-Ana Weblogs. *Proceedings Am. Society Inform. Sci.d Technol.*, vol. 47, pp. 1–9, 2010. (In Eng.)
12. Horne, J., Wiggins, S. Doing being ‘on the edge’: Managing the dilemma of being authentically suicidal in an online forum. *Soc. Health Illness*, vol. 31, pp. 170–184, 2009. (In Eng.)
13. Lamerichs, J., te Molder, H. Computer-mediated communication: From a cognitive to a discursive model. *New Media & Society*, vol. 5, pp. 451–473, 2003. (In Eng.)
14. Lee, Y. F., Yeh, P. K., Ho, P. S., Tzeng, D. S. Searching for Suicide Information on Web Search Engines in Chinese. *J. Med. sci.*, vol. 37, pp. 86–90, 2017. (In Eng.)
15. Tibirkina, V. S., Shigabetdinova, G. M. Suicide and suicidal behavior: a study of groups in social networks. *Student Bulletin*, no. 24-1, pp. 46–47, 2019. (In Rus.)
16. Daine, K., Hawton, K., Singaravelu, V., Stewart, A., Simkin, S., Montgomery, P. The power of the Web: a systematic review of studies of the influence of the Internet on self-harm and suicide in young people. *Web*. 10.01.2023. URL: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0077555>. (In Eng.)
17. Hay, C., Meldrum, R. Bullying victimization and adolescent self-harm: Testing hypotheses from general strain theory. *J. Youth Adolesc*, vol. 39, pp. 446–459, 2010. (In Eng.)
18. Harrison, P. Suicidal thoughts common among victimized youth. *Medscape medical news*. Web. 10.01.2023. URL: <http://www.medscape.com/viewarticle/773120>. (In Eng.)
19. John, A., Glendenning, A. C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, 3 A., Wood, S., Lloyd, K., Hawton, K. Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review. *J. Med. Internet Res*, vol. 20, pp. 129, 2018. (In Eng.)
20. Hinduja, S., Patchin, J. W. Bullying, cyberbullying, and suicide. *Arch. Suicide Res*, vol. 14, pp. 206–221, 2010. (In Eng.)
21. Ardashev, R. G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society. *Sociology*, no. 6, pp. 32–38, 2022. (In Rus.)
22. Polyushkevich, O. A. Stigmatization: analysis within the concept of I. Hoffman. *Health Philosophy: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, IGMU, 2019: 24–29. (In Rus.)
23. Algavi, L. O., Kadyrova, Sh. N., Rastorgueva, N. E. “Blue Whale”: five aspects of the news narrative. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism*, no. 4, pp. 660–668, 2017. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-4-660-668. (In Rus.)
24. Carli V., Hoven C. W., Wasserman C., Chiesa F., Guffanti G., Sarchiapone M. A newly identified group of adolescents at “invisible” risk for psychopathology and suicidal behavior: Findings from the SEYLE study. *World Psychiatry*, vol. 13, pp. 78–86, 2014. (In Eng.)
25. Casiano, H., Kinley, J. D., Katz, L. Y., Chartier, M. J. Media use and health outcomes in adolescents: findings from a nationally representative survey. *J. Can. Acad. Child Adolesc. Psychiatry*, vol. 21, pp. 296–301, 2012. (In Eng.)

Information about author

Ardashev Roman G., Candidate of Law, Doctor of Philosophy; Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 20 Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russia; ardachev.rg@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

For citation

Ardashev R. G. Philosophy of Suicide in Virtual Space // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85.

Received: February 10, 2023; approved after reviewing March 27, 2023; accepted for publication March 29, 2023.

Научная статья

УДК 322.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-86-95

Государственно-религиозные отношения в системе безопасности России

Юлия Викторовна Гаврилова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия
julia.voitsuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>

Предмет анализа – государственно-религиозные отношения в системе обеспечения безопасного существования и развития человека и общества. В контексте концепций социальной, религиозной и информационно-психологической безопасности анализируются формы-модели взаимодействий государственной власти и религиозных организаций. Отмечается, что религии в условиях информационного общества участвуют в оформлении информационных сред, способных оказывать разнонаправленное влияние на индивидов, в том числе разрушительного характера. В целях предупреждения возможных негативных воздействий на психику человека требуется интеграция и сотрудничество религиозных институтов и государственной власти. В связи с этим, цель исследования – выявление особенностей государственно-религиозных отношений и их маркеров, способных в кризисных и экстренных ситуациях запустить стабилизационные механизмы обеспечения системы безопасности. Новизна исследования заключается: 1) в выявлении роли государственно-религиозных отношений в системе разных видов безопасности в зависимости от моделей взаимодействия государства и религий; 2) в определении принципов современной модели государственно-религиозных отношений в России (межрелигиозное взаимодействие и мирное сосуществование религий, особое положение Русской Православной Церкви, сильная государственная власть с максимально высоким уровнем централизации); 3) в переформатировании принципов в систему индикаторов диагностики и прогнозирования государственно-религиозных отношений в современной России. В результате исследования проанализированы понятия «государственно-конфессиональные отношения», «государственно-религиозные отношения», «государственно-церковные отношения». Обоснована необходимость применения в научной литературе термина «государственно-религиозные отношения». Изучены основные исторические модели государственно-религиозных отношений, выявлен их конфликтный или миротворческий характер для системы социальной, религиозной и информационно-психологической безопасности. Проанализирован концепт «самобытность России» в ракурсе социокультурного анализа. Установлена корреляция самобытности и специфичности модели государственно-религиозных отношений в России. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в целях разработки системы эффективных практик обеспечения безопасности личности и общества, в разработке стратегии развития обновленной формы государственно-религиозных взаимодействий в современной России.

Ключевые слова: религии, конфессии, государственно-религиозные отношения, безопасность, модели, государство, церкви

Original article

State-Religious Relations in the Russian Security System

Yulia V. Gavrilova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
julia.voitsuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>

The subject of the analysis is the state-religious relations in the system of ensuring the safe existence and development of man and society. In the context of the concepts of social, religious and information-psychological security, the forms-models of interactions between state authorities and religious organizations are analyzed. It is noted that religions in the conditions of the information society participate in the design of information environments capable of exerting a multidirectional influence on individuals, including destructive ones. In order to prevent possible negative effects on the human psyche, integration and cooperation of religious institutions and state authorities are required. In this regard, the purpose of the study is to identify and analyze the features of state-religious relations and their markers that can trigger stabilization mechanisms to ensure the security system in crisis and emergency situations. The novelty of the study is: 1) in identifying the role of state-religious

© Гаврилова Ю. В., 2023

relations in the system of different types of security, depending on the models of interaction between the state and religions; 2) in defining the principles of the modern model of state-religious relations in Russia (interreligious interaction and peaceful coexistence of religions, the special position of the Russian Orthodox Church, strong state power with the highest possible level of centralization); 3) in reformatting the principles into a system of indicators for diagnosing and forecasting state-religious relations in modern Russia. As a result of the research, the concepts of "state-confessional relations", "state-religious relations", "state-church relations" are analyzed. The necessity of using the term "state-religious relations" in the scientific literature is substantiated. The main historical models of state-religious relations are studied, their conflictogenic or peacemaking nature for the system of social, religious and information-psychological security is revealed. The concept of "identity of Russia" is analyzed from the perspective of socio-cultural analysis. The correlation of the identity and specificity of the model of state-religious relations in Russia is established. The practical significance of the research is determined by the possibility of using the results in order to develop a system of effective practices for ensuring the security of individuals and society, in developing a strategy for the development of an updated form of state-religious interactions in modern Russia.

Keywords: religions, confessions, state-religious relations, security, models, state, church

Введение. В современном мире наблюдаются тенденции к росту социальной конфликтности. В таких условиях в обществе формируется особое отношение к безопасности, которая становится одной из важнейших социальных ценностей. На уровне государственной политики возникает необходимость комплексной реализации мер обеспечения социальной безопасности. Несмотря на многообразие видов безопасности (национальная, экономическая, геополитическая и т. д.) сейчас на первый план выдвигаются задачи обеспечения информационной и информационно-психологической безопасности, определяемые как фундамент стабильного развития социума. Современное информационное общество характеризуется стремительным развитием информационных технологий и легкой доступностью информации для всех членов общества. Это позволяет различным субъектам влиять на характер транслируемой информации, перенаправлять информационные потоки, вмешиваться в структуру и содержание информационных сред для достижения собственных корыстных целей. Умело используя информацию, злоумышленники манипулируют личностью и социальными группами, изменяют мировоззрение, ценностные и смысложизненные ориентиры, трансформируют картину мира индивидов и их поведение. В итоге обостряются социальные отношения и нарушается функционирование социальных практик, возникают новые виды опасностей и угроз, а значит, появляется необходимость разработки стратегических мер по их предотвращению.

Традиционно охранительную функцию содержания мировоззрения и регулирования поведения людей выполняли религи-

озные организации, которые в настоящее время сами оказались втянутыми в информационное противостояние. Участвуя в освещении в СМИ и сети Интернет событий, представляющих особую важность для общества, религиозные деятели через свои заявления и интерпретации оказывают влияние на восприятие человеком окружающей реальности: формируют чувство защищенности, ощущение стабильности, либо, напротив, вызывают массовые истерии, панические атаки, страхи, парализующие социальную активность.

Часто в кризисные периоды жизни человек обращается в религиозные организации с целью поддержания стабильного психологического состояния. Поиск «психологического убежища», в котором будет безопасно, приводит человека к Богу. Компенсаторная функция религии и в современном мире продолжает обеспечивать жизнестойкость не только самим религиям, но и обществу. Действие данной функции усиливается, если деятельность религиозных организаций санкционирована и поддерживается государственной властью. Тандем государственной власти и религиозных организаций продолжает оставаться мощным рычагом обеспечения безопасности личности и общества; механизмом формирования успешных практик самозащиты личности, основывающихся на религиозной вере. В связи с этим, возникает необходимость анализа различных моделей взаимодействия государства и религий, выявления среди них моделей способных стать фактором обеспечения различных видов безопасности, от религиозной до национальной.

Цель исследования – выявить специфику взаимодействия государственной власти и религиозных организаций, определя-

ющую стабилизирующую функции моделей государственно-религиозных отношений. Для этого следует: 1) обосновать необходимость оперирования понятием «государственно-религиозные отношения», показать ограниченность и ситуативную применимость понятий «государственно-конфессиональные отношения» и «государственно-церковные отношения»; 2) охарактеризовать модели государственно-религиозных отношений и их стабилизирующий потенциал для общества; 3) определить специфику государственно-религиозных отношений в России.

Выявление стабилизирующей роли государственно-религиозных отношений дополняет концепции религиозной и социальной безопасности, обозначает проблемы определения векторов развития взаимодействия государства и религий в Российской Федерации. Результаты исследования направлены: 1) на разработку концепции интегрального взаимодействия государства и религий условиях влияния на общество различных информационных сред, а также информации низкого качества; 2) на дополнение стратегий обеспечения информационно-психологической, религиозной и социальной безопасности в современной России.

Обзор литературы. Современные отечественные и зарубежные исследования общества указывают на доминирование темы безопасности и редукцию государственного управления к обеспечению безопасности [1; 2]. В исследованиях разных видов и уровней безопасности заметен явный разворот тренда человеческого развития от вектора свободы на вектор к безопасности с соответствующей динамикой разработки механизмов обеспечения безопасного существования человека и общества [3]. Учёные указывают на доминанту ценности безопасности над ценностями самостоятельности, риска и новизны, присутствует социальный запрос на стабильность [4].

При анализе безопасности в научном дискурсе нет устойчивого, обоснованного понимания соотношения информационно-психологической безопасности и религиозной безопасности. Отмечается, что информационно-психологическая безопасность пронизывает все существующие виды и уровни безопасности, такие как военную, политическую, экономическую, ду-

ховно-нравственную, международную, национальную и т. д. [5]. Особое положение информационно-психологической безопасности в структуре других видов безопасности объясняется тем, что психологическая безопасность является важнейшим условием полноценного развития человека. Психологическая безопасность личности проявляется в состоянии защищённости психики от действия многообразных факторов, в том числе и информационного воздействия. Под информационно-психологической безопасностью понимают «состояние защищённости отдельных лиц или групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере» [6]. Так как религиозные организации детерминируют психологическое здоровье или напротив, иногда нездоровье личности, они способны корректировать мировоззрение и оказывать влияние на массовое сознание и поведение, посредством участия в формировании информационного пространства общества, наполняя его информацией специфического содержания, то правомерно, находить точки пересечения в механизмах обеспечения информационно-психологической и религиозной безопасности.

Религиозная безопасность изучается как аспект национальной безопасности [7]. При этом для отечественного научного дискурса характерны фрагментарные представления о религиозной безопасности. Обеспечение религиозной безопасности рассматривается российскими исследователями преимущественно в аспектах: 1) противодействия политико-религиозному экстремизму и терроризму как типам девиантного поведения [8]; 2) снятия межконфессиональной напряженности [9]; 3) функционирования религиозного синкретизма в трансграничных регионах [10]; 4) недопущения деструктивного влияния нетрадиционных религиозных движений [11]; 5) дискриминации, ограничения религиозной свободы [12]. Таким образом, в отечественных исследованиях актуализируется проблема сохранения национального единства путем обеспечения религиозной безопасности. Исследовательским трендом в России остаётся рассмотрение обеспечения религиозной безопасности с точки зрения реализации проектов патриотического и духовно-нравственного воспитания, наце-

ленных на формирование универсальных ценностных ориентаций. Учёные, как правило, рассматривают религиозную безопасность как концепцию, в лучшем случае – стратегию, но не практикование. В то же время религиозная элита и активисты формируют целый пласт практик обеспечения религиозной безопасности, опираясь на религиозное понимание безопасности [13; 14]. Ситуации, при которых к подобному пониманию добавляется правовое содержание нормы, улучшают систему механизмов обеспечения безопасности. Следовательно, интеграция государственного и религиозного подходов к безопасности формирует более устойчивую и эффективную систему практик её обеспечения. Однако даже при таком условии практики обеспечения безопасности могут приобретать экстремальный характер и стать катализатором распада социальных групп и существующего нормативного порядка.

Неоправданно мало внимания в современной научной мысли уделяется описанию моделей взаимодействия государства и религий в обеспечении безопасности в современном российском обществе, редко моделируются эффекты результатов такого взаимодействия, практически отсутствует анализ интегральных государственно-религиозных механизмов обеспечения безопасности. Особо актуальным это становится в условиях, при которых приверженцы религиозного и светского характера механизмов обеспечения безопасности иногда занимают непримиримые позиции. Религиозная элита иногда трактует любые предложения государства об интеграции с религиозными организациями в обеспечении безопасности как угрозу целостности и стабильности системы религиозных ценностей.

Методология и методы исследования. Анализ взаимодействия государства и религий осуществляется на основании институционального подхода, позволяющего рассматривать нормативные основания социальных отношений, в том числе, в сегменте «светское-религиозное», а также точно демаркировать пределы государственного и религиозного вмешательства в систему безопасности. Выявление специфики моделей государственно-религиозных отношений и их функционирования в условиях конкретных исторических периодов осуществляется посредством исторического и функциональ-

ного подходов. Модель государственно-религиозных отношений в России исследуется на основании социокультурного подхода и концепции самобытности России (В. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, Н. А. Бердяева). Изучение государственно-религиозных отношений как фактора стабильности общества проводится в контексте концепций социальной и религиозной безопасности.

В ходе исследования изучались тексты философов, юристов, религиозных лидеров, занимавшихся разработкой социально-философских оснований моделей государственно-религиозных отношений и проблематики их практической реализации. Проводился анализ нормативно-правовых документов.

Результаты исследования и их обсуждение.

Специфика понятия «государственно-религиозные отношения». С момента появления в социуме властных полномочий вождей племен, с одной стороны, и «священной власти» жрецов, с другой – между ними выстраивались отношения в направлениях: сотрудничество, соперничество, конфронтация или открытая борьба за власть. Институционализация религиозной и светской властей направила их взаимодействие в русло интеграции либо противостояния социальных институтов – органов государственной власти и религиозных организаций. В итоге, сформировался комплекс взаимосвязей и взаимоотношений государства и религий, появилось понятие «государственно-религиозные отношения».

В научной литературе для характеристики отношений государства и религии обычно используются несколько терминов «государственно-религиозные», «государственно-конфессиональные» и «государственно-церковные» отношения [15; 16]. Причём подавляющее большинство исследователей считают эти термины синонимами, не замечая специфики субъектов, составляющих систему отношений «светское-религиозное». Учитывая, что понятия «религия», «конфессия» и «церковь» разные по содержанию, учёные смогут рассмотреть грани взаимодействий на трёх уровнях: 1) государство – религиозные организации; 2) государство – конфессии (вероисповедное направление в рамках определённой религии, выделившееся на основе особенностей вероучения и объединения верующих);

3) государство – церковь (применительно к России с институтом Русской православной церкви). Также на этих трёх уровнях должно обеспечиваться создание системы безопасности в интересах всех религий на территории государства, либо определённых конфессий, либо, исключительно, для церкви.

Для описания системы отношений государства с религиозными организациями и представителями разных вероисповедных традиций и культов более верно применять термин «государственно-религиозные отношения». Под ними понимают «отношения государства с религиозными институтами и не институциональными субъектами религиозной деятельности, включая отдельных людей» [17]. С одной стороны, субъектом этих отношений является государство, с другой – субъектами должны быть не только религиозные институты (религиозные организации и объединения), но и каждый верующий человек. Дополним определение понятия «государственно-религиозные отношения»: совокупность исторически сложившихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и религиозными направлениями. При этом в основание государственно-религиозных отношений лежат законодательно закреплённые представления о месте религии и религиозных институтов в жизни общества, их сферах деятельности и функциях.

Понятие «государственно-конфессиональные отношения» ограничивает анализ взаимодействия органов государственной власти с конфессиями, возникновение которых возможно в рамках многочисленных религиозных сообществ. При этом малочисленные религиозные группы и их интересы остаются на периферии исследовательских практик.

Термин «государственно-церковные отношения» традиционно трактуется в широком смысле. Однако это не совсем верно. Несмотря на то, что государственно-церковные отношения привязываются к институту церкви, под ними подразумеваются отношения не только с церквями, но и со всеми существующими в данном государстве конфессиями и религиями. Поэтому, в настоящее время, многие учёные стараются заменять термин «церковь» более универсальным термином «конфессия». Но и это не совсем верно. Например, для характеристики взаимодействия государства

с Исламом использование термина «церковь» или «конфессия» некорректно. Государственно-церковные отношения можно рассматривать лишь как частный случай государственно-религиозных и государственно-конфессиональных отношений. Например, в истории России государственно-религиозные отношения развивались приоритетно в рамках отношений с Русской православной церковью (РПЦ). Несмотря на многонациональный и многоконфессиональный характер российского общества на протяжении всего исторического развития традиционной религией для России являлось православное христианство, институционально оформленное церковью. Поэтому для изучения взаимоотношений русского государства и религии зачастую применяют термин «государственно-церковные» отношения. Однако в таком случае от внимания исследователей ускользают другие религии (Буддизм, Ислам, Иудаизм), автохтонные верования и «новые религиозные движения», распространённые в России. Исследовательское поле ограничивается материалом о деятельности РПЦ.

Изучая отношения государственной власти с религиями, функционирующими на территории того или иного государства, нельзя приравнивать государственно-религиозные отношения к государственно-конфессиональным или государственно-церковным. Частичное отождествление возможно только при условии анализа конкретных аспектов системы отношений государства с конфессиями, церковью или религиями.

Таким образом, на наш взгляд, более верным для описания интеграционных процессов религий, функционирующих в определённой стране и государственной власти, является понятие «государственно-религиозные отношения». Правомерность применения данного термина в исследованиях продиктована содержанием понятий его составляющих.

Современная научная мысль отводит государственно-религиозными отношениями определённую роль в процессах сохранения общества. Будучи включёнными в общемировой процесс развития государственно-религиозные отношения обладают рядом специфических особенностей и тесно связаны с историческим прошлым конкретных государств, в недрах которых они зародились. Такое взаимодействие и

взаимовлияние имеет специфические формы своего проявления, характерные для определённых исторических условий. Особенности социального, политического, экономического, культурного развития того или иного государства накладывают отпечаток на характер проявления в нем той или иной формы (модели) государственно-религиозных отношений.

Модели государственно-религиозных отношений и их потенциал. Существует несколько моделей взаимоотношений религий и государства характерных для определенных стран. Каждая из моделей зародилась и развивалась в конкретных исторических условиях, что способствовало появлению у них ряда особенностей. Согласно исторической классификации модели государственно-религиозных отношений делятся на: 1) цезарепапизм; 2) папоцезаризм; 3) симфонию властей; 4) светское государство [18]. В основании данной классификации лежит принцип преобладания светской или религиозной власти, количество функций и место в системе управления.

«Цезарепапизм – это понятие, выражающее соотношение религий и государства при котором устанавливается примат светской власти над духовной, а правителю помимо абсолютной светской власти передаются и религиозные, священные функции»¹. Следовательно, при такой модели возможно формирование тотального господства государства над религиями, но не уничтожение религиозной власти, а полное сращивание её со светской. Данная модель может рассматриваться в качестве конфликтогенной в ракурсе нарушения религиозной безопасности по отношению к религиозным учениям, не обладающим статусом «государственных», лояльных правительству. Также возможно нарушение социальной безопасности путем подавления несогласных с единством религиозного и светского начал. В историческом контексте цезарепапизм характерен для Византии. В России оформление элементов данной модели было закреплено Соборным Уложением 1649 г. и реформами Петра I, установившими примат государственной власти над религиозной. Оформлялись именно отдельные элементы цезарепапизма, в чистом виде эта модель не существовала на территории нашей страны

¹ Козырев А. П. Цезарепапизм. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 314.

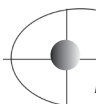
в виду особых исторических и социокультурных черт России.

Модель «папоцезаризм» – это взаимоотношения религий и государства, при которых религиозная власть аккумулирует систему функций государственной власти, в результате, часть государственных преференций сосредоточивается в руках главного религиозного лидера, в частности, Папы Римского.

Наиболее перспективной исторической моделью государственно-религиозных отношений в направлении стабилизации общества является «симфония властей». Данный термин впервые упомянул в предисловии к своей VI новелле выдающийся правитель поздней античности Юстиниан I [19]. «Симфония властей» – это модель государственно-религиозных отношений, которая предполагает союз религий и государства на всех уровнях власти – исполнительной, судебной, законодательной. Особенностью такого союза является то, что религия и государство не сливаются друг с другом, не доминируют друг над другом и не подчиняют друг друга. Эта модель использовалась в Византии.

Модель «светское государство» характеризуется полной независимостью государственной власти от религий и их институтов. Светское государство – это государство, в котором религиозные объединения отделены от него и не вмешиваются в деятельность государственных органов, имея собственную сферу деятельности. Модель может порождать систему противоречий в сегменте общества «светское-религиозное», при этом существует свобода вероисповедания и религиозной деятельности. Однако выдвижение «дружественной» по отношению к государству религии способно дестабилизировать информационно-психологическую и религиозную безопасность в ходе конкурентной борьбы между религиями.

Учёными разработаны и другие классификации форм взаимодействия религий и государства. Например, И. А. Куницын предлагает классификацию моделей государственно-религиозных отношений с позиции правового статуса: 1) моноконфессиональная модель – функционирует в государствах с одной религией (например, Ватикан); 2) дифференцированная модель – функционирует в государствах, в которых религиозные объединения имеют разный статус

в обществе. «В свою очередь, положение религиозного объединения может быть государственным, когда церковь освобождена от налогов (так, например, англиканская в Великобритании); может быть договорным, когда объём прав и обязанностей зависит от условий, которые ставит государство (так, например, католическая церковь в Италии и Испании); также и традиционным, когда правовые нормы религии закреплены в законодательстве (Православная церковь в Болгарии)» [20]; 3) Универсальная модель – предполагает равные права между всеми религиями в отношениях с государственной властью (например, США).

Итак, государственно-религиозные отношения являются важнейшей сферой функционирования любого государства. На современном этапе развития общества взаимодействие и взаимовлияние религии и государства также проявляется в различных формах-моделях. Каждая из моделей редко существует в чистом виде. Характерные черты тех или иных моделей государственно-религиозных отношений всегда переплетаются, одни из них преобладают, другие менее выражены.

Относительно России, стоит отметить, что факторами религиозной безопасности на протяжении всего исторического развития были взаимодействие религий, распространённых на территории нашей страны, их многовековое мирное сосуществование, конструктивные отношения с РПЦ. К этим факторам следует добавить социокультурную самобытность России, которая представляет совокупность специфических особенностей, характеризующих её уникальность в разных сферах бытия. Однако наиболее ярко данная уникальность проявляется в духовной культуре. Ядром духовной сферы российского государства на протяжении всего периода его развития было православное христианство, представленное институтом РПЦ. Функционирование других религиозных систем на территории нашей страны существовало всегда. Однако функцию легитимности власти государя-правителя перманентно выполняла РПЦ, что определило её особый статус в системе управления.

Взаимодействие светской и духовной властей в России, всегда подчинялось попыткам обозначить место России на линии Восток-Запад. Особенности государственного строя, специфика менталитета русско-

го народа и его духовность трактовались различными мыслителями и государственными деятелями, то с прозападных, то с восточнославянских, то с евразийских позиций. Такое понимание самобытности России нередко находило выражение в принципах государственно-религиозных отношений. Эти отношения замыкались на православии как форме общественного сознания; укреплялись сильной государственной властью и её мощной централизацией; переносились на новые территории. При этом сильная централизованная светская власть на всём протяжении развития государственно-религиозных отношений, пыталась подчинить себе власть духовную. В разные исторические периоды наблюдалось противостояние светской и духовной властей. Приоритет государственной власти над светской в итоге был установлен. Однако такое господство со стороны государства не ущемляло интересов церкви. Их сотрудничество всегда было взаимовыгодным. Исключение составляет период существования СССР, в рамках которого был взят курс на уничтожение религий. В современной России заметно укоренение религиозных традиций в социальной и культурной сферах российского общества. Доверяя церкви, население России, всегда прислушивалось к мнению священников и богословов, поэтому, заручившись поддержкой церкви, правитель получал доверие и поддержку со стороны народа. Большое влияние РПЦ на общественную жизнь России и прочные позиции, которые она продолжает удерживать в государстве, привели к устоявшимся, закреплённым традициям отношениям между светской и духовной властями. Несмотря на сложнейшие испытания, которые пришлось пережить России в XX в. тесное сотрудничество РПЦ и государственной власти продолжает сохраняться. Однако модели их взаимодействия требуют серьёзных корректировок с учётом реалий информационного общества и усиления социальной напряжённости. В целях обеспечения информационно-психологической, религиозной и социальной безопасности необходима разработка интегральной модели государственно-религиозных отношений, включающей систему индикаторов, позволяющих диагностировать и прогнозировать процессы дестабилизации.

Заключение. Таким образом, исследование показывает, что государственно-ре-

лигиозные отношения представлены в различных формах функционирования, имеют многовековую историю и разный уровень влияния на систему безопасности. Мы выяснили, что более верным с содержательной позиции, будет применение в исследованиях термина «государственно-религиозные отношения». В виду прочных связей духовной и светской властей, различных векторов их взаимоотношений, институционально оформленные ветви власти, прочно вплетены в систему социальной, религиозной и информационно-психологической безопасности. В зависимости от характера отношений государства и религий система безопасности то укреплялась, то разрушалась. Для Русского государства характерна особая модель государственно-религиозных отношений, обусловленная межрелигиоз-

ным взаимодействием, функционирующих на территории России религий, их мирным сосуществованием с РПЦ и тесным сотрудничеством с максимально централизованной государственной властью. Однако современные условия требуют пересмотра принципов организации государственно-религиозных отношений в России. Важно, что дальнейшие исследования функционирования религий в современной России, а также принципов государственной политики в контексте обеспечения безопасности, формируют основу для разработки концепции интеграции государства и религий на основании системы индикаторов диагностики и прогнозирования рисков и угроз обществу. Обновленная концепция позволит разработать систему эффективных практик обеспечения различных видов безопасности.

Список литературы

1. Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 28–43.
2. Martin D. Religion and power: No logos without mythos. Farnham: Ashgate Publ., Ltd., 2014. 280 p.
3. Tătar M. I. Ronald F. Inglehart, Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World, Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 273 p.
4. Ives C. D., Kidwell J. Religion and social values for sustainability // *Sustainability Science*. 2019. Vol. 14. С. 1355–1362.
5. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017. 300 с.
6. Федорова О. Н. Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе // *Вестник инженерной школы Дальневосточного федерального университета*. 2011. № 2. С. 21–34.
7. Суслов И. В. Религиозная безопасность: методические подходы и опыт региональных исследований в контексте современной социологии // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3, № 4. С. 65–73.
8. Mkrumova I., Dosanova A., Karabulatova I., Nifontov V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethnosocial deviation in the contemporary information-digital society. *Central Asia and the Caucasus*. 2016. Vol. 17, iss. 2. P. 54–61.
9. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12. С. 66–71.
10. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factors of social security in cross-border regions. *Mental Health, Religion and Culture*. 2018. Vol. 21, no. 3. P. 231–245.
11. Салихов Н. Р., Мустаев Р. Ш., Мисбахов А. А. Религиозная безопасность // *Вестник НЦ БЖД*. 2012. № 3. С. 31–35.
12. Самыгин С. И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // *Гуманитарий юга России*. 2017. Т. 6, № 4. С. 167–179.
13. Гаврилова Ю. В., Моторина И. Е. Особенности трансформации религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19: философский аспект. Текст: электронный // *Гуманитарный вестник*. 2021. № 3. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/726.html> (дата обращения: 21.02.2023). DOI: 10.18698/2306-8477-2021-3-726.
14. Гаврилова Ю. В. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 2. С. 8–19.
15. Ахмедов Р. М. Современные институциональные механизмы реализации государственно-конфессиональных отношений в российском обществе // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 5. С. 11–16.
16. Шестопалов М. А. Правовые модели государственно-церковных отношений. Московский городской педагогический университет. М.: Знание-М, 2020. 142 с.
17. Ахмедов Р. М. Проблемы терминологического определения понятия государственно-конфессиональных отношений // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 6. С. 11–15.

18. Кузнецов В. А. Политико-правовой подход к моделям государственно-конфессиональных отношений // Вестник Межрегионального института экономики и права. 2017. № 2. С. 101–109.

19. Бежанидзе Г. В. Преамбула шестой новеллы св. Юстиниана великого в русской письменной традиции // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2018. № 80. С. 26–35.

20. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М.: Православное дело, 2000. 464 с.

Информация об авторе

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент; Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (Национальный исследовательский университет); 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1; julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

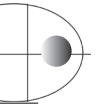
Для цитирования

Гаврилова Ю. В. Государственно-религиозные отношения в системе безопасности России // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 86–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-86-95.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

References

1. Tulchinsky, G. L. Digitalized humanism. Philosophical sciences, no. 11, pp. 28–43, 2018. (In Rus.)
2. Martin D. Religion and power: No logos without mythos. Ashgate Publishing, Ltd., 2014. (In Engl.)
3. Tătar, M. I. Ronald F. Inglehart, Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World, Cambridge: Cambridge University Press, 2018. (In Engl.)
4. Ives, C. D., Kidwell J. Religion and social values for sustainability. Sustainability Science, vol. 14. pp. 1355–1362, 2019. (In Rus.)
5. Information-psychological and cognitive security. Collective monograph. Edited by I. F. Kefeli, R. M. Yusupov. Publishing house "Petropolis", St. Petersburg, 2017. (In Rus.)
6. Fedorova, O. N. Information and psychological security of the individual in the information society. Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University, no. 2, pp. 21–34, 2011. (In Rus.)
7. Suslov, I. V. Religious security: methodological approaches and experience of regional studies in the context of modern sociology. Siberian Society, no. 4, pp. 65–73, 2019. (In Rus.)
8. Mkrumova, I., Dosanova, A., Karabulatova, I., Nifontov, V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethno-social deviation in the contemporary information-digital society. Central Asia and the Caucasus, vol. 17, issue 2, pp. 54–61, 2016. (In Rus.)
9. Zhukov, A. V. Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, no. 12, pp. 66–71, 2017. (In Rus.)
10. Gavrilova, Y., Shchetkina, I., Liga, M. Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions. Mental Health, Religion and Culture, no. 3, pp. 231–245, 2018. (In Engl.)
11. Salikhov, N. R., Mustaev, R. Sh., Misbakhov, A. A. Religious security. Bulletin of the NCBJD, no. 3, pp. 31–35, 2012. (In Engl.)
12. Samygin, S. I. Religious security of society in the context of ensuring religious freedom and countering religious extremism. Humanities of the South of Russia, no. 4, pp. 167–179, 2017. (In Rus.)
13. Gavrilova, Yu. V., Motorina, I. E. Features of the transformation of religious consciousness in the conditions of the COVID-19 pandemic: philosophical aspect. Humanitarian Bulletin, no. 3, 2021. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-3-726. (In Rus.)
14. Gavrilova, Yu. V. Practices of religious security in normative conflicts in modern Russia. Humanitarian vector, no. 2. pp. 8–19, 2020. (In Rus.)
15. Akhmedov, R. M. Modern institutional mechanisms for the implementation of state-confessional relations in Russian society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 5, pp. 11–16, 2020. (In Rus.)
16. Shestopalov, M. A. Legal models of state-church relations. Moscow City Pedagogical University. M: Znanie-M, 2020. (In Rus.)
17. Akhmedov, R. M. Problems of terminological definition of the concept of state-confessional relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 6, pp. 11–15, 2020. (In Rus.)
18. Kuznetsov, V. A. Political and legal approach to models of state-confessional relations. Vestnik MIEP, no. 2, pp. 101–109, 2017. (In Rus.)

19. Bezhanidze, G. V. Preamble of the sixth novella of St. Justinian the Great in the Russian written tradition. Bulletin of the PSU. Series 1: Theology. Philosophy, no. 80, pp. 26–35, 2018. (In Rus.)

20. Kunitsyn, I. A. The legal status of religious associations in Russia: historical experience, features and current problems. Moscow: Public organization “Orthodox Cause” 2000. (In Rus.)

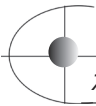
Information about author

Gavrilova Yulia V., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Building 1, 5 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia; julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

For citation

Gavrilova Yu. V. State-Religious Relations in the Russian Security System // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 86–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-86-95.

**Received: February 24, 2023; approved after reviewing March 28, 2023;
accepted for publication March 30, 2023.**

Обзорная научная статья

УДК 21 (316.7)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-96-104

**Концептуализация теоретических представлений о религиозной безопасности
в контексте западных исследований взаимодействия общества и религии**

Артём Вадимович Жуков¹, Марина Борисовна Лига², Елена Юрьевна Захарова³

^{1,2,3}*Забайкальский государственный университет, Чита, Россия*

¹*artem_jukov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>,*

²*m-liga@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>,*

³*aglena_72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>*

В статье проведён анализ проблем религиозной безопасности, представляемых в современных исследовательских концепциях. Статья направлена на доказательство идеи о том, что в западной науке проблематика религиозной безопасности концептуализируется в рамках обсуждения противоречия между концепциями, утверждающими духовную сущность религиозного экстремизма и концепциями, доказывающими социальную природу угроз, исходящих от религиозных объединений. Теоретической основой представляемой работы является теория структурного реализма. Методологическая основа исследования – системный подход, раскрывающий структуру религиозной безопасности, как состояния защищённости религиозных систем и ценностей общества. В работе выявлено (что и обуславливает новизну статьи) – в западных исследованиях безопасности существенное значение имеет противоречие между концепцией утверждающей духовную сущность религиозных угроз и концепцией, доказывающей социальную природу угроз, исходящих от религиозных объединений. Авторы констатируют, что в западной социальной философии, несмотря на то, что как понятие «религиозная угроза» практически не использовалось, явление, связанное с ним, обсуждалось с различных точек зрения. В результате этого обсуждения, оно было отнесено к ряду понятий, связанных с теорией религиозного конфликта, в рамках которого стало оцениваться, как ярлык, который было принято использовать в процессе борьбы с конфессиональными оппонентами со стороны тех, кто представлял себя как представителей «подлинной» традиции и защитников социальных устоев и ценностей. Научно-теоретическая значимость работы заключается в обогащении концепции структурного реализма идеей о необходимости различия между экстремизмом, как насильственным действием и религиозными доктринами, как ценностным содержанием религии. Результаты исследования могут быть использованы в проведении политики, направленной на профилактику взаимодействия между светскими и конфессиональными институтами и государством.

Ключевые слова: религиозная безопасность, исследовательские концепции, религиозный экстремизм, угрозы религиозной безопасности, религиозные объединения, структурный реализм, религиозные доктрины

Review scientific article

**Conceptualization of Theoretical Ideas on Religious Security
in the Context of Western Studies of Interaction Between Society and Religion**

Artem V. Zhukov¹, Marina B. Liga², Elena Yu. Zakharova³

^{1,2,3}*Transbaikal State University, Chita, Russia,*

¹*artem_jukov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>,*

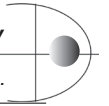
²*m-liga@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>,*

³*aglena_72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>*

The article analyzes the problems of religious security presented in modern research concepts. The article is aimed at proving the idea that in Western science the problems of religious security are conceptualized within the framework of discussing the contradiction between concepts asserting the spiritual essence of religious extremism and concepts proving the social nature of threats emanating from religious associations. The theoretical basis of the presented work is the theory of structural realism. The methodological basis of the research is a systematic approach that reveals the structure of religious security as a state of protection of religious systems and values of society. The scientific novelty of the study is the fact which reveals that in Western security studies, the contradiction between the concept asserting the spiritual essence of religious threats and the concept proving

© Жуков А. В., Лига М. Б., Захарова Е. Ю., 2023

the social nature of threats emanating from religious associations is essential. In conclusion, the authors state that in Western social philosophy, despite the fact that the concept of “religious threat” was practically not used, the phenomenon associated with it was discussed from various points of view. As a result of this discussion, it was attributed to a number of concepts related to the theories of religious conflict, within which it began to be evaluated as a label that was used in the process of combating confessional opponents by those who presented themselves as representatives of a “genuine” tradition and defenders of social foundations and values. The scientific and theoretical significance of the work lies in enriching the concept of structural realism with the idea of the need to distinguish between extremism as a violent act and religious doctrines as the value content of religion. The practical significance of the work lies in the fact that its results can be used in the implementation of policies aimed at preventing interaction between secular and confessional institutions and the state.

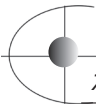
Keywords: religious security, research concepts, religious extremism, threats to religious security, religious associations, structural realism, religious doctrines

Введение. В современных условиях интенсифицируются вызовы безопасности российского общества, когда практически невозможной оказывается организация коллективной международной системы безопасности, что порождает возможность для развития новых глобальных проблем. Это наиболее проявлено в религиозной сфере, где усиление влияния глобализации приводит к распространению вероисповеданий, представляющих потенциальную угрозу социальным устоям, традициям и жизнедеятельности общества. Практика контроля за деятельностью таких организаций сталкивается с проблемами, которые заключаются с одной стороны, в распространении угроз, связанных с религиозной активностью и с другой стороны угроз, связанных с различными видами нерелигиозной деятельности, проводимой религиозными объединениями, а также рядом политических и экономических организаций, использующих религиозные лозунги, как прикрытие. Поэтому необходимой является попытка социально-философского осмысления принципов функционирования системы религиозной безопасности, нацеленная на обобщение и систематизацию знаний о степени защищенности общества в данной сфере.

Степень научной разработанности темы. Начиная со второй половины XX в. в связи с усилением политического противостояния в мире была концептуализирована тема религиозной безопасности, которая стала востребоваться в условиях «холодной войны». В это время был актуализован вопрос о религиозной безопасности в исследованиях антикультового направления (Т. Рона [1], М. Маклюэн [2], Р. Д. Лифтон [3], Дж. Макдауэлл [4]), где это явление представлено, как борьба с распространением религий, которые, выступают против «традиционной» религиозной культуры и церкви. При этом в рамках светской социальной науки (Э. Бар-

кер [5], Дж. Мелтон [6], Дж. Ричардсон [7]) актуальной стала проблема защиты свобод и прав верующих, подвергающихся преследованиям со стороны антикультулизма. Проблема религиозной безопасности концептуализируется сегодня в рамках теории структурного реализма (Х. Абдель-Самад [8], З. Сейдини [9]), где основное внимание уделяется вопросам борьбы с экстремизмом, то есть деятельности, заключающейся в стремлении вести террористический дискурс в отношениях с окружающим обществом. При этом наиболее значимым и наименее проработанным сегодня является вопрос о том, что же можно считать угрозой религиозной безопасности, и какие меры предпринимать для ее сохранения безопасности.

Целью статьи является выявление теоретических проблем религиозной безопасности в западных исследовательских концепциях. Предмет исследования – современные теоретические представления о религиозной безопасности. Теоретическая основа исследования задана теорией структурного реализма. **Методологической основой** исследования являются системный подход, раскрывающий структуру религиозной безопасности как состояния защищенности религиозных систем и ценностей общества и сравнительный подход, направленный на анализ социальной деятельности в «традиционных» и «нетрадиционных» религиях. В работе использован комплекс философских методов, включающий в качестве основы метод структурно-функционального анализа, дополненный научными методами такими как концептуализация, проблематизация, анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлено, что в западных исследованиях безопасности существенное значение имеет противоречие между концепцией, утверждающей духовную сущность религиозных угроз, и концепцией,

доказывающей социальную природу угроз, исходящих от религиозных объединений.

Результаты исследования. Начиная со второй половины XX в. на осмысление проблем религиозной безопасности оказало влияние политическое противостояние, в рамках которого угрозой стали считаться религии обществ, которые противостояли западным государствам (Т. Рон, М. Маклюэн, Р. Д. Лифтон, Дж. Макдауэлл). Однако критика представителей светской социальной науки (Э. Баркер, Дж. Мелтон, Дж. Ричардсон) доказала постулат об отсутствии религиозного состава в угрозах, исходящих от религиозных групп. При этом проблема религиозной безопасности не переставала беспокоить исследователей второй половины XX – начала XXI в., так как на общественное развитие оказало влияние распространение глобализации, сопровождаемое усилением идеологического противостояния между Востоком и Западом (О. Тоффлер, С. Хантингтон). В этот период социальный характер явления безопасности был отражен в концепциях, представляющих системный подход (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман), уделивших внимание тому, что безопасность современного общества должна пониматься как состояние, характеризующееся целостностью, устойчивостью, стабильностью его социальной системы. В то же время подчёркивалось, что современные общества вынуждены отстаивать свои права на существование в условиях технизации и виртуализации (Ю. Хабермас, З. Бауман, Т. Адорно). Проблема религиозной угрозы здесь была концептуализирована в рамках теории «информационной войны», где значительное место уделялось вопросам манипулятивного воздействия на общественное сознание (Дж. Александер, Г. Сёренсен, У. Липпман). Констатация этого факта позволила выступить с тезисом о необходимости формирования государственной политики, направленной на конструирование ценностей, включая религиозные, способные привлекать массы населения (Б. Бузан, О. Вейвер). Однако важно, что в современной социальной философии, представленной в подходе «структурного реализма» (А. Ачарья, Дж. Ньюман, Е. Аниче, М. Бизон, В. Кое, К. Кузак, Ц. Фосет, Т. Риссе), признаётся, что состояние защищённости государства, общества, личности не может только конструироваться, так, оно имеет объективные параметры.

Понятие «социальной безопасности» в рамках теории структурного реализма концептуализируется как процесс непрерывного формирования, как в реальном, так и в информационном пространстве, состояния защищённости ценностей и интересов личности и общества от внешних и внутренних угроз. Ведущими акторами в социальном пространстве в контексте этой концепции, являются социальные институты, которые оказывают влияние на складывание систем ценностей, в частности, религиозные объединения. Однако в рамках дискурса о религиозной угрозе современные концепции, основанные на принципах структурного реализма (Х. Абдель-Самад, П. Вилкинсон, З. Сейдини) разделяют такие понятия, как религиозное вероучение и религиозный экстремизм, сущность которого определяется как проведение отдельными религиозными объединениями социальной деятельности, заключающейся в стремлении вести террористический дискурс в отношении с окружающим обществом.

Обсуждение результатов исследования. Как отдельная тема вопрос о религиозной безопасности долгое время не был сформулирован, представляя аспект проблемы безопасности, описываемой исследователями государства и общества. Во второй половине обострение идеологической борьбы, в рамках которой религии представлялись инструментом, который используется политическими противниками как информационное оружие, повлияло на появление проблематики религиозной безопасности. В частности, в концепции «информационной войны» Т. Рона идея религиозной безопасности получила обоснование, заключающееся в утверждении о том, что религиозные учения являются набором информации, которая представляет собой оружие, используемое информированным противником. Это стало началом формирования проблематики, посвященной технологиям «информационной войны», которая получила широкое распространение в конфессиональном, политическом и научном дискурсах.

В этот период особое внимание стало уделяться религиям, считавшимся нетрадиционными, как в обществах Востока, так и в обществах Запада. Идеологическая нагруженность таких религий и нескрываемые связи с верующими, находящимся в ином цивилизационном поле, были факторами, вли-

яющими на их восприятие в качестве угрозы социальным порядкам. Критика религиозного инакомыслия, подчинённая задачам, которые были поставлены политическим противостоянием, была проведена в публикациях П. Лазерсфельда [10], К. Хофланда [11], которые анализировали проблему угрозы, источником которой стали новейшие информационные технологии, оцениваемые в качестве особой опасности для общества, так как формируют идеологию. Сущностью приносимого ими ущерба определяться как манипуляция общественным сознанием, которую используют в своей деятельности противники западных стран. В частности, инструментом «информационной войны» были нетрадиционные религии восточного происхождения, ставшие олицетворением идеологической политики государств, противостоящих демократиям западного мира. Указывалось, что в основе мировоззрения экстремистов находится разделение мира на сферы «истинных» и «неистинных» ценностей, что служило источником для социальной стратегии, в рамках которой отвергались социальные нормы, право и мораль, принятые в западном обществе. Дж. Пост, Ф. Конвей и Дж. Сиглман, Р. Д. Лифтон, указывали, что их адепты совершают психические насилия над неопитами и предлагали различные методы защиты «традиционных ценностей».

Большое значение также имела конкурентная борьба между конфессиями, которые использовали описанные выше характеристики, как аргументы, указывающие на наличие реальных и скрытых, мистических угроз со стороны религиозных оппонентов. Существенное влияние на содержание данного дискурса оказали установки конфессиональных авторов, таких как У. Мартин, К. Боа, Л. Полл, Дж. Макдауэлл, в публикациях которых религиозная угроза безопасности понималась и как социальная деятельность, направленная на закабаление личности и утверждение своей власти, и как духовная агрессия «новых культов» против традиционных религиозных ценностей.

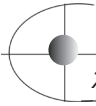
Однако в условиях секуляризованного мира проблема религиозной безопасности не могла решаться в рамках предлагаемой конфессиональными авторами дихотомии, разделяющей общество на «своих» и «чужих». Многие представители нетрадиционных религий заявили о своих правах испо-

ведения любых религиозных верований и указали на угрозу этим правам со стороны западных обществ, провозгласивших принцип свободы вероисповеданий. С защитой своих позиций выступили «Свидетели Иеговы», «Саентология», «Общество сознания Кришны», «Церковь Объединения» Сан Мен Муна и другие, которые проводили научные конференции и вступали в общественные диспуты, доказывая право на самостоятельное исповедание любого религиозного верования в условиях современной социальной действительности.

Точка зрения, представленная ими, повлияла на многих западных авторов, отказавшихся от анализа религий, основанного на подходе, противопоставляющем «свои» религии «чужим». Такие представители светской социальной науки, таких как Э. Баркер, Дж. Мелтон, Дж. Ричардсон стали защищать мнение о том, что используемая нетрадиционными религиями социальная стратегия поведения и технологии убеждения, не связаны с особенностями их верования и являются общераспространёнными для любых социальных групп, имеющих свою идеологию. Это служило доказательством постулата об отсутствии религиозного состава в угрозах, которые могут исходить от религиозных социальных групп.

Однако проблема религиозной угрозы обществу не переставала беспокоить исследователей в XXI в., так как на общественное развитие в это время оказало влияние распространение глобализации, сопровождаемое усилением идеологического противостояния между Востоком и Западом, в которое, по мнению С. Хантингтона [12, с. 25], оказалась втянутой большая часть населения планеты. Причиной его исследователь считал различное восприятие картины мира у представителей европейских и восточных стран, в частности, у мусульман, которые стали пониматься, как олицетворение современной конфликтности в социальной сфере. В итоге актуализировалась проблема обеспечения безопасности человека и общества, как на глобальном уровне, так и на уровне конкретного социума и индивида, включая его духовный мир и ценности.

В частности, О. Тоффлером [13, с. 433] было введено понятие о виртуальной реальности, повлиявшее на восприятие религиозной реальности в глобализирующемся мире. В контексте его концепции, угрозой

стало возможно считать инновации, трансформирующие принципы деятельности информационно-коммуникативной сферы. В частности, в религиозной сфере это проявляется через распространение кибер-религий, электронных виртуальных общин, в распоряжении которых имеются современные специфические технологии модульной организации знаковых систем.

Это приводит к интенсификации коммуникационных и информационных процессов, что оказывает влияние и на современное осмысление проблемы безопасности у таких авторов, как Ю. Хабермас [14, с. 205] и З. Бауман [15]. Ведущей проблемой, которой посвящены их исследования, стало выживание человечества, вынужденного подчиниться условиям, диктуемым технизацией и виртуализацией, угрожающими основам культуры и самой жизни. Причиной деградации в данном случае считается влияние средств массовой информатизации и цифровизации, ведущее к тому, что культура приступила к массовому производству имитаций своих объектов, что заменило ей настоящее существование. Такая трактовка общественной безопасности, проведённая в работах Р. Албро и Т. Адорно [16], определяла направленность исследований на проблемы выживания человека в рамках его информационного окружения. Это открывало широкие грани проблемы безопасности, которая теперь стала пониматься, как задача сохранения устоев общества, подвергавшегося информационным угрозам со стороны глобализации и поэтому нуждавшегося в защите информационными методами.

Современные трансформации, заключающиеся в виртуализации общества, привели к существенному изменению положений теории «информационной войны», в постмодернистских исследованиях Р. Барта, Ж. Бодрийяра [17], которые рассматривают актуальную проблематику взаимодействия социальных систем с глобализирующимся сообществом. В частности, акцентируется внимание на том, что в одних случаях общество, несмотря на внешнее воздействие способно сохранять жизнеспособность и устойчивость, напротив, в других – подчиняется доминирующему внешнему воздействию, осуществляемому за счёт средств идеологии, образования, науки, техники. С этим согласны Дж. Александер, Дж. Най, Г. Сёренсен [18], показывающие на роль

современных изменений, которые способствуют разделению государств на сильные и слабые, первые из которых создают условия, защищающие индивидуумов и общества, в то время, как последние порождают условия, угрожающие их безопасности.

Постмодерн, таким образом, создаёт обоснование тех религиозных угроз, которые приобретают значимость в условиях развития глобализирующейся культуры. Их сущность связывается с потерей автономности у запутавшегося в виртуальной реальности социальных сетей и медиа человека. Здесь считается, что религиозные ценности, которым поклоняются современные люди, во многом сконструированы в средствах массовой информации, которые используются для управления народами со стороны политиков и финансовых корпораций. В то же время религия в условиях медиа-реальности теряет свою подлинность, и становится «трансрелигией» или «квазирелигией», выполняющей, как показал П. Тиллих, роль имитации реальности, используемой различными социальными группами в своих целях. Похожие идеи развивал Б. Р. Уилсон [19], который показал, как в период постмодерна, основанного на сетевом взаимодействии, религиозность трансформировалась к «ресекулярное» явление, истоком которого является не вера, а стремление к обретению ощущения сакрализованности.

Это открытие стало основанием для развития философии безопасности уже в новых постсекулярных условиях. В частности, такое направление, как конструктивизм, в лице Б. Бузана и О. Вейвера, утверждало, что изучение безопасности должно направляться на осмысление жизнедеятельности каждого отдельного человека, имеющего свои собственные ценности и интересы в гражданской, культурной, экономической, социальной сфере. В современных исследованиях безопасности, представленных А. Ачарья [20, с. 16], Дж. Ньюманом [21, с. 521], М. Бизоном и Ли Брауном [22, с. 105], использующих методологию структурного реализма, учитываются положения инструменталистских и конструктивистских концепций, в результате чего охватываются наиболее актуальные проблемы и угрозы жизнедеятельности общества и человека. Ведущими акторами в социальном пространстве в контексте этой концепции являются религиозные объединения, кото-

рые обладают инструментами социальной мобилизации и оказывают влияние на системообразующие ценности и на усилия, направленные на их обеспечение и также на оценку этих усилий [23, с. 55].

Это методология повлияла на исследования аспектов религиозной безопасности, которые стали пониматься, исходя из ценностей убеждений каждого из участников социального процесса. В частности, влияние получил дискурс с участием конфессиональных авторов, мусульманский исследователь, Х. Абдель-Самад писал о том, что угрозу для традиционных мусульманских обществ представляет распространение идеи свободы и равенства, которое привело к тому, что западный мир оказался испорчен грехом и развратом. Это, по его мнению, является угрозой гибели не только жителям Запада, но и всем иным цивилизациям. При этом, Х. Абдель-Самад, заострял внимание на том, что исламский экстремизм уже не является обязательным контекстом геополитики исламского мира, так как само по себе вероучение ислама не является источником террористической угрозы.

С этим мнением согласен П. Вилкинсон, который сводит экстремизм к деятельности, направленной на изменение существующих политических и социальных устоев, использующей насилие, которое направляется против мирного населения. Необходимость разделения между религией и экстремизмом отмечается в ряде исследований, одно из которых проводил О. Шили, анализирующий понятия «ислам» и «исламитизм». По его мнению, исламитизм, представляющий собой активную форму протеста, заключающую в программе политических действий против современной либеральной концепции прав человека, не имеет ничего общего с исламом, пассивно относящимся к социальным порядкам западного общества. Исламитизм, то есть исламский экстремизм, как доказывает З. Сейдини, это инструмент в руках политических сил, использующих религиозные лозунги, с целью реализации своих планов в период, когда идут активные процессы интеграции мусульман в западное общество.

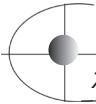
Таким образом, в современных исследованиях религиозной безопасности произошло разделение таких понятий, как религиозное вероучение и религиозный экстремизм, сущность которого определялась, как проведение отдельными религиозными

объединениями социальной деятельности, заключающейся в стремлении вести террористический дискурс в отношении с окружающим обществом. Характеристикой экстремистской деятельности считалось применение жёсткого насилия, имеющего политические задачи.

Современные исследователи проблем безопасности на Западе доказывают, что современное понимание того, чем является сущность безопасности должно включать две характеристики состояния объектов безопасности. Во-первых, сюда должна входить оценка онтологической, бытийной составляющей жизнедеятельности государства, общества и личности. Во-вторых, необходимо уделять внимание анализу гносеологической, виртуальной, мыслимой характеристики объектом своего положения. Формируется системы, в рамках которой представлены две стороны социальной безопасности, взаимодействие которых представлено, как объективная социальная безопасность, и безопасность субъекта, включая его жизненные и религиозные ценности, которые он защищает от внешнего влияния. Важно учитывать, что указанные характеристики не являются тождественными друг другу, по причине того, что в первой приводятся оценки, связанные с необходимостью анализа реального обеспечения безопасности, во второй идёт работа с осознанием объекта безопасности его положения.

Таким образом, в теории мирового сообщества и концепции структурного реализма обоснована идея неизбежности интенсификации разнообразного взаимодействия с участием различных государств и социальных институтов, в частности, таким как религия, которым государством передается некоторая часть полномочий. Здесь важно, что государство, делясь своими возможностями с общественными группами, оставляет за собой функцию надзора за уровнем общественных отношений между общественными институтами, объединениями и гражданами, что гарантирует общественную безопасность, защиту традиционных для общества интересов и ценностей.

Представленный подход к анализу социальной безопасности основывается на концептуальной идее о том, что входящие в структуру этой системы элементы безопасности сформированы в процессе взаимодействия между личностью, социумом и

окружающим социальным пространством. При это, на процесс формирования этой системы коллаборации большое влияние оказывают субъективные представления, распространённые в обществе, где имеется осознание того, какой должна быть социальная защищённость. В рамках этих представлений общественная система социальной безопасности, включает в себя две подсистемы, в рамках которых обеспечивается защиты от реальных социальных угроз, в рамках второй проводится работа по формированию уровня психологической защищенности от страхов, возникающих в связи с возможным распространением угроз социальной безопасности.

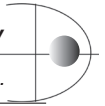
Исследования безопасности в конце XX в. существенно расширяли свое поле, которое распространилось на все уровни общественной жизни, синтезируя обсуждение проблем безопасности общества и государства. Исследование проблем безопасности приобрело сложную структуру, в которой стали выделяться уровни личности, локальной группы, государства, каждый из которых отличался не только своими характеристиками, но и обладал своими интересами, представляющими такую же ценность, как и объективно существующие материальные блага. Это значительно усложнило структуру самого понятия «безопасности», в которой появились уровни защиты от реальной и мнимой опасности. В частности, С. Форрест трактовал безопасность, как сохранение обществом своих характеристик в условиях реальных и мнимых угроз, направленных на культуру, идентичность, религию [24, с. 46]. В рамках этого понимания угрозы социальной безопасности в современных

условиях могут носить виртуальный характер, однако это не отменяет их реальности, что является причиной поиска технологий защиты, которые могли бы быть эффективно и комплексно выполнять функцию обеспечения социальной защиты.

Заключение. Необходимо констатировать, что в западной социальной философии, несмотря на то, что как понятие «религиозная угроза» практически не использовалось, явление, связанное с ним, обсуждалось с различных точек зрения. В результате этого обсуждения, оно было отнесено к ряду понятий, связанных с теорией религиозного конфликта, в рамках которого стало оцениваться как ярлык, который было принято использовать в процессе борьбы с конфессиональными оппонентами со стороны тех, кто представлял себя как представителей «подлинной» традиции и защитников социальных устоев и ценностей. В современных западных исследованиях проблема религиозной безопасности занимает существенное место и оценивается, как система противодействия угрозам безопасности человека и общества, которые возникают в связи с интенсификацией разнообразных контактов в социальной сфере, подвергающейся объективным и системным рискам в материальной и духовной, социальной и религиозной сферах общества. Религиозная угроза – это возможный ущерб от социальных действий религиозной организации, наносящих ущерб личности, обществу, государству. При этом в число действий не входят вероучительные ценности религии, так как они признаются ценностью, связанной с реализацией прав личности на свободу выбора религии.

References

1. Rona, T. P. *Weapon Systems and Information War: monograph.* Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. (In Engl.)
2. Mc Luhan, E. *The Genesis of Laws of Media.* The Antigonish Review, no. 5. 74, pp. 201–202, 1988. (In Engl.)
3. Lifton, R. J. *Losing Reality: On Cults, Cultism, and the Mindset of Political and Religious Zealotry: monograph.* New York, London: New Press, 2019. (In Engl.)
4. McDowell, J. *Deceivers: monograph.* Holiday, Fla: Green Key, 2003. (In Engl.)
5. Barker E. "The Cult as a Social Problem" in *Religion and Social Problems.* New York, London: Routledge. (In Engl.)
6. Melton, J. G. *The counter-cult monitoring movement in historical perspective' in Challenging Religion. Essays in Honour of Eileen Barker, James A. Beckford and James T. Richardson, eds.* London: Routledge, 2003: 102–113. (In Engl.)
7. Richardson, J. T. *Regulating Religion. Case Studies from Around the Glob: monograph.* New York/Boston/Dordrecht/London/Moscow: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2004. (In Engl.)
8. Hamed, A. S. *Islamic Fascism: monograph.* New York: Prometheus Books, 2016. (In Engl.)
9. Sejdini, Z. *We are not gods.* Tiroler Zeitung. März, no. 66, pp. 7–12, 2015. (In Engl.)

10. Lazarsfeld, P. F., Katz, E. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications: monograph. Abingdon: Routledge, 2017. (In Engl.)
11. Hovland, C. I., Lumsdaine, A. A., Sheffield, F. D. Experiments on Mass Communication. Princeton: PU Press, 2017. (In Engl.)
12. Huntington, Samuel P., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. (In Engl.)
13. Toffler, A. The third wave: monograph. New York: Morrow, 1980. (In Engl.)
14. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung: monograph. Frankfurt. M: Suhrkamp, 1995. (In Engl.)
15. Bauman, Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016: monograph. London, UK: Social Europe Editions, 2017. (In Engl.)
16. Adorno, T. W. The Culture Industry: monograph. L., NY: Taylor and Francis. 2005. (In Engl.)
17. Baudrillard, J. The Spirit of Terrorism: monograph. New York: Verso Books, 2014. (In Engl.)
18. Sørensen, E. Four totalitarian ideologies – one totalitarian mentality? Fire totalitære ideologier – én totalitær mentalitet? Aschehoug, 2010. (In Engl.)
19. Wilson, B. R., Daisaku I. Human Values in a Changing World A Dialogue on the Social Role of Religion. monograph. London and New York: I. B. Tauris, 2008. (In Engl.)
20. Acharya, A. The End of the American World Order. Cambridge: Polity, 2018. (In Engl.)
21. Nyman J. What is the value of security? Contextualizing the negative/positive debate. Review of International Studies, no. 42, pp. 521–839, 2016. (In Engl.)
22. Beeson, M., Lee-Brown, T. The Future of Asian Regionalism: Not What It Used to Be. Asia & the Pacific Policy Studies, no. 4, pp. 195–206. 2016. (In Engl.)
23. Buzan, B., Waever, O. Regions and Powers: The Structure of International Security: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. (In Engl.)
24. Forrest, S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum: 46–50. (In Engl.)

Информация об авторах

Жуков Артем Вадимович, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; m-liga@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30; aglena_72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Вклад авторов

А. В. Жуков – основной автор, организатор исследования, формулировка выводов и обобщение итогов исследования.

М. Б. Лига – систематизация и сравнительный анализ представленных концепций.

Е. Ю. Захарова – систематизация и сравнительный анализ представленных концепций, оформление статьи.

Для цитирования

Жуков А. В., Лига М. Б., Захарова Е. Ю. Концептуализация теоретических представлений о религиозной безопасности в контексте западных исследований взаимодействия общества и религии // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 96–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-96-104.

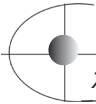
Статья поступила в редакцию 17.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

Information about authors

Zhukov Artem V., Doctor of Philosophy, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Liga Marina B., Doctor of Sociology, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; m-liga@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Zakharova Elena Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; aglena_72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Contribution of authors to the article

A. V. Zhukov – the main author, organizer of the study, formulation of conclusions and generalization of the results of the study.

M. B. Liga – systematization and comparative analysis of the presented concepts.

E. Yu. Zakharova – systematization and comparative analysis of the presented concepts, article design.

For citation

Zhukov A. V., Liga M. B., Zakharova E. Yu. Conceptualization of Theoretical Ideas on Religious Security in the Context of Western Studies of Interaction Between Society and Religion // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 96–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-96-104.

***Received: March 17, 2023; approved after reviewing April 25, 2023;
accepted for publication April 27, 2023.***

Научная статья

УДК 606.608

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-105-111

Врач в сфере искусственного интеллекта: действующий субъект или пассивный наблюдатель?

Дмитрий Анатольевич Изуткин

Нижегородская государственная медицинская академия, г. Нижний Новгород, Россия
dan55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>

Актуальность статьи связана с влиянием цифровых технологий на медицинскую сферу в условиях формирования VUCA (изменчивость, неопределенность, сложность, неоднозначность) пространства. Главной проблемой в этом контексте являются эτικο-философские аспекты внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в медицинскую сферу и деятельность врача, в частности, возможности его применения в диагностическом процессе. Последний считается неотъемлемым атрибутом когнитивного характера медицинской профессии. Это связано с постоянным и динамичным познанием функционирования человеческого организма в состоянии нормы и патологии, проблемой врачебных ошибок, а также философскими рефлексиями врача в ходе постановки диагноза. Основная цель – показать противоречивый характер использования ИИ в медицине, что связано с определённой качественной трансформацией и переоценкой традиционно сложившихся представлений о роли врача как познающего субъекта в рамках его профессиональной деятельности. В основе методологии исследования данной проблемы лежит диалектический подход. Это позволяет рассматривать медицинскую сферу как синтез и противоречие естественного и искусственного, а также подчеркнуть субъектно-объектный характер деятельности врача. Новизна исследования заключается в эτικο-философском осмыслении самоидентификации врача и его клинического мышления в условиях использования ИИ в медицине. В контексте данной статьи самоидентификация врача понимается как осознание своей самости и востребованности в сфере медицинской профессиональной деятельности; клиническое мышление – как совокупность теоретических знаний, практических навыков, эмпирического опыта и философских обобщений в стремлении идентифицировать и эксплицировать патологический процесс. Подчеркивается, что применение ИИ существенным образом модифицирует роль и функции врача в современной (первую очередь, клинической) медицине, что в свою очередь, влияет на его суждения о болезни (её этиологии, психосоматическом характере, риск-факторах для здоровья). Это, в частности, опосредуется в общении врача с больным. Перспективы исследования связаны с дальнейшим внедрением ИИ в клиническую медицину, что сопряжено с необходимостью решения комплекса проблем эτικο-правового характера и формирования новой медицинской парадигмы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицина, диагностический процесс, врач, больной, самоидентификация, клиническое мышление

Original article

A Physician in the Sphere of Artificial Intelligence: An Active Subject or Passive?

Dmitri A. Izutkin

Nizhni Novgorod State Medical Academy, Nizhni Novgorod, Russia
dan55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>

The relevance of the article is associated with the influence of digital technologies on the medical sphere in the context of the formation of VUCA (variability, uncertainty, complexity, ambiguity) of the space. The main problem in this context is the ethical and philosophical aspects of the introduction of artificial intelligence (AI) in the medical field and the activities of the doctor, in particular, the possibility of its application in the diagnostic process. The latter is considered as an integral attribute of the cognitive nature of the medical profession. This is due to the constant and dynamic knowledge of the functioning of the human body in a state of normality and pathology, the problem of medical errors, as well as the philosophical reflections of the physician during the establishment of the diagnosis. The main goal is to show the contradictory nature of AI use in medicine, which is associated with certain qualitative transformation and reassessment of traditionally formed ideas about the role of the physician as an active subject within the framework of his professional activity. The methodology for studying this problem is based on a dialectical approach. This allows to consider the medical sphere as a synthesis and contradiction of the natural and artificial, as well as to emphasize the subject-object nature of the physician's

© Изуткин Д. А., 2023

activity. The novelty of the study lies in the ethical and philosophical understanding of the self-identification of the physician and his clinical thinking in the conditions of the application of AI in medicine. In the context of this article, self-identification of a physician is understood as an awareness of his self and claim to be demanded in the field of medical professional activity; clinical thinking – as a set of theoretical knowledge, practical skills, empirical experience and philosophical generalizations in an effort to identify and explicate the pathological process. It is emphasized that AI application significantly modifies the role and functions of the physician in modern (primarily clinical) medicine, which, in turn, affects his judgments about the disease (its etiology, psychosomatic nature, risk factors for health). This, in particular, is being stipulating in the communication of the physician with the patient. The prospects of the study are associated with further introduction of AI in clinical medicine, which is associated with the need to solve a complex of ethical and legal problems and the formation of a new medical paradigm.

Keywords: artificial intelligence, medicine, diagnostic process, doctor, patient, self-identification, clinical thinking

Введение. Внедрение *информационно-цифровых технологий* в различные сферы социальной деятельности в настоящее время является одной из приоритетных задач экономического развития. Отечественная и зарубежная литература по различным аспектам цифровизации также однозначно указывает на актуальность и перспективность этого направления [1–25]. Формируется цифровое *пространство*, что на индивидуальном уровне (и в определенной степени на уровне отдельных популяций) качественно изменяет осознание человеком своей *биосоциальной* сущности. Ставится под сомнение представление о биологической целесообразности человеческой природы с точки зрения её оптимальной адаптированности к современному социуму. В этом плане с позиций *трансгуманизма* утверждается, что исключительно эволюционные, биологические механизмы жизнедеятельности исчерпали себя в плане безопасности и выживаемости как индивида, так и отдельных групп населения в окружающей среде. В условиях необходимости накопления, переработки и анализа растущего количества различной информации имеют место проекты и концепции внедрения биотехнологий в человеческий организм с целью преодоления процесса человеческого старения и достижения бессмертия (последнее – посредством «загрузки» человеческого разума в компьютерные программы). Отсюда, особенно актуализируется противостояние: человек *природный* vs человек *технологический*.

Методы и методология исследования. Основу исследования составляет *диалектический метод*. Это позволяет: 1) рассматривать медицинскую сферу как синтез и противоречие естественного и искусственного; 2) подчеркнуть субъектно-объектный характер деятельности врача; 3) выявить определенные количественно-качественные

изменения в процессе усиления интеграции искусственного в медицинскую среду. В контексте настоящей статьи это раскрывается в рамках растущей цифровизации медицины, в частности, внедрения *искусственного интеллекта* (ИИ) в медицинскую практику, что существенным образом меняет традиционные приоритеты и атрибуты медицинской деятельности врача.

Результаты исследования и их об- суждение. Цифровая экономика организует особое *виртуальное* пространство, в котором в значительной степени реформируются традиционные представления о человеке как биосоциальном существе и его роли в социуме. Можно сказать, что создаётся особый (цифровой, виртуальный) мир, особый тип *человека* (цифровой человек, пост-человек) и переосмысливается бытие человека в этом мире. Homo sapiens всё более уступает место Homo digital. Формируется так называемый VUCA мир: *volatility* (изменчивость, отсутствие стабильности); *uncertainty* (неопределённость); *complexity* (запутанность, сложность); *ambiguity* (неоднозначность, неясность). Данные средовые характеристики, имея универсальный характер в период цифровизации, правомерно проецируются на различные сферы социальной деятельности, включая *медицинскую*.

В этом плане целый ряд работ, опубликованных за последние годы, отражают различные аспекты цифровизации с точки зрения ее теоретико-прикладного значения для медицины и научно-академической деятельности: экономическая значимость цифровизации [1]; цифровизация медицины как один из аспектов трансформации общества и культуры [2]; внедрение систем ИИ в медицинскую науку и здравоохранение [3]; роль социально-гуманитарной экспертизы при использовании ИИ в клинической медицине [4]; использование ИИ и право человека на конфиденциальность персональных данных

[5]; необходимость введения правовых стандартов в системе принятия решений в медицине [6]; использование информационных технологий в профессиональной деятельности [7]; «домашний стационар» в условиях цифровизации медицины [8]; современные информационные технологии и проблема принятия решений в медицине [9].

В современной медицине в рамках «сквозных» цифровых технологий существенное значение отводится *искусственному интеллекту* (ИИ) – программе, имитирующей работу человеческого мозга, в частности, мыслительные процессы на основе разработки нейронных сетей. «Со все нарастающей сложностью компьютеров искусственный интеллект занимает воображение все большего числа ученых; идея моделирования функций человеческого мозга с помощью компьютерных алгоритмов становится все более и более популярной» [10, с. 67]. ИИ «рассматривается как дополнительное средство, позволяющее изменить сбор и обработку информации и улучшить нашу жизнедеятельность...» [11, с. 193]. Определённое место здесь занимает «компьютерная *сенсорика*», позволяющая интерпретировать сенсорные реакции человека языком компьютера. При этом предусматривается использование «мягкого» и «жесткого» ИИ. Теоретически предполагается, что «мягкий» ИИ будет неким дополнением к основной работе врача, выполняя роль «помощника», но основные функции и этапы клинической деятельности останутся прерогативой врача. Напротив, «жесткий» ИИ будет способен практически полностью заменить врача как в процессе диагностики, так и определении курса лечения. В этом плане неизбежно возникают четыре вопроса: 1. Необходимость формулирования качественно-количественных критериев, отличающих «мягкий» ИИ от «жесткого» ИИ. 2. Формирование алгоритма деятельности врача в случае включённости в нее «мягкого»/«жесткого» ИИ. 3. Оценка возможности перехода «мягкого» ИИ в «жесткий» ИИ. 4. Технологический и этический контроль функционирования ИИ.

В условиях внедрения ИИ медицинская сфера деятельности рассматривается с точки зрения «4П медицины». Имеется в виду, что «ИИ может принимать решения диагностического, прогностического и терапевтического характера, и соответствовать четырём базовым принципам: персонализиро-

ванность, предиктивность, превентивность, партиципационность» [11, с. 23]. Персонализированность – индивидуальный подход к каждому пациенту; предиктивность – прогноз течения заболевания; превентивность – предупреждение возникновения болезни; партиципационность – участие пациента в принятии окончательного решения.

В целом, подобные представления о предназначении медицины (прежде всего, первые три принципа), как отрасли *медицинских знаний*, так и её *практической* направленности, имели место в истории, как *отечественной*, так и *зарубежной* медицины. В значительной степени это было вызвано психосоматическим характером многих заболеваний, философскими рефлексиями относительно человека как телесно-духовной субстанции, *медицинской этикой*, что, в итоге, и определяло *статус* и *роль* врача-клинициста. Однако в условиях цифровизации медицинской отрасли и использования ИИ они наполняются новым количественно-качественным содержанием. Особо отмечается влияние ИИ на клиническую практику, в частности, на «клиническое суждение» [12] и, что «медицинский диагноз был одной из первоочередных целей использования ИИ с момента формирования этого исследовательского поля» [13, с. 181]. В этом плане в статье рассматриваются такие вопросы, как *самоидентификация* врача и его *клиническое мышление* и их претворение в *диагностическом* процессе в условиях усиливающейся виртуализации медицинского пространства. Следует подчеркнуть, что некоторые размышления автора настоящей статьи относительно данных ипостасей врача в той или иной степени носят *гипотетический* характер. Тем не менее, они являются отражением тех *тенденций* в современной медицине, которые формируются именно в эпоху цифровизации.

Самоидентификация врача. Она понимается как осознание своей самости с точки зрения своего места и роли в клинической деятельности в определенных объективных условиях. Один из важных вопросов: насколько *востребован* врач как *действующий субъект* при использовании ИИ?

Следует отметить, что с исторической точки зрения вопрос о «первенстве» врача в диагностическом и лечебном процессах всегда имел неоднозначный характер. Так, в древнегреческой медицине, в которой были

заложены важнейшие методологические и этические основы медицинской деятельности, в частности, в этике *Гиппократ* преваляровал принцип «соответствуй природе» (*assist nature*), подразумевающий в первую очередь целебные силы природного окружения и до некоторой степени «вторичность» роли врача. Напротив, в Римской Империи ведущее значение придавалось именно врачу как носителю знаний и практического опыта (*physician first*). Более того, уделялось внимание философским рефлексиям врача («врач-философ подобен Богу» по выражению Галена).

В разные периоды научно-технической революции в клинической медицине в первую очередь внедрения диагностических технологий усиливалась тенденция коммуникативного разобщения врача и больного, а в эпоху использования человеческого тела для различных медицинских целей – отчуждение тела пациента/испытуемого от его самости. В этом плане правомерно отмечается, что «количественно-качественное увеличение медицинских вмешательств, среди которых и те, что затрагивают целостность человеческого тела, его репродуктивное здоровье и способы ухода из жизни, вызвало беспокойство в самом сообществе медиков, занявшем в результате нишу между гражданским обществом и политико-религиозными силами» [14, с. 11]. С точки зрения философии, «это вызов сущности человека, его природе и идентичности» [15, с. 160].

В настоящее время также не существует однозначного суждения о первичности/вторичности врача как в диагностическом процессе, так и, в целом, во взаимоотношениях врача и больного. Так, принцип «автономности пациента» во многом определил независимый статус больного в общении с врачом, в частности, его право принимать окончательное решение. Однако при использовании ИИ в диагностическом процессе возникают вопросы *качественного* содержания информации больного со стороны врача. Например, следует ли его информировать о возможных *рисках* в работе системы, таких как кибератака, недостоверность данных и дезинформация [16] (под дезинформацией здесь понимается несоответствие между диагностическим заключением, данным ИИ и подтверждённым медицинским знанием о состоянии пациента). В целом, подчёркивается, что «основы биоэтики и моральная

позиция врача при применении ИИ не должны находиться в конфликте с базовым принципом «не навреди больному» [17, с. 134].

Имеется мнение, что в эпоху биомедицинских технологий и внедрения ИИ «реальный или потенциальный пациент, не обладающий знаниями экспертного уровня, «человек с улицы», должен иметь возможность для автономного принятия решения о выстраивании собственной траектории взаимодействия с медицинскими технологиями (в том числе технологиями предотвращения болезни, мониторинга текущего состояния и т. п.) [18, с. 66]. Противоречивость данного суждения очевидна: как и каким образом «человек с улицы», «погруженный» в мир биомедицинских технологий, сможет принять верное решение? Этот вопрос должен однозначно находиться в компетенции врача.

Клиническое мышление врача (КМВ).

Это понимается как совокупность теоретических знаний, практических навыков, эмпирического опыта и философских обобщений в стремлении идентифицировать и эксплицировать патологический процесс. Академик РАН В. С. Степин, развивая свои взгляды по вопросам философии науки, ввёл понятие «картина мира учёного», подчёркивая, в частности, *междисциплинарный* характер научной деятельности, что должно отражаться в сознании исследователя. В данном случае картина «мира» врача-клинициста (экстраполируя вышеуказанное выражение) предполагает его способность проводить *многофакторный* анализ каждого случая заболевания у конкретного больного, принимая во внимание синтез его индивидуальных характеристик, в том числе *психоземональные* особенности.

Следует подчеркнуть, что историческая медицинская доктрина всегда ставила во главу угла индивидуализацию каждого конкретного случая болезни, а сам больной воспринимался как индивид, обладающий неповторимыми особенностями, ведущий определённый образ жизни, имеющий специфический генетический статус. Это неизбежно формировало у врача *объективную* необходимость оценивать состояние пациента на уровне различных причинно-следственных связей, использовать методы индукции и дедукции, а также применять в диагностическом процессе законы логики и диалектики. С другой стороны, именно на стыке медицины и философии в сознании

врача формируются определённая *относительность* и *вероятностный* характер знаний о человеческом организме в состоянии нормы и патологии. Исходя из этого, один из основных вопросов этико-философского характера, однозначно указывающий на важность клинического мышления можно сформулировать следующим образом: «могли поставленный мной диагноз оказаться *ошибочным?*».

В рамках вышеприведенных суждений декартовский постулат «я мыслю, следовательно, я существую» совершенно правомерно проецируется на врачебную профессию. Это охватывает не только мышление врача-клинициста, но и его самость, и самоидентификацию. Подобные атрибуты можно рассматривать как своеобразные субъективные «привилегии» его деятельности. Только с учётом этого врач может осознать себя действующим субъектом и подтвердить свой значимый статус в обществе. Международная медицинская ассоциация отмечает: «социологические исследования, проведенные во многих странах, убедительно свидетельствуют о том, что врачи относятся к наиболее высокорейтинговой группе населения с точки зрения их общественного статуса... Наиболее важно отметить, что их деятельность имеет неопределимое значение для конкретного больного...» [19, с. 116].

В плане вышесказанного можно *ожидать* следующие качественные изменения в связи с внедрением цифровизации: 1. Усиление дистанционного характера диагностического процесса. 2. Создание *виртуального* образа врача. 3. Создание *виртуального* образа пациента. 4. *Абсолютная виртуализация* общения врача и пациента (виртуальный врач-виртуальный пациент). 5. Редуцирование *свободы воли* врача в принятии тех или иных решений. В целом, представляется, что в этих условиях врач как действующий субъект все более будет трансформироваться в *объект созерцания* со стороны больного.

В этой связи этико-философские аспекты использования ИИ в диагностическом процессе могут быть сведены к следующему. 1. *Виртуализация принципа индивидуального подхода к больному*. Историческая доктрина, сформированная в отечественной медицине и определяющая главный вектор её развития, предусматривает индивидуализацию каждого случая болезни как необходимый *деонтологический* компонент в

деятельности врача. Общение врача и больного в реальном режиме позволяет более всесторонне выявить и оценить психосоматическую природу заболевания конкретного больного, в частности, его психоэмоциональный статус, что необходимо учитывать в процессе постановки диагноза. 2. *Технологические «погрешности» в функционировании программы ИИ*. Существует вероятность «взлома» программы и, соответственно, фальсификации результатов обследования пациента. 3. *ИИ и клиническое мышление врача*. Базовые принципы отечественного Высшего медицинского образования необходимо акцентировали внимание на этот важнейший компонент академического процесса. Бесконтрольное использование ИИ в медицине неизбежно приведёт к созданию модели *цифрового* врача и формированию качественно новых постулатов в области медицинской этики и деонтологии.

Заключение. Справедливо полагать, что «использование систем ИИ при оценке риска развития заболевания и в процессе его минимизации должно сохранять *человека* (выделено нами – Д. И.) в качестве центральной фигуры медицины» [18, с. 66]. Аналогичным образом следует утверждать, что *врач*, а не ИИ должен оставаться центральной фигурой в медицине и восприниматься как *действующий субъект*. Однако, по мере интеграции ИИ в клиническую медицину противоречивость различного характера как в системе «врач – больной», так и на уровне познавательного процесса, в частности, отчуждение врача от традиционных атрибутов его деятельности (в контексте данной статьи – самоидентификации и клинического мышления) будет усиливаться. *Конфликтность* развития данной ситуации заложена в *объективном* характере цифровизации. Именно на такой прогноз и настаивают принципиальные характеристики VUCA реальности (обозначенные выше), которые нам предлагает цифровой мир: изменчивость, неопределенность, сложность, неоднозначность. Это потребует разработки новых *этико-правовых* норм регулирования в сфере медицинской деятельности и формирования новой медицинской *парадигмы*. Тем не менее, «лучшим дивидендом перспективного использования ИИ в медицине будет её основополагающий *гуманистический* (выделено нами – Д. И.) характер» [20, с. 527].

Список литературы

1. Баймуратова Л. Р., Шарова О. А. Цифровая грамотность для экономики будущего: монография. М.: Нац. агентство финансовых исследований, 2018. 86 с.
2. Белялетдинов Р. Р., Гребенщикова Е. Г., Киященко Л. П. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект // Философия и современность. 2014. № 4. С. 12–23.
3. Бледжанц Г. А., Саркисян М. А., Исакова Ю. А. Ключевые технологии формирования искусственного интеллекта в медицине // Ремедиум. 2015. № 12. С. 10–15.
4. Кобринский Б. А. Персонализированная медицина: геном, электронное здравоохранение и интеллектуальные системы. Молекулярная генетика и методы интеллектуального анализа // Российский Вестник перинатологии и педиатрии. 2017. № 6. С. 16–22.
5. Макаров А. Д., Саксена М., Сапожников Д. П. Перспективы использования искусственного интеллекта и больших данных для выведения медицинской практики на качественно новый уровень // Вестник Высшей школы организации и управления здравоохранением. 2017. № 2. С. 43–45.
6. Морхат П. М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. 2018. № 6. С. 63–67.
7. Омельченко В. П. Информационные технологии в профессиональной деятельности. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 416 с.
8. Поряева Е. П., Евстафьева Е. А. Искусственный интеллект в медицине // Вестник науки и образования. 2019. № 6-2. С. 15–19.
9. Симанков В. С., Халафян А. А. Системный анализ и современные информационные технологии в медицинских системах поддержки принятия решений. М.: БиномПресс, 2009. 362 с.
10. Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества. М.: Бомбора, 2019. 267 с.
11. Artificial Intelligence in Medicine. Applications, Limitations and Future Directions / ed. Raz M. New York: Springer, 2022. 258 p.
12. Jutterand F., Bosco C. Artificial intelligence in medicine: A sword of Damocles? Текст: электронный // J. Med. Systems. 2021. № 9. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34893939> (дата обращения: 21.03.2023). DOI: 10.1007/s10916-021-01796-7.
13. Artificial Intelligence in Medicine / ed. Lidsroemer N., Ashrafian H. New York: Springer, 2022. 1858 p.
14. История тела / под ред. А. Корбена, Ж. Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. 459 с.
15. Кутырев В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алтейя, 2015. 311 с.
16. Kiener M. Artificial intelligence and the disclosure of risks // AI and Society. 2021. № 36. P. 705–713.
17. Arnold M. Teasing out artificial intelligence in medicine: An ethical critique of artificial intelligence and machine learning in medicine // J. Bioethical Inquiry. 2021. № 18. P. 121–139.
18. Брызгалова Е. В. Медицина в оптике искусственного интеллекта: философский контекст будущего // Человек. 2019. № 6. С. 54–71.
19. Medical Ethics Manual. World Medical Association. 2005. 134 p. URL: <https://www.wma.net/what-we-do/education/medical-ethics-manual> (дата обращения: 21.03.2023). Текст: электронный.
20. Intelligent Systems in Medicine / ed. T. Cohen. New York: Springer, 2022. 753 p.
21. Юдин Б. Г. Медицина и конструирование человека // Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-традиция, 2018. С. 398–411.
22. Abrahams E., Ginsburg G., Silver M. The Personalized Medicine Coalition: Goals and Strategies // American Journal of Pharmacogenomics. 2005. No. 5. P. 345–355.
23. Gunderson T., Baerle K. The future ethics of artificial intelligence in medicine: Making sense of collaborative models // Science and Engineering Ethics. 2022. No. 28. P. 1–16.
24. Liu Peng-ran, et al. Application of artificial intelligence in medicine: An overview // Current Medical Science. 2021. No. 41. P. 1105–1115.
25. Shabaruddin F. H., Fleeman N. D., Payne K. Economic evaluations of personalized medicine: existing challenges and current developments // Pharmacogenomics Personalized Medicine. 2015. No. 8. P. 115–126.

Информация об авторе

Изуткин Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор; Нижегородская государственная медицинская академия; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; dan55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>.

Для цитирования

Изуткин Д. А. Врач в сфере искусственного интеллекта: действующий субъект или пассивный наблюдатель? // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 105–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-105-111.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

References

1. Baimuratova, L. R. Sharova, O. A. Digital Literacy for the Economy of the Future; M: Natsional'noe agentstvo finansovyh issledovaniy, 2018. (In Rus.)
2. Belyaletdinov, R. R., Grebenshchikova E. G., Kiyashchenko L. P. et al. Socio-humanitarian support of personalized medicine projects: philosophical aspect. *Philosophy and Modernity*, no. 4, pp. 12–23, 2014. (In Rus.)
3. Bledzhyants, G. A., Sarkisyan, M. A., Isakova, Y. A. et al. Socio-humanitarian support of personalized medicine projects: philosophical aspect to medicine. *Remedium*, no. 12, pp. 10–15, 2015. (In Rus.)
4. Kobrinskiy, B. A. Personalized medicine: genome, e-health and intelligent systems. Ch. 2. *Molecular Genetics and Methods of Intellectual Analysis*. Ross. News of Perinatology and Pediatrics, no. 6, pp. 16–22, 2017. (In Rus.)
5. Makarov, A. D., Saksena, M., Sapozhnikov, D. P. Prospects for the use of artificial intelligence and big data to bring medical practice to a qualitatively new level. *Health Organization: News. Opinions. Education. Bulletin of the Higher School of Health Organization and Management*, no. 2, pp. 43–45, 2017. (In Rus.)
6. Morkhat, P. M. On the specifics of the legal regulation of artificial intelligence and some legal problems of its application in certain areas. *Law and right*, no. 6, pp. 63–67, 2018. (In Rus.)
7. Omel'chenko, V. P. Information technologies in professional activity. Textbook. M: GEOTAR–Media, 2020. (In Rus.)
8. Poryaeva, E. P., Evstaf'eva, E. A. Artificial Intelligence in Medicine. *Bulletin of science and education*, no. 6–2 (60), pp. 15–19, 2019. (In Rus.)
9. Simankov, V. S., Halafyan, A. A. System analysis and modern information technologies in medical decision support systems. M: OOO "BinomPress", 2009. (In Rus.)
10. Konnell, M. Artificial Intelligence and the Future of Humanity. M: Bombora, 2019. (In Rus.)
11. Artificial Intelligence in Medicine. Applications, Limitations and Future Directions. Editors Manda Raz, Tam C. Nguyen, Erwin Loh. Springer, 2022. (In Engl.)
12. Jutterand F., Bosco C. Artificial intelligence in medicine: A sword of Damocles? *J. Med. Systems*, no. 9, 2021. DOI: 10.1007/s10916-021-01796-7. (In Engl.)
13. Artificial Intelligence in Medicine. Ed. Lidsroemer N., Ashrafian H. Springer, 2022. (In Engl.)
14. Body History. Vol.3. Ed. by A. Korbena, Zh. Zh. Kurtin, Zh. Vigarello. M: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016. (In Rus.)
15. Kutyrev, V. A. One last kiss. Man as tradition. Saint Petersburg, Alteiya., 2015. (In Rus.)
16. Kiener, M. Artificial intelligence and the disclosure of risks. *AI and Society*, no. 36, p. 705–713, 2021. (In Engl.)
17. Arnold, M. Teasing out artificial intelligence in medicine: An ethical critique of artificial intelligence and machine learning in medicine. *J. Bioethical Inquiry*, no. 18, pp. 121–139, 2021. (In Engl.)
18. Bryzgalina, E. V. Medicine in the Optics of Artificial Intelligence: A Philosophical Context of the Future. *Human*, no. 6, pp. 54–71, 2019. (In Rus.)
19. Medical Ethics Manual. World Medical Association, 2005. (In Engl.)
20. Intelligent Systems in Medicine. Ed. T. Cohen, et al. Springer, 2022. (In Engl.)
21. Yudin B. G. Medicine and Human Design. Yudin B. G. Chelovek: vyhod za predely. M: Progress-tradiciya, 2018: 398–411. (In Rus.)
22. Abrahams, E., Ginsburg G., Silver M. The Personalized Medicine Coalition: Goals and Strategies. *American Journal of Pharmacogenomics*, no. 5, p. 345–355, 2005. (In Engl.)
23. Gunderson, T., Baeroc, K. The future ethics of artificial intelligence in medicine: Making sense of collaborative models. *Science and Engineering Ethics*, no. 28:17, pp. 1–16, 2022. (In Engl.)
24. Liu Peng-ran, et al. Application of artificial intelligence in medicine: An overview. *Current Medical Science*, no. 41, pp. 1105–1115, 2021. (In Engl.)
25. Shabaruddin, F. H., Fleeman, N. D., Payne K. Economic evaluations of personalized medicine: existing challenges and current developments. *Pharmacogenomics Personalized Medicine*, no. 8, pp. 115–126, 2015. (In Engl.)

Information about author

Izutkin Dmitri A., Professor; Nizhni Novgorod State Medical Academy; 10/1 Minin and Pozharsky sq., Nizhni Novgorod, 603005, Russia; dan55@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4423-3028>.

For citation

Izutkin D. A. A Physician in the Sphere of Artificial Intelligence: An Active Subject or Passive? // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 105–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-105-111.

Received: February 15, 2023; approved after reviewing March 25, 2023; accepted for publication March 27, 2023.

Научная статья

УДК 32, 36

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-123

Мир как экзистенциальная безопасность: концепция мира третьего поколения

Ольга Васильевна Плебанек

Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского
Экономического сообщества, г. Санкт-Петербург, Россия
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

Актуальность темы связана с тем, что традиционные социальные дисциплины не смогли решить наиболее важных проблем человечества – элиминации деструктивных форм социальных взаимодействий. В статье рассматривается проблема концептуализации понятия «мир», этапы становления дисциплинарного поля peace research. Гипотеза исследования заключается в том, что понимание исходной интенции, побуждающей формирование новых ценностных ориентиров в человеческих популяциях, позволяет положить в основу современной теории мира концепт экзистенциальной безопасности. Целью статьи является анализ подходов к одному из базовых понятий социально-гуманитарных дисциплин – категории мира. Применение методов категоризации, ретроспективного анализа и систематизации способствовало обнаружению парадигмальной зависимости содержания концепта «мир» от объективных технологических и социокультурных обстоятельств. Результатами обсуждения стали следующие положения. Первая концепция мира, получившая название негативного мира, не могла быть положена в основу программ социального конструирования, так как несла в себе все ограничения классической парадигмы науки, формировавшейся для обслуживания естествознания. Современное, третье поколение концепции мира, получившее сложное название мульти-интер-транскультурного мира порождено опасностями, связанными с глобализацией и вхождением в цифровую цивилизацию. Понимание исходной интенции, побуждающей формирование новых ценностных ориентиров в человеческих популяциях, позволяет положить в основу современной теории мира концепт экзистенциальной безопасности. Сформулировано понятие экзистенциальной безопасности, под которой следует понимать не физическую безопасность индивида, а безопасность существования популяции, позволяющей сохранить популяционный генофонд. Общество, обеспечившее экзистенциальную безопасность, соответствует представлениям людей о мирном существовании и не создаёт условия ни для войны, как одной из форм насилия, ни для других форм структурного насилия, снижающих адаптивный потенциал популяции. В силу того, что адаптивность и безопасность цифрового общества обеспечиваются интегративными и коммунитарными свойствами социальной системы, на первое место в системе ценностей в современном мире выдвигаются постматериальные ценности. Именно они должны быть положены в основы концепции экзистенциального мира.

Ключевые слова: иренология, позитивная концепция мира, экзистенциальная безопасность, постматериализм

Original article

The World as Existential Security: The Concept of Peace of Third Generation

Olga V. Plebanek

University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, St. Petersburg, Russia
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

The relevance of the topic is due to the fact that traditional social disciplines have not been able to solve the most important problems of humanity – the elimination of destructive forms of social interactions. The article deals with the problem of conceptualization of the concept of “peace”, the stages of formation of the disciplinary field of peace research. The hypothesis of the study is that understanding the initial intention that prompts the formation of new value orientations in human populations makes it possible to base the modern theory of the world on the concept of existential security. The purpose of the article is to analyze approaches to one of the basic concepts of social and humanitarian disciplines – the category of peace. The use of methods of categorization, retrospective analysis and systematization allowed us to discover the paradigmatic dependence of the content of the concept peace on objective technological and socio-cultural circumstances. The results of the discussion were the following provisions. The first concept of peace, called the negative peace, could not be used as the basis for social construction programs, since it carried all the limitations of the classical paradigm of

© Плебанек О. В., 2023

science, which was formed to serve natural science. The modern, third generation of the concept of peace, which has received the complex name of a multi-inter-transcultural world, is generated by the dangers associated with globalization and entry into digital civilization. Understanding the initial intention that encourages the formation of new value orientations in human populations allows us to base the modern theory of the world on the concept of existential security. The concept of existential security is formulated, which should be understood not as the physical security of an individual, but as the security of the existence of a population that allows preserving the population gene pool. A society that has provided existential security corresponds to people's ideas of peaceful existence and does not create conditions for war, as one of the forms of violence, or for other forms of structural violence that reduce the adaptive potential of the population. Due to the fact that the adaptability and security of the digital society is ensured by the integrative and communitarian properties of the social system, post-material values are put forward in the first place in the value system in the modern world. They should be the basis of the concept of the existential world.

Keywords: irenology, positive concept of peace, existential security, post-materialism

Введение. В учебные планы университетов по направлениям «Политология» и «Социология» уже более десятилетия включена дисциплина «Философия конфликта и мира», но, просмотрев имеющиеся в сети программы этой дисциплины, нами не было обнаружено тем, как-нибудь относящихся к понятию, содержащемуся в названии дисциплины. Почти все авторы (и даже коллективы авторов) останавливаются на проблеме конфликта, никак не затрагивая тему мира, которая только на первый взгляд кажется простой. И даже наиболее «свежее», изданное 2021 г. под грифом Санкт-Петербургского университета учебно-методическое пособие по этой дисциплине не рассматривает проблему мира¹. Между тем, исследования проблем мира за рубежом имеют уже историю в несколько десятилетий, тогда как в нашей стране к этой проблеме – проблеме оснований и критериев мира – обращаются единичные исследователи. И если в зарубежных исследованиях существуют многочисленные центры и научные школы, объединённые в направление peace research или peace studies, то в России есть единичные исследователи, так или иначе обращавшиеся к этой теме. Надо указать, кроме А. С. Капто – ведущего исследователя проблемы мира, который в 1990 г. опубликовал первую в России монографию, посвящённую философии мира [1–3], В. П. Римского, под редакцией которого опубликована коллективная монография, посвящённая 190-летию Л. Н. Толстого [4], в которой первый раздел посвящён современной философии войны и мира, насилия и ненасилия, а также публикующуюся в России, но работающую в Испании и университетах Центральной Америки А. Карпову [5; 6]. Стоит также упомянуть из последних публикаций

М. А. Ефимец, обратившуюся к проблеме мира в своей аспирантской публикации [7]. В отечественных публикациях проблема мира освещалась почти только в контексте обсуждения проблемы войны [8; 9]. Цель статьи – привлечь внимание к проблеме мира и обосновать концепцию безопасного общества – определяет объект исследования. Объектом исследования являются существующие в политологии и, в целом, в социальном знании подходы в решении проблемы исключения войны и насилия из социальных взаимодействий. Предметом исследования являются парадигмальные основания концепции мира, удовлетворяющей современным представлениям о безопасном обществе. Предлагаемая гипотеза заключается в том, что применявшиеся ранее подходы имели гносеологические ограничения, так как сосредоточивались на исследовании социальной патологии, тогда как программа исключения деструктивных форм функционирования организма вообще, и социального, в частности, требует обоснованных представлений о гармоничном и эффективном функционировании объекта. Применительно к обществу, это означает, что мы должны понимать не только то, что хотим исключить из социального бытия, а то, в каком обществе будет безопасно существовать, и что в основе построения современной концепции мира должны лежать принципы прелиминарности и телеологизма.

Методология и методы исследования. Основная тема социального познания – как жить без опасностей, угроз и рисков, присутствующая в философском знании уже с момента возникновения философии, конституировалась в науке только в XX в., и то, в форме науки о войне – полемологии и о конфликте – конфликтологии. Один из основателей полемологии, Г. Бутуль, исходил из того, что война укоренена в социальных

¹ Игнатъева О. А. Философия конфликта и мира: учеб.-метод. пособие. – СПб.: Астерион, 2021. – 48 с.

отношениях, что она является формой естественных процессов, «ускоренной формой потери равновесия». Из этой интенции следовала, по меньшей мере, необходимость исследования состояния равновесия и его параметров, но исследования мира конституировались позднее также на негативной концепции мира – мир как отсутствие войны, то есть место теории мира оставалось свободным.

Догадка о том, что понимание мира (peace) как «тишина, спокойствие, безмятежность, благополучие», как антонима войны, не является достаточным и полным для формирования соответствующих социальных институтов, ответственных за достижение этой цели, существовало уже в философском дискурсе. Барух Спиноза сожалел по поводу упрощённого понимания проблемы: «если рабство, варварство и запустение называть миром, то для людей нет ничего печальнее мира. <...> мир, как мы уже сказали, заключается не в отсутствии войны, но в единении душ или согласии» [10, с. 29]. Но европейский мир (world) его не услышал, он не был услышан ни современниками, ни столетия спустя. Точнее, его услышали, но не до конца поняли: самый значительный проект построения мирного общества – кантовский «К вечному миру» (1795), который является отправной точкой всех мирных начинаний современности, также полагает понятие мира самоочевидным и рассматривает только препятствия на пути к нему, но не саму цель [11; 12].

Позднее в среде полемиологов наметилось направление исследований, которые расширяли понятие войны – конфликта – насилия, что смыкалось с исследованиями мира, которые носят вынужденно телеологический характер, как исследование того, что должно, но чего пока не существует в действительности. Это и оказалось самой большой трудностью в исследованиях мира. Мир (peace) не находился в фокусе исследовательской деятельности не только потому, что этот объект слишком сложен и не мог быть исследован в парадигмальном поле классической науки, которая принципиально ориентирована на разложение реальности на простые элементы, тогда как мир – сложный и целостный феномен. Война как первоначально понятый антипод мира в этом отношении оказалась проще. Но ещё и потому, что глобальному феномену мира сна-

чала противопоставили частное проявление насилия – войну, так как тогда наибольшую опасность для общественной системы представляла война, а другие цивилизационные риски ещё не проявили себя в той мере, которая заставит обратить на себя внимание ответственные социальные группы позднее. Между тем, как в дальнейшем оказалось, параметров насилия, препятствующих спокойствию (основное значение понятия «мир»), благополучию социальной системы, а самое главное – реализации тех качеств и способностей человека, которые позволяют максимизировать адаптационные возможности социальной системы, достаточно большое количество.

У трактата «К вечному миру» было много предшественников (начиная от «О граде Божием» Августина Блаженного, «О праве войны и мира» Гуго Гроция и др.), но именно кантовского проекта пункты были положены в основу международных учреждений современности – Лиги Наций, ООН (но и как кантовский Трактат не предотвратил наполеоновских войн, так и эти учреждения не способствовали установлению мира). И именно с подачи Канта в научной литературе формируется так называемый негативный концепт мира.

Алофатический подход вполне объясним: также, как и в случае с Создателем, мир – это феномен, который является выражением желаемого, но не сущего, и не может быть освоен в чувственно воспринимаемых формах, поэтому, как казалось, не может быть определён в позитивных категориях. В этот период (и долго ещё) европейцам виделось, что для счастья и благополучия достаточно положить оружие, что и получило отражение в кантовской концепции мира. Основные пункты кантовской программы достижения мира касаются не устройства мира, а предотвращения войн. Этого казалось достаточно для достижения тишины и спокойствия (основное значение понятия «мир»), и в этом эпистемологическом поле продолжались философские исследования мира. Д. Сингер назвал этот период исследований мира стадией «умозрительных предположений» [13].

Начало институционализации научных исследований мира (peace) тоже связано с серьёзным испытанием для европейского мира (world). В стремлении обезопасить человечество после потрясений двумя ми-

ровыми войнами исследователи пошли двумя путями: в 1946 г. Г. Бутуль издаёт книгу «Сто миллионов погибших» [14], с которой начинается научное исследование войны – полемология¹, а в 1955 г. выходит книга Теодора Ленца «К науке о мире», с которой начинается концептуализация понятия мира. Примерно с 60-х гг. XX в. этап философского осмысления мира заканчивается, и начинается конституирование науки о мире. Новое научное направление получило разные названия в различных национальных традициях – паксология, иренология, “peace research” или “science of peace”. В этот период всё ещё был влиятелен кантовский подход к концепту мира, и в основу научных исследований мира была положена так называемая негативная концепция мира – мир, как отсутствие войны, поэтому в фокусе исследований оказался не мир, а война. Эти исследования ставили задачу изучения войны, её истоков с целью предотвращения конфликтов и сохранения благополучия и жизнеспособности общества.

Основатели полемологии – К. Райт, Т. Ленц, С. Ричардсон² – с полным правом называются и в числе основателей науки о мире, так как эта группа при Мичиганском университете основала журнал, включающий концепт мира не как подразумеваемый, а как целевой: “Journal of Conflict Resolution: A Quarterly of Research Relevant to War and Peace” (Журнал разрешения конфликтов: ежеквартальные исследования, относящиеся к войне и миру). Д. С. Голубев считает, что такое двойственное название журнал получил из-за «левополитических коннотаций», которые были опасны в период маккартизма [15]. Но всё же название точно отражает суть этих исследований: мир как цель подразумевался, а исследовалась война как главное препятствие в его достижении.

Основной объект исследований peace studies (война) определил и главную сферу изучения. До середины XX в. инициаторами войн становились наиболее развитые стра-

ны, они и входили в поле зрения полемологов-паксологов. Тогда не было очевидно, что источником насилия и разрушителем тишины и благополучия могут являться другие акторы. И рассматривая проблему мировой войны с позиции негативной концепции – есть либо война, либо мир, невозможно было рассмотреть «серую зону», а вместе с ней и комплекс факторов, запускающий войну, когда войны ещё нет, но нет уже и мира. Ярче всего негибкость этой схемы показал Карибский кризис 1962 г. и нарастание холодной войны. Автор понятия холодной войны Дж. Оруэлл, уже в октябре 1945 г. в своей статье «Ты и атомная бомба», опубликованной в «Трибьюн», предупреждал, что концепция атомного равновесия несостоятельна, что мир без войны может оказаться миром, который «не есть мир».

Не только холодная война, но, в целом, контекст послевоенных десятилетий – студенческие волнения в конце 60-х гг., пражские события 1968 г., деятельность леворадикальных «чёрных пантер» в США, впервые обозначившаяся проблема «Север – Юг» – поставил перед исследователями мира вопрос: следует ли считать миром (peace) мир (world) без войны, но в котором легитимна гибель людей от голода, болезней, наркотиков, вследствие отсутствия прямого насилия? Незавершенность понятия мира ощущалась самими исследователями: в мичиганской группе не было единства представлений о содержании и характере исследований мира [15].

Создание в послевоенное время и расширение в дальнейшем Организации Объединённых наций не сняло вопроса и об источниках насилия и о сущности мира. Драматические события в азиатском регионе (очаги военного столкновения во Вьетнаме, в Камбодже и Лаосе, объединяемые часто как Вторая Индокитайская война) разбили одно из важнейших оснований негативной концепции мира (которое декларировано кантовским Трактатом и которое стало теоретическим источником создания ООН) – союз государств может предотвратить военные столкновения: стало явным, что источником насилия и войн может служить внутренний фактор. Кроме того, однозначность интерпретации феномена войны была поколеблена и в конечном итоге разрушена социологическим анализом и применением системного подхода. Один из основателей

¹ Считается, что основателем полемологии был Г. Бутуль, потому что он ввёл слово «полемология». Не отрицая значение его деятельности, нужно сказать, что не меньшее значение имели исследования Квинси Райта и его труд 1942 г., ставший классическим «Исследование войны».

² В работах, посвящённых полемологии-паксологии, указывают имя Л. Ричардсона, но, возможно, больше сделал Стефен Ричардсон, так как именно он публиковал посмертно работы отца и продолжал его дело.

полемологии Г. Бутуль с соратниками выявил системные функции войны в социальной динамике [16; 17]. Осмысление международного опыта и накопленного теоретического багажа привели индийского социолога С. Дасгупту к иному взгляду на проблему – он предложил в 1968 г. термин “peacelessness” – (состояние отсутствия мира) [18]. Этим понятием он обозначил ситуацию в третьем мире, где люди страдают от бедности, неразвитости социальной сферы, а потери от голода и отсутствия медицины сопоставимы с потерями в горячих войнах. В развитие темы, норвежский исследователь мира Й. Галтунг в статье «Насилие, мир и исследования мира» предложил в качестве оппозиции миру не войну, а насилие [18].

В основе концепции мира, которую предложил Галтунг, лежит не военное столкновение держав, а расширенное понятие насилия, включающее и внутреннее насилие. Норвежский исследователь указал на то, что нет разницы между смертью на войне или смертью от голода, что «насилие присутствует тогда, когда люди, будучи под его влиянием, имеют фактическую, соматическую и ментальную реализацию ниже, чем потенциально возможную» [18]. Он указывает также, что это обстоятельство – невозможность реализовать право на здоровье, развитие и благополучную жизнь, даже в отсутствии прямого и индивидуального насилия, несовместимо с миром – заставляет пересмотреть и расширить концепцию насилия. Таким образом, Галтунг включает в понятие насилия «крайне неприемлемые социальные порядки» и определяет насилие «как причина разницы между потенциалом и фактическим [развитием]» [18]. Он поясняет, что, например, смерть от туберкулёза в XVIII в. совершенно неизбежна; но если человек, несмотря на современные медицинские ресурсы умирает от того же сегодня, то это тоже является насильственной, преждевременной, неестественной смертью. То есть, «насилие – это то, что усиливает расстояние между потенциалом [жизни] и действительной её реализацией, и то, что мешает уменьшению этого расстояния» [18]. Имея в виду человеческий потенциал и невозможность его реализации, Галтунг выдвигает понятие структурного насилия и включает в объем понятия «насилие, которое работает над душой» – индоктринацию, различного рода угрозы и т. п.

Так, с 70-х гг. XX в. начался следующий этап в становлении знаний о мире и формирование позитивной концепции мира, которая в центр методологии ставила именно понятие мира, и вместо проблемы «что есть война?» выдвигала основной вопрос «что есть мир?». В основе позитивной концепции мира лежали уже следующие положения:

– отсутствие личного насилия не приводит к улучшению условий жизни, тогда как отсутствие структурного насилия является положительным условием социальной справедливости;

– сложной структуре насилия соответствует и сложный мир, не лишаящий существующих благ, а создающий условия для достижения благ;

– конечной целью развития общества является не только снятие ограничений физическому существованию человека (реализация максимы *не убий*), а создание условий для раскрытия человеческого потенциала.

То есть, под позитивным миром понимается *состояние общества, при котором достигнута социальная справедливость и созданы условия для полной реализации человеческих возможностей*.

В этот период становления науки о мире были достигнуты значительные результаты. Прежде всего, был сформирован концепт мира, в основе которого лежат позитивные понятия, объективно фиксируемые качества и свойства, что является чрезвычайно важным, хотя и начальным, этапом познавательной деятельности. Описание любого объекта через отрицание – через описание того, чем объект не является, свидетельствует о недостаточной информации об объекте или недостаточном уровне осмысления. На базе негативного концепта можно выстроить отношение к объекту (например, к Создателю), но не рациональную теорию. Апофатический подход применим только на начальных этапах исследования принципиально нового феномена, который не может быть соотнесён ни с одной из классификационных групп объектов. Примерно так мы определяем свойства НЛО: *не движется согласно известной механике, не относится ни к одному из известных летающих объектов, не обнаруживается средствами слежения и т. д.* Но когда обнаруживается группа сходных по своим свойствам объектов, становится возможным описание в позитивных категориях и выявление структуры и сущно-

сти объекта. И никакое научное направление не состоялось и не могло состояться на апофатическом основании; для достижения позитивного результата всегда необходимы были позитивные методы.

В позитивной концепции мира были разведены исследования войны и мира на полемологию и пактологию (peace studies), и в предметное поле исследований мира было определено структурное насилие, которое наносит урон человеческому бытию во всех аспектах не меньший, а в некоторых отношениях (а может и во всех) даже больший, чем в открытом вооружённом столкновении. В этих исследованиях вскрылась закономерность: от прямой агрессии больше, чем от структурного насилия страдают в развитых странах, которые чаще всего и становятся инициаторами войны (в иллюзорной надежде на своё техническое преимущество). А человеческие потери (в виде смертей, а не только как нереализованный потенциал) в малоразвитых странах от структурного насилия (голод, медицинская необеспеченность, преступность) превышают таковые от военных действий на порядок. Данные за 1965 г. указывают на разницу между человеческими потерями от войны и структурного насилия в миллионы жизней¹.

Результатом этого периода peace studies стали важные изменения в теоретических основаниях новой науки. Прежде всего, ядром дефиниции «мир» стало не понятие войны, а права человека. Права человека стали первым положительным критерием мира. Сами по себе права человека тоже являются дискуссионным концептом, но именно на этом пути обнаружилась перспектива как в гносеологическом, так и в праксеологическом отношении. Разработка концепции прав человека, включение в их состав новых положений способствует достижению более высоких уровней безопасности мировой системы, усилия различных политических и общественных сил по соблюдению прав человека на микроуровне меняют обстановку на макроуровне.

Во-вторых, обращение к проблеме структурного насилия позволило сделать однозначный вывод: главной угрозой миру является не война, а насилие в его открытой и латентной форме. Как показывает история современности, концепция баланса сил ока-

¹ Международный опыт исследований мира: учеб. пособие / под ред. И. Е. Рудковской. – Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 2008. – 411 с.

залась несостоятельна в деле достижения мира: инициаторами войн в XX в. были в основном равновооружённые и равномогущественные страны или коалиции. Этот вывод заставил перенести фокус исследований с ведущих в мировой геополитике стран, на так называемые страны третьего мира.

В-третьих, введение в категориальный аппарат Peace Science таких понятий как «экономическое развитие», «экономическая справедливость», «управление глобальными сообществами», «перспективы феминизма», «мирное образование», «социальные движения», «экологическая безопасность» сильно продвинуло мировое сообщество по пути создания системы безопасности не только в отношении вооружённых столкновений (от которых, как оказалось, не в состоянии защитить никакой международный институт, включая ООН – примером может служить война в Югославии, очаги войны на Ближнем Востоке и др.), но и в отношении различного рода опасностей, угрожающих тишине и спокойствию в человеческом мире (world).

Последняя четверть XX в. поставила общества перед лицом новой реальности – оказалось, что источником нестабильности, сокращающей человеческие жизни и ограничивающей человеческий потенциал во всех смыслах, в современности являются иные факторы, чем это представлялось ранее или было в предшествующие эпохи. Во-первых, несмотря на то, что самыми масштабными летальными событиями XX в. остаются две мировые войны, главными действующими актёрами в которых были как раз союзы государств, значительная часть которых являлись республиками [19; 20]. Во-вторых, гражданские войны в Афганистане, трагедии Камбоджи, Сомали, Руанды и т. д., хотя и представляют собой форму вооружённого прямого насилия, всё же не являются классической войной. В-третьих, осмысление истории ГУЛАГа, коммунистического эксперимента в Камбодже, культурной революции в Китае, практика исламской организации «Аль-Каида» и подобных ей вывели на одно из первых мест по уровню антропоцидности идеологическое насилие. Исследования показали, что в конце XX в. количество внутренних конфликтов на порядок превышало количество межгосударственных войн².

² Там же.

Галтунг выделял шесть видов структурного насилия: намеренное, ненамеренное, личностное (персональное), структурное, скрытое, манифестируемое (открытое) [18]. Ни в одном из них не нашли отражения реалии современного мира в полной мере. Поэтому потребовались новые подходы, обладающие достаточным критерием для построения концепции мира, удовлетворяющей потребности человека в стабильной, безопасной и благополучной жизни. В повестку дня встали проблемы экологической безопасности, социальной стабильности, внутреннего терроризма, но также и проблема экономических беженцев, этнической мобилизации и этнопреступности, проблема гендерного неравенства и психологического насилия. В результате появились понятия «культурного мира» (Й. Галтунг), «нейтрального мира» (Б. Хименес) и «несовершенного мира» (Ф. Муниос) [6]. Так, с 80-х гг. прошлого века начали формироваться новые подходы к концепту мира.

Новый виток глобализации спровоцировал встречное движение, получившее выражение в антиглобализме, этническом ренессансе и религиозном фундаментализме, что получило свою рефлексию в выводе о наступлении века культурных войн [21]. Ситуация ещё больше усложнилась в начале XXI в., когда поднялась мощная волна беженцев Юг – Север, и когда принятая западным миром (world) политика культурного плюрализма потерпела поражение: ни западное сообщество не смогло смириться с потерей спокойствия и безопасности в результате вторжения инокультурных масс, ни эмигранты не смогли и не пожелали адаптироваться к местным порядкам, разрушая привычные механизмы социального регулирования. К этому нужно прибавить обострившиеся, несмотря на значительные позитивные преобразования, проблемы гендерного неравенства, сексуального неравенства и проблемы меньшинств всякого рода, а также проблемы инклюзии и когнитивные войны. Кроме того, совершенствуется и начинает играть всё большую роль относительно новый вид насилия – культурная инженерия и культурная селекция (например, проводимые государствами программы «формирования общества просвещённых потребителей»).

Выход на авансцену конфликтных полей нового рода проблем, новых факторов, дестабилизирующих социальные системы

и снижающих их адаптационные возможности, инициировали формирование концепции мира третьего поколения. Новая концепция получила сложное название мульти-интер-транскультурного мира. Каждое из составных частей этого многоэтажного названия отражает видение автора концепции [6]. Суть этой концепции мира, по мнению авторов, заключается в том, что мир как благополучие и благоденствие обеспечивается не только и не столько отсутствием войны, которая является частным случаем насилия, а межконфессиональным, межнациональным и межэтническим взаимодействием, обеспечивающим наиболее эффективное сотрудничество и наиболее полное использование человеческого потенциала на макро-, мезо- и микроуровнях. Это направление исследований только складывается, среди авторов концепции мира третьего поколения нужно назвать Б. Хименеса, Г. Фернандеса, Р. Моя Торрес. Как считают представители этого поколения исследований мира, такая концепция позволит разработать методологический аппарат и стратегию исследований и стратегию преодоления структурно-культурного насилия, постепенно занимающую ведущую роль в конфликтах современности. Значимость этого направления невольно высветили расовые противостояния лета 2020 г. в США, лидеры которых (чёрного населения) потребовали компенсации за века эксплуатации и угнетения.

Результаты исследования и их обсуждение. Что же такое мир, и почему он такой разный? Представления о мире меняются, так как перестраиваются общество и среда, на вызовы которой приходится давать ответы. И чем сложнее среда, в которой приходится существовать обществу, тем многообразнее угрозы, несущие риски общественной системе. Возникновение технологий, обеспечивающих физическое существование людей, было сопряжено с формированием представлений о благополучии и мире, как альтернативе войне, так как переход к земледелию гарантировал прирост населения при наличии годных к сельскому хозяйству (земледелию и скотоводству) территорий, а их ограниченность порождала войны. Переход к индустриальной технологии принципиально ничего не изменил, так как благополучие социальной системы стало зависеть от наличия естественных, исчерпаемых ресурсов. В таких условиях логичным,

но недостаточным было принятие негативной концепции мира, как существования без войны.

Всё изменилось с переходом индустриальной технологии в позднеиндустриальную фазу. Усложнившаяся технология для успешного своего функционирования и обслуживания безопасности людей требует другого ресурса, который не связан с территорией, не связан с невозобновляемыми ресурсами; этот ресурс – интеллектуальные компетенции. Безопасность общества, которая гарантирует и безопасность индивидуума, начинают находиться в зависимости от того, в какой мере реализуются способности людей.

Переход к информационной технологии, последняя волна глобализации, связанная с этим процессом, привели к пониманию того, что наиболее важным ресурсом, позволяющим своевременно реагировать на угрозы и обеспечивать безопасность социуму и индивидуумам, помимо интеллектуальных компетенций, являются ценности, продуцируемые культурными системами, и аккумулируемые культурой. Жизненные стратегии, идеалы и ценности, культивируемые в различных социальных системах, являются стратегическим запасом человечества, который позволяет извлекать эти готовые паттерны в быстро меняющемся и взаимозависимом мире. Сопряжение этих различных культурных стратегий в одном общественном организме позволяет смягчать риски от интенсивного развития технологий. Поэтому ядром концепции мира третьего поколения стали принципы интеркультурности, ориентированные на признание личностного, культурного и ценностного разнообразия. Один из авторов концепции интеркультурного мира, швейцарский философ Э. Холенштейн [22] предложил целых 12 принципов межкультурных взаимодействий. Их можно предлагать больше или меньше, но все они так или иначе должны гарантировать не только физическую безопасность человека и общества, но и экзистенциальную безопасность, которая только и может гарантировать в условиях глобального мира (world) выживание человечества – мир (peace).

Понятие *экзистенциальной безопасности* ввёл в науку американский социолог и политолог Роналд Франклин Инглхарт. По мысли Инглхарта, культура конкретного общества формируется представлениями у людей о том, насколько гарантировано

или нет выживание [23]. Понятие экзистенциальной безопасности у Инглхарта имеет комплексный и системный характер и включает в себя в первую очередь физический и экономический аспекты. Необходимость преодолеть повышенные риски летального характера для общественной группы требует усиления внутригрупповой солидарности и культивирования агрессивности по отношению в чужим, по отношению к инородным претендентам на отсутствующий или недостаточный ресурс. Ощущение или осознание отсутствия физической безопасности вследствие нехватки пищи или другого жизненного ресурса (воды, территории), таким образом, способствует росту ксенофобии, склонности к авторитаризму и другим механизмам защиты индивидуума и группы. Рост продолжительности жизни, рост популяции, обеспеченные экономическим состоянием и эффективными механизмами регулирования социальных взаимодействий, снижающих опасность для индивидуума от внутригрупповой преступности, социального неравенства и агрессии извне, способствуют формированию лояльности к чужим, открытости новым идеям и более демократичным нормам. При этом, новые идеи имеют двоякое влияние на жизнеспособность группы: с одной стороны, они расшатывают солидарность и сплоченность группы, способствуя дисперсии и даже распаду консолидирующих ценностей, тем самым снижая сопротивляемость группы опасностям и рискам; с другой – новые идеи повышают адаптивную способность группы, являясь источником инноваций.

В силу того, что по мере совершенствования хозяйственных технологий общество становится все более интегрированным, безопасность индивидуума (включающая такие аспекты, как продолжительность жизни, физическое здоровье, реализация потенциала) всё в большей степени зависят от устойчивости и регулятивных свойств социальной системы. Опасности и риски, угрожающие существованию индивидуума, связаны со способностью расширенной группы противостоять факторам, дестабилизирующим и разрушающим группу, поэтому ощущение безопасности также включает в себя такие стороны жизни человека как когнитивная безопасность – защищённость индивидуума от внушения деструктивных форм поведения, а также защищённость от дестабилизирующих ценностей и идеологий.

Способность группы обеспечивать безопасность своим членам и противостоять внешним угрозам связана также и со способностью производить адаптационные средства – новые технологии, социальные институты и социальные идеалы. В глобальном мире выживаемость и благополучие индивидуума находятся в тесной зависимости не от группы, а от состояния социальной системы и её способности давать ответы на вызовы среды. В свою очередь способность реагировать на быстро сменяемые угрозы несовместима с догматичностью, консерватизмом и автаркией, поэтому в таком мире (world) необходимо должны утверждаться ценности, которые Инглхарт назвал постматериальными. Он называет главной чертой современности «сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью ещё более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения» [23, с. 20]. Сдвиг в ценностном поле от ценностей коллективизма к ценностям индивидуализма получил реализацию, помимо давно стоящих в повестке дня – прав меньшинств, прав на самореализацию и т. д., в появлении в паксологическом дискурсе понятия мальtrato, обозначающего различные формы психологического насилия от грубого издевательства до мягкой индоктринации [24]. Концепт мира в современном мире становится все более объёмным, всё более комплексным [25], включая в себя разнообразные аспекты человеческого бытия – свойства социальной среды и условия существования человека, способствующие реализации человеческого потенциала, который в свою очередь всё больше востребован в условиях фазового перехода из одной общественной системы в другую.

Заключение. Анализ существующих подходов к концепту мира заставляет отказаться от исследования войны в целях её предотвращения и обратиться к альтернативным подходам, предоставляемым современной наукой. Это, во-первых, парадигмальные основания постнеклассической науки, в фокусе исследований которых находятся динамические объекты. Динамический характер социального бытия предпола-

гает, что мир не может быть определён как данность, и поэтому в основе паксологических исследований должен лежать принцип прелиминарности. Во-вторых, ни политология, ни конфликтология, ни полемология не обладают достаточными методологическими ресурсами, поэтому необходимо сосредоточить исследовательские усилия в русле паксологии – исследовании тех параметров общества, которые могут быть определены как мир.

Очевидно, что в условиях социальных трансформаций безопасность индивидов и общества все в большей степени зависит не от материальных ресурсов, а как раз от способностей формировать ценности постматериализма и от способности ставить цели деятельности, исключающие условия для насилия и угроз безопасности. Инглхарт не ставил цели исследовать и разработать концепт мира, но он обнаружил и обосновал динамический характер ценностей и обосновал основное направление социальной эволюции – от автаркии к открытости и от материальных ценностей к постматериальным. В-третьих, всё большая роль ценностей в формировании траекторий развития предполагает, что в основе теоретических конструкций мира должен лежать принцип телеологизма, который подразумевает целенаправленность социального конструирования реальности.

Под *экзистенциальной безопасностью* следует понимать субъективное ощущение у субъекта – индивидуума или группы, отсутствия естественных (природных) и социальных (являющихся продуктами социальных взаимодействий) факторов, *приводящих к снижению адаптивной способности общества*. Причём в цифровом мире адаптивная способность общества зависит не столько от материальных факторов, сколько от когнитивных и ментальных свойств и качеств человеческой личности. Именно этим объясняется зафиксированный социологами аксиологический сдвиг современности. Концепция экзистенциального мира заключается в понимании мира как условий, обеспечивающих своевременное формирование ценностей, свойств и качеств личности, повышающих адаптивные функции социальной системы.

Список литературы

1. Капто А. С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. М.: Политиздат, 1990. 431 с.
2. Капто А. С. Энциклопедия Мира. 2-е изд., уточн. и доп. М.: Книга и бизнес, 2005. 707 с.

3. Капто А. С. Паксология – научная дисциплина о мире // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 3. С. 36–47.
4. Борисов С. Н., Боянич П., Варава В. В., Мелешко Е. Д., Назаров В. Н., Римский В. П. Философия войны и мира, насилия и ненасилию Монография / под ред. В. П. Римского. М.: Академический проект, 2019. 462 с.
5. Карпова А. Интеркультурный мир. Концептуальная аппроксимация // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 17–26.
6. Карпова А., Мья Торрес Р. Иренология и состояние изучения интеркультурного мира // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 4. С. 74–85.
7. Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2. С. 64–73.
8. Воркунова О. А. Теоретико-методологические аспекты исследований проблем мира и конфликтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 4. С. 24–40.
9. Айзятков, Ф. А., Бутова Ю. В. Летальная игра XXI в.: разоружение или война? // XXI в. Человек и окружающий мир. 2018. № 1. С. 18–25.
10. Спиноза Б. Политический трактат. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf (дата обращения: 03.03.2023). Текст: электронный.
11. Кант И. К вечному миру. Философский проект: соч.: в 8 т. М.: Наука, 1994. Т. 7. 376 с.
12. Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. No. II. P. 205–235.
13. Singer D. Vers une science de la politique internationale: perspectives, promesses et resultats. Текст: электронный // Analyse des relations internationales. Ap-proches, concepts et donnees. Montreale, 1987. 292 p. URL: https://19f1e703-12fe-47e7-a98b-59d83fafbaf2.filesusr.com/ugd/f9770f_1ebe93dc34244c7eaff34b9cd828f365.pdf?index=true (дата обращения: 12.03.2023).
14. Bouthoul G. Cent millions de morts. Paris: Sagittaire, 1946. 320 p.
15. Голубев Д. С. Попытка институционализации междисциплинарных исследований в области урегулирования конфликтов: «мичиганская группа» и «исследования мира» в 1950–1960-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 6, вып. 2. С. 261–272.
16. Bouthoul G., Carrère R. Le défi de la guerre (1740–1974), deux siècles de guerres et de révolutions. Paris: PUF, 1976. 224 p.
17. Bouthoul G., Carrere R., Annequin J.-L. Guerres et civilisations (de prehistoire a l'ere nucleo-spatiale). Paris, 1980. URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/S0250569X00003101a.pdf> (дата обращения: 21.03.2023). Текст: электронный.
18. Dasgupta S. Peacelessness and Maldevelopment: A New Theme for Peace Research in Developing Nations // Proceedings of the International Peace Research Association Second Conference. Assen, The Netherlands: Koninklijke Van Gorcum & Comp. 1968. Vol. 2. P. 19–42.
19. Galtung, Johan. Violence, Peace and Peace Research. Текст: электронный // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, no. 3. Sage Publications, Ltd. pp. 167–191. URL: <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp> (дата обращения: 03.03.2023).
20. Small M., Singer D. J. The War Proneness of Democratic Regimes, 1816–1965 // Jerusalem Journal of International Relations. 1976. No. 1. P. 50–69.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
22. Hostenstein Elmar (2003). Una docena de reglas de buen cubero para evitar malentendidos interculturales. Текст: электронный // Polylog: Foro para filosofia intercultural 4. URL: <http://them.polylog.org/4/ahe-es.htm> (дата обращения: 03.03.2023).
23. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. / пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой, науч. ред. Э. Д. Панарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
24. Iborra Marmolejo I. Maltrato de personas mayores en la familia en Espana. Valencia: Fundacion de la Comunitat Valenciana para el Estudio de la Violencia, Centro Reina Sofia, 2008. 182 p.
25. Morgan T. Peace as a composite indicator: the goals and future of the Global Peace Index // Пути к миру и безопасности. 2021. No. 2. С.43–56.

Информация об авторе

Плебанек Ольга Васильевна, доктор философских наук; Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского Экономического союза; 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 14/1; plebanek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>.

Для цитирования

Плебанек О. В. Мир как экзистенциальная безопасность: концепция мира третьего поколения // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 112–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-123.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 22.04.2023.

References

1. Kapto, A. S. Philosophy of the world: origins, trends, prospects. M: Politizdat, 1990. (In Rus.)
2. Kapto, A. S. Encyclopedia of the World: 2nd ed., updated and extended. M: Book and Business, 2005. (In Rus.)
3. Kapto, A. S. Paxology – a scientific discipline about peace. SEARCH. Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture, no. 3, pp. 36–47, 2017. (In Rus.)
4. Philosophy of war and peace, violence and nonviolence. S. N. Borisov, P. Boyanich, V. V. Varava, E. D. Meleshko, V. N. Nazarov, V. P. Rimsky, etc.; Edited by V. P. Rimsky. M: Academic Project, 2019. (In Rus.)
5. Karpova, A. The intercultural world. Conceptual approximation. Bulletin of the Udmurt University, vol. 25, issue 1, pp. 17–26, 2015. (In Rus.)
6. Karpava, A., My Torres R. Irenology and the state of the study of the intercultural world. Bulletin of the Udmurt University, vol. 26, issue. 4, pp. 74–85, 2016. (In Rus.)
7. Efimets, M. A. “The world” as a universal cultural and civilizational concept. Bulletin of MGUKI, no. 2. pp. 64 – 73, 2020. (In Rus.)
8. Vorkunova, O. A. Theoretical and methodological aspects of peace and conflict research. Vestnik MGLU. Social sciences, issue 4, pp. 24 – 40, 2019. (In Rus.)
9. Aizatov, F. A., Burova Yu. V. The game of Lethal XXI century.: disarmament or war? In XXI century. A Man and the world around him, no. 1, pp. 18–25, 2018. (In Rus.)
10. Spinoza, Benedict Political treatise. Web. 03.03.2023. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Spinoza_P_tr.pdf. (In Rus.)
11. Kant I. To eternal peace. Philosophical project. Collected Works in 8 vols. Vol. 7. M., 1994. (In Rus.)
12. Doyle, M. U. Kant, Liberal heritage and international relations. Philosophy and Social Relations, I, II (12), pp. 205–235, 323–353. 1983. (In Engl.)
13. Singer, D. Fundamentals of international politics: prospects, failures and results. B. Koani et al. Analyze international relations. Approaches, concepts, and so on. Montreal, 1987. (In Engl.)
14. Butul, G. Millions of deaths. Paris: Sagittarius, 1946. (In Engl.)
15. Golubev, D. S. An attempt to institutionalize interdisciplinary research in the field of conflict resolution: “The Michigan group” and “peace studies” in the 1950s and 1960s. Bulletin of St. Petersburg University, vol. 2, pp. 261–272, 2009. (In Rus.)
16. Butul, G., Carrer, R. War hero (1740–1974), two eras of wars and revolutions. Paris: PUF, 1976. (In Engl.)
17. Butoul, G., Carrere, R., Anneken, J.-L. Guerra and civilization (on prehistory and nuclear spatial development). Paris, 1980. (In Engl.)
18. Dasgupta, S. Peacefulness and uneven development: a new topic for peace research in developing countries. Proceedings of the second conference of the International Association for Peace Research. Assen, The Netherlands: Koninklijke Van Gorcum & Comp, 1968. Vol. 2. Pp. 19–42. (In Engl.)
19. Galtung, Johan. Violence, Peace and Peace Research. Journal of Peace Research, vol. 6, no. 3, pp. 167–191, 1969. Web.03.03.2023. (In Engl.)
20. Small M., Singer D. J. The tendency of democratic regimes to war, 1816–1965. Jerusalem Journal of International Relations, no. 1, pp. 50–69, 1976. (In Engl.)
21. Huntington S. Clash of Civilizations; Translated from English by T.Velimeeva, Yu.Novikova. M: AST Publishing House LLC, 2003. (In Engl.)
22. Holenstein Elmar. Una docena de reglas de buen cubero para evitar malentendidos interculturales. Polylogue: Forum on Intercultural Philosophy 4. 2003. Web.03.03.2023. <http://them.polylog.org/4/ahe-es.htm>. (In Spanish)
23. Inglehart, R. Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world. Transl. from English by S. L. Lopatina. M: Thought, 2018. (In Rus.)
24. Iborra Marmolejo I. Maltrato about the person-mayors in the family of Spain. Valencia: Valencia Community Foundation at the Academy of Violence, Queen Sofia Center, 2008. (In Engl.)
25. Morgan, T. The world as a composite indicator: goals and the future of the Global Peace Index. Paths to peace and security, no. 2, pp. 43–56, 2021. (In Engl.)

Information about author

Plebanek Olga V., Doctor of Philosophy; University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC; 14/1 Smolyachkova st., St. Petersburg, 194044, Russia; plebanek@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>.

For citation

Plebanek O. V. The World as Existential Security: The Concept of Peace of the Third Generation // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 112–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-112-123.

**Received: March 10, 2023; approved after reviewing April 19, 2023;
accepted for publication April 22, 2023.**

Научная статья

УДК 159.64

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132

Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ

Оксана Александровна Полюшкевич

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

Актуальность работы в изучении воздействия просоциальных практик на социальную солидарность общества после пандемии COVID-19. Цель исследования – обоснование явления просоциальных практик и процессов социальной солидарности в условиях пандемии. Методами исследования стали электронные дневники участников просоциальных практик и их публикации в социальных сетях о том, в каких именно мероприятиях они приняли участие. В результате исследования нами установлено, что снижение привычной активности привело к желанию искать дополнительную активность, её основными мотивами являются четыре ключевых смысла просоциальной активности (забота о других, участие в социально полезных действиях, возможностью делиться своим опытом и знаниями, сформировать социальный капитал, быть полезным и нужным другим людям). Среди просоциально активных людей выявлен высокий уровень доверия правительству, который сформировался во время пандемии и продолжается и поныне как внутренняя уверенность в правильности принимаемых решений на любом уровне, при этом страх как социальное явление, оформившееся во время начала пандемии, сейчас продолжается, но трансформируется в новые уровни и формы тревожности. Подчёркивается ключевая роль негативных эмоциональных переживаний и эмоционального напряжения, противовесом (борьбой) с которыми стало участие в просоциальных практиках, делается акцент на усилении лучших и худших качеств личности в условиях пандемии и участие в просоциальной деятельности, это либо усиливает положительные, либо сглаживает отрицательные качества. Автор приходит к заключению, что образование и здоровье важнее потребления – это определяет формат новых смысложизненных ориентиров участников просоциальных практик. Новизна данного исследования в выводе, что следствием новых условий жизни после пандемии становятся альтернативные модели поведения, новые смыслы жизни и жизненные сценарии. Перспективой дальнейших исследований является мониторинг более удалённых по времени последствий пандемии COVID-19, их воздействия на социальную идентичность и солидарность сообществ.

Ключевые слова: просоциальные практики, солидарность, солидарность сообществ, последствия пандемии, коллективное посредничество, социальное взаимодействие

Original article

The Consequences of the Pandemic: Pro-Social Practices and Community Solidarity

Oksana A. Polyushkevich

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

okwook@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>

The relevance of the work is in studying the impact of pro-social practices on the social solidarity of society after the COVID-19 pandemic. The purpose of the study was pro-social practices and processes of social solidarity in a pandemic. The research methods were electronic diaries of participants in pro-social practices and their publications on social networks about which events they took part in. As a result of the study, we found that a decrease in habitual activity led to a desire to seek additional activity, its main motives are four key meanings of prosocial activity (care for others, participation in socially useful activities, the opportunity to share one's experience and knowledge, form social capital, be useful and needed by other people). Among pro-socially active people, a high level of trust in the government has been established, which was formed during the pandemic and continues to this day as an internal confidence in the correctness of decisions made at any level, while fear as a social phenomenon that took shape during the start of the pandemic now continues, but is transforming into new levels and forms of anxiety. The key role of negative emotional experiences and emotional stress is emphasized, the counterbalance (struggle) against which was participation in prosocial practices, emphasis is placed on strengthening the best and worst qualities of a person in a pandemic and participation in prosocial activities, this either enhances positive or smooths out negative qualities. It is also concluded that education and health are

© Полюшкевич О. А., 2023

more important than consumption, this determines the format of new meaningful life guidelines for participants in pro-social practices. The novelty of this study lies in the conclusion that the consequence of the new living conditions after the pandemic are alternative behaviors, new meanings of life and life scenarios. The prospect of further research is to monitor the more distant consequences of the COVID-19 pandemic, their impact on social identity and community solidarity.

Keywords: prosocial practices, solidarity, community solidarity, pandemic effects, collective mediation, social interaction

Введение. В период социальных трансформаций в обществе происходит столкновение с новыми вызовами, старые институты рушатся, новые не находят поддержки. Но также стоит признать и тот факт, что есть социальные практики, которые только усиливают свою значимость, актуальность и востребованность. К последним можно отнести просоциальные практики – практики, ориентированные на интересы других, которые осуществляются как общественными организациями, волонтерами, так и отдельными людьми, не состоящими в организованных формах социальной активности. Активизация их деятельности приводит к усилению процессов солидарности в отдельных сообществах и обществе в целом.

Пандемия показала, насколько люди и сообщества могут мобилизоваться в период ограничений и общего социального напряжения. С увеличением ограничений для людей, возросла готовность проявлять себя, вовлекаться в различные практики, которые позволяют заявлять о себе, ощущать собственную нужность и избегать одиночества. Деятельность (а особенно – деятельность во благо других) помогает избавиться или уменьшить собственные страхи, расширить представления о собственных возможностях и перспективах социального развития.

При этом общественные организации формируют экспертные оценки и предлагают практикоориентированные технологии социального партнёрства и взаимодействия, новые технологии демонстрации гражданской активности. Именно благодаря их опыту можно более легко и комфортно преодолеть социальные кризисы. Эти аспекты раскрыты в работах разных авторов. Роль и место общественных организаций в меняющемся цифровом региональном мире нашло отражение в трудах П. А. Трескина [1; 2], модели легитимации человеческих ресурсов, способствующих региональному развитию, социальной идентичности и солидарности граждан отражены в исследованиях А. Н. Пружинина и А. Ю. Поджидаевой [3], Е. Р. Ярской-Смирновой и О. А. Бодровой [4], И. В. Мерсия-

новой и Н. В. Ивановой [5] и других. В работах автора [6; 7] отражены особенности просоциальных практик в публичных местах городов, что способствует консолидации сообществ. Воздействие пандемии COVID-19 на поведение россиян отражено в исследованиях Р. Г. Ардашева [8; 9], Т. В. Семиной и А. А. Тыртышный социальная солидарность и конфронтация [10], В. А. Плотнокова [11], Г. А. Цветковой [12], влияние на массовое сознание в период пандемии раскрыто в исследовании Ю. В. Козловой, И. А. Савченко и А. М. Гороховой [13], Р. В. Иванова о мобилизационной солидарности [14; 15], общемировые процессы раскрываются в работах А. К. Chakraborty [16], A. S. Shaw, J. Gans [17; 18] и психического состояния граждан во время пандемии Ю. П. Зинченко [19], N. Das [20], L. A. Coser [21], M. A. Mamun & M.D Griffi [22], C. Martin-Fumadó, E. L. Gómez-Durán, J. Benet-Travé, E. Barbería-Marcailain, J. Arimany [23], N. Montemurro [24], K. Shah, D. Kamrai, H. Mekala, B. Mann, K. Desai, & R. S. Patel [25], G. Stankovska, I. Memedi & D. Dimitrovsk [26].

Основным лейтмотивом развития нашего исследования стало то, что стоит за готовностью людей вовлекаться в социальные интеракции, какие процессы способствуют созданию сети эмпатического взаимодействия, а что тормозит эти контакты. И главное, как проявлениями личной и социальной активности, можно управлять для продуктивного социального развития.

Методы и материалы исследования. Логика работы строилась на изучении просоциального поведения людей ставших волонтерами общественных организаций в период пандемии. Цель исследования – рассмотреть явление просоциальных практик и процессы социальной солидарности в условиях пандемии. Мы стремились выяснить, что толкает людей в условиях внешних ограничений, рисков для здоровья вступать в социальное взаимодействие между собой и оказывать поддержку другим, что их консолидирует внутри сообществ и что мотивирует заниматься подобной деятельностью не разово, а на регулярной основе.

Для этого попросили волонтеров общественных организаций заполнить электронные дневники, в которых рассматривались различные стороны мотивации и регулярного возвращения к просоциальному поведению в условиях пандемии, анализу того, что с ними происходило в период их участия в качестве волонтеров в деятельности общественных организаций. Участники исследования фиксировали свои эмоции, мысли, действия, которые происходили перед, во время и после их участия в просоциальном действии. Дневники они заполняли на протяжении полугода. Всего было роздано 350 дневников, но пригодными для анализа осталось 265.

Также мы использовали метод контент-анализа публикаций, фото и видеоанализа материалов со страниц в социальных сетях, в которых отражались бы мотивы и результаты участия людей в просоциальных практиках. Всего проанализировали 350 персональных профилей, из которых мы взяли 1865 постов или сообщений о просоциальных практиках.

Респонденты для исследования подбирались из общественных организаций на территории России, данные которых либо были предоставлены руководителями НКО, либо находились в открытом доступе на страницах социальных сетей самих участников. Критерии выбора участника исследования:

1) Вступление в реализацию социальных проектов общественных организаций или общественных инициатив во время пандемии COVID-19.

2) Регулярное участие в подобных мероприятиях (не менее трех событий (просоциальных практик) за полгода.

3) Фиксация своей деятельности либо на сайте общественной организации, либо на собственной странице в социальных сетях.

Выделенные критерии сузили целевую аудиторию исследования, что позволило более точно и ёмко определить ключевые инструменты активизации участия в просоциальной деятельности и создания сети взаимодействия, способствующей социальной солидарности общности.

Результаты исследования. Снижение привычной активности из-за ограничения свободы передвижения стало основанием для 54 % опрошенных искать дополнительные формы социальной активности, кото-

рые в последствии вылились в просоциальные практики. Освобождение в повседневной жизни от каких-то действий в силу ограничения пребывания в публичных местах, форма и время обучения привели к высвобождению времени, которое для более чем половины будущих социальных активистов заполнилось новыми смыслами. Среди которых – основное место принадлежало к заботе о других (22 %), участию в социально полезных действиях (21 %), возможностям поделится своими знаниями, навыками, опытом (19 %), возможностями выстроить новые знакомства и возможности для личного и социального развития – сформировать социальный капитал (17 %).

Доверие правительству как к основному актору борьбы с пандемией – стало важной чертой для всех участников просоциальных практик во время пандемии (57 %). Более того, сейчас сохраняется доверие и согласие с действиями властей (55 %). Иными словами, решения, принятые в период непростых условий – становятся устойчивыми убеждениями и определяют мироощущение и мировосприятие россиян.

При этом присутствует страх как социальное явление. Во время пандемии он связан с утратой чувства уверенности, уверенности в себе (37 %), в политике государства (33 %), в экономике (30 %). Средством борьбы со страхом выступает желание быть полезным и нужным другим людям (21 %) – это ещё один смысл (мотив) вовлечения в просоциальную деятельность.

Также активно конструировались негативные эмоциональные переживания, которые компенсировались целенаправленными действиями в рамках просоциальной активности (как стратегия социальной и психологической реабилитации и адаптации к новым условиям жизни). Респонденты указывали на такие эмоциональные переживания негативного толка как страх (46 %), тревожность (52 %), что усиливало социальное напряжение. Растерянность (65 %) из-за того, что нет четкого понимания – что и как дальше будет развиваться. Появление реальных простых и понятных решений – что нужно делать прямо сейчас (участвуя в просоциальных практиках), позволяло им быть более уверенными в себе и в окружающем мире.

Эмоциональное напряжение также возросло в связи с изменениями рынка труда (49 %), начиная от сокращения рабочих

мест, заканчивая трансформацией формы и условий работы (дистанционная занятость, виртуальная занятость и пр.). У части населения появились трудности с выплатой кредитов и иных социальных обязательств, возникли ограничения в приобретении товаров первой необходимости и т. д., что также разрушало привычную картину мира, единственным оплотом стабильности в которой были простые действия в рамках волонтерской деятельности, как специально организованной, так и осуществляемой по личной инициативе в кругу своих знакомых людей.

Эти процессы заставляют отбрасывать многие социальные маски и показывать то, что есть у каждого внутри (66 %), позволяя лучшим и худшим качествам проявляться, помогать друг другу или соперничать. Участие в просоциальной деятельности становится поводом либо подчеркнуть, усилить эти позитивные качества (43 %), либо сгладить негативные, компенсировав их социальным служением и социальной активностью (48 %).

Иными словами, базовые импульсы для вовлечения в просоциальную деятельность могут быть отличными, но по факту – они выступают сильным мотивом для социальной активности. Последующая публикация постов и общей информации о проектах, в которых приняли участие респонденты – отражает внешнюю сторону и сферу их интересов, а не указанные изначально мотивы вступления в её.

Образование и здоровье важнее потребления в критериях оценки успеха и реализации опрошенных россиян. Но недооценка последнего также не уместна.

Говоря о том, что им даёт просоциальная деятельность, респонденты указывали на новые знания, навыки, опыт (54 %), что позволяет им расширить свои образовательные возможности, а в последующем сформировать социальный капитал, который определит новые возможности для карьеры (41 %) и личной реализации (37 %).

Вторым показателем является ценность здоровья (49 %) – как физического, так и психологического. Это важно, так как помогает быть уверенным и успешным (37 %), но становится еще более важным ресурсом в условиях пандемии, когда может пошатнуться под влиянием внешнего воздействия вируса (46 %).

На этом фоне потребление становится вторичным критерием успеха (33 %). Но важность его проявляется в косвенных элементах. Например, на какой телефон засняты фото- и видеоматериалы с участием в просоциальных акциях, в какой одежде в кадре и за кадром главный герой, какие у него дополнительные аксессуары статуса и престижа имеются (часы, ключи от машины, ноутбук и пр.). Пандемия изменила фокус внимания, но не искоренила инструменты экономической социализации, экономических притязаний и символы социального престижа.

Анализируя публикации респондентов, включённых в просоциальные практики мы выявили несколько смыслов публикаций. Их активность в разнообразных просоциальных практиках:

1) нужна всему обществу, так как помогает выработать новые условия и формы для социальной консолидации и обозначить новые ориентиры для социальной идентичности;

2) нужна каждому человеку как личная стратегия развития (новые смыслы жизни);

3) нужна для того, чтобы отрабатывались новые модели поведения. Снимались социальные проблемы (т. е. отсылка к реальным действиям, которые по факту меняют ситуацию в конкретной сфере, у отдельных людей и пр.).

В таблице представлен контент-анализ публикаций участников исследования, позволяющий выявить основной контекст значимых моментов и символов просоциальной активности во время пандемии и после её.

Только половина материала о реальном участии отдельных людей, сообществ и движений в реализации какого-либо проекта отражена на личных страницах, основная часть информации отражена на официальных страницах организаций организаторов тех или иных мероприятий с указанием реальных фамилий участников проектов. Новостные издания до 15 % информации могут разместить у себя о планируемых или уже прошедших мероприятиях, с указанием имен ключевых организаторов, но не рядовых исполнителей. Этого недостаточно, чтобы раскрывать суть просоциальной активности, но этого достаточно чтобы показывать особенности потенциала медиапространства в формировании новых механизмов социальной идентичности и социальной сплочённости сообществ.

Контент-анализ публикаций о просоциальных практиках, в которых приняли участие респонденты (в %)

Содержание поста	Источник	Когнитивная нагрузка	Эмоциональная нагрузка	Поведенческая нагрузка
Информация о проведенном мероприятии – 22 %	Личные посты – 23 % Официальные страницы НКО – 62 % Новостные сторонние издания – 15 %	Информирование о сути мероприятия, мотивы, последствия, статистика	Актуализация социальных последствий при решении вопроса, упор на эмоции	Фиксация того, кто принял участие, акцент на их гражданской ответственности и осознанности
Информация о планируемом мероприятии призыв к участию в виде волонтера или добровольца – 18 %	Личные посты – 10 % Официальные страницы НКО – 85 % Новостные сторонние издания – 5 %	Актуальность проблемы, важность участия и особое подчеркивание последствий от участия людей	Обращение к эмпатии, соучастии, терпимости, доброте людей, готовности помогать тем, кому необходимо помочь	Фиксация что нужно сделать, куда и во сколько прийти
Информация о регулярных мероприятиях и изменении ситуации в проблемной сфере или отрасли – 25 %	Личные посты – 8 % Официальные страницы НКО – 85 % Новостные сторонние издания – 7 %	Статистика, аналитика, экспертные оценки о вкладе человека или организации в решении данного вопроса, подкрепление информации фото и видео материалами	Подчеркивание собственной роли и значимости в решении проблемы через регулярные мероприятия, скрытая и явная реклама, призыв к соучастию в данных проектах в будущем	Фиксация, где и кого можно узнать информацию о ближайших мероприятиях
Личная история волонтера, его мотивация, участие и результаты его усилий – 12 %	Личные посты – 50 % Официальные страницы НКО – 38 % Новостные сторонние издания – 12 %	Фиксация жизнеописания отдельного человека, который может стать примером (героем) для др.	Что побудило (личные мотивы), внешние условия и полученный результат. Подчеркивание проблем, преград, разочарований, но веры в себя и победы в конце	Информация о том, где узнать более подробную информацию, оказать посильную помощь или войти в сообщество
Информация о необходимой материальной помощи (сбор финансов или вещей) – 23 %	Личные посты – 13 % Официальные страницы НКО – 75 % Новостные сторонние издания – 12 %	Для кого, почему и в каком размере нужна	Через эмоциональные маркеры подчеркивание сложной жизненной ситуации, проблема или процесса	Фиксация времени и места сбора средств или любой другой помощи

Обсуждение результатов исследования. Следствием новых условий жизни после пандемии становятся альтернативные модели поведения, новые смыслы жизни и жизненные сценарии. Не у всех есть возможность соблюдать все требования по безопасности здоровья, обучения новому и по-новому, мобильности и встраиваемости в новые условия работы. Если государство не создаст условия для общего равенства в доступе к медицине, образованию, культуре и т. д. то мы сформируем новые условия для социальной стратификации и общественного разделения. То, от чего уходили полтора столетия – вернется за на несколько лет.

Это приводит к сложностям мобилизации и ограничения уверенности людей в том, что они смогут что-то изменить. Социальные проблемы, которые проявились во время пандемии не исчезнут в одночасье после её завершения – они перейдут на новый уровень и уже станут частью новой реальности. Поэтому, имея опыт и навык внутригруппового взаимодействия через просоциальные практики, формируется механизм социального преодоления сложных и противоречивых задач общественного развития.

Коллективное посредничество вскрыло проблемные зоны на институциональном уровне, не так чётко проявленные до пандемии. Это выразилось в неэффективности взаимодействия общественности, власти, бизнеса в сфере образования, здравоохранения, безопасности и т. д.

При всех ограничениях и разрушениях социального пространства, вопросы интеграции и консолидации на новых условиях и в новых формах также очевидны. Просоциальное поведение отдельных индивидов и организованных сообществ даёт надежду на восстановление естественных условий социального воспроизводства, основанных на взаимоучастии и поддержке, а не только на конкуренции и выживании.

Коллективное посредничество выступает формой просоциального поведения на институциональном уровне. И позволяет регулировать противоречивые вопросы функционирования различных социальных институтов в новых условиях (религии, образования, здравоохранения, безопасности и т. д.). Индивидуальное или групповое участие в решении социальных вопросов позволяет раскрыть потенциал просоциаль-

ного поведения на мезо- и микрогрупповом уровне взаимодействия.

Решение многих социально острых вопросов лежит в сфере взаимодействия с гражданами разных социальных институтов через просоциальные практики. Это может ещё больше укрепить процессы социальной солидарности в период пандемии и после неё.

Заключение. Общественные организации, благодаря организованным просоциальным практикам, стали значительно большей силой общественных движений, чем сила протестных акций. Они становятся условием реализации коллективных действий и формируют новые условия развития солидарности. Не только на личном уровне (индивидуальной ответственности), но и на уровне социального взаимодействия в общественных организациях расширяется старый канал социального участия, но в новых условиях и по новым принципам. Поэтому пандемия COVID-19 стала рычагом для социальных трансформаций, так как социальные изменения не происходят сами по себе, а рождаются либо из самого общества, либо насаждаются властью в переломные моменты. СМИ способствуют выстраиванию нового открытого диалога между всеми членами сообщества.

Несмотря на всю сложность ситуации с пандемией – именно благодаря ей, стали вырабатываться альтернативные стимулы и модели адаптации к новым условиям, интеграции в новые сообщества, реализации просоциальных практик и развития социальной солидарности на новых условиях. Государство и гражданское общество, благодаря объединению своих ресурсов, могут, развивая просоциальные практики, сформировать новые условия и потребности новых поколений россиян, что в будущем станет основой новой мировоззренческой философии. Совместная работа между разными институтами становится фактором сближения.

Таким образом, просоциальные практики во время пандемии стали формами коллективных действий, которые меняют социетальную «ткань» общественного развития. И если не принимать мер по социальной интеграции сейчас – завтра мы получим общество, разобщённое по принципиально новым основаниям. Просоциальные практики могут мягко регулировать эти процессы, но и они будут бесполезны, если не будет

оказываться поддержка со стороны правительства.

Как показывала история большие человеческие потери в результате войн или болезней становились стимулом для реформ

и перестройки общества, альтернативных смыслов коммуникации и социального взаимодействия, принципиально новых условий социальной солидарности. Что мы, собственно, сейчас и наблюдаем.

Список литературы

1. Трескин П. А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.
2. Трескин П. А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
3. Пружинин А. Н., Поджидаева А. Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
4. Ярская-Смирнова Е. Р., Бодрова О. А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021. № 24. С. 45–78. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.3.
5. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1705.
6. Полюшкевич О. А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан // Социология. 2020. № 2. С. 299–305.
7. Полюшкевич О. А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
8. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
9. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 70–74.
10. Семина Т. В., Тыртышный А. А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Политика и право. 2020. № 7. С. 11–20.
11. Плотников В. А. Пандемия COVID-19 и поведение россиян: некоторые наблюдения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 2. С. 19–23.
12. Цветкова Г. А. Пандемия и поведение россиян: социологический срез // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 4. С. 72–81. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-72-81.
13. Козлова Ю. В., Савченко И. А., Горохова А. М. Динамика массового сознания в период пандемии // Современные исследования социальных проблем. 2020, Т. 12, № 2. С. 182–203. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-182-203.
14. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
15. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
16. Chakraborty A. K., Shaw A. S. Viruses, Pandemics, and Immunity. URL: <https://mitpress.mit.edu/books/viruses-pandemics-and-immunity-1> (дата обращения: 10.03.2023). Текст: электронный.
17. Gans J. Economics in the Age of COVID-19. URL: <https://mitpress.mit.edu/books/economicsage-covid-19> (дата обращения: 10.03.2023). Текст: электронный.
18. Gans J. The Pandemic Information Gap. The Brutal Economics of COVID-19. URL: <https://mitpress.mit.edu/contributors/joshua-gans> (дата обращения: 10.03.2023). Текст: электронный.
19. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю. П. Зинченко. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 597 с.
20. Das N. Psychiatrist in post-COVID-19 era – are we prepared? // Asian Journal of Psychiatry. 2020. No. 51. P. 1–2.
21. Coser L. A. Social Conflict and the Theory of Social Change // The British Journal of Sociology. 1957. No. 3. P. 197–207.
22. Mamun M. A., & Griffiths M. D. First COVID-19 suicide case in Bangladesh due to fear of COVID-19 and xenophobia: Possible suicide prevention strategies. Текст: электронный // Asian journal of psychiatry. 2020. No. 51. URL: https://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/39609/1/1314514_Griffiths.pdf (дата обращения: 21.03.2023). DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102073.
23. Martin-Fumadó C., Gómez-Durán E. L., Benet-Travé J., Barbería-Marcalain E., Arimany Manso J. Liability claims in Spain post-COVID-19: A predictable scenario. Текст: электронный // Legal Medicine. 2020. Vol.

47. URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=2202> (дата обращения: 21.03.2023). DOI: 10.1016/j.legalmed.2020.101745.

24. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people // Brain, behavior, and immunity. 2020. No. 87. P. 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032.

25. Shah K., Kamrai D., Mekala H., Mann B., Desai K., & Patel R. S. Focus on mental health during the coronavirus (COVID-19) pandemic: applying learnings from the past outbreaks. Cureus. 2020. No. 12. P. 74–82.

26. Stankovska G., Memedi I., Dimitrovsk D. Coronavirus COVID-19 disease, mental health and psychosocial support. Society Register. 2020. No. 4. P. 33–48.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент; Иркутский государственный университет; 664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

Для цитирования

Полюшкевич О. А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 124–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 19.04.2023.

References

1. Treskin, P. A. Changing the place and role of non-profit organizations in the digital era. *Sociology*, no. 4, pp. 163–167, 2019. (In Rus.)
2. Treskin, P. A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region. *Sociology*, no. 1, pp. 352–357, 2020. (In Rus.)
3. Pruzhinin, A. N., Podzhidaeva, A. Yu. Legitimation models for the development of human resources of non-profit organizations. *Sociology*, no. 1, pp. 144–153, 2022. (In Rus.)
4. Yarskaya-Smirnova, E. R., Bodrova, O. A. Models of legitimation of non-profit organizations as providers of social services. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 24, pp. 45–78, 2021. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> (In Rus.)
5. Mersyanova, I. V., Ivanova, N. V. Is it difficult or easy to be a socially active person during a pandemic? Monitoring of public opinion: Economic and social changes, no. 2, pp. 340–361, 2021. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705> (In Rus.)
6. Polyushkevich, O. A. Everyday life of the public space of Irkutsk: social activity of citizens. *Sociology*, no. 2, pp. 299–305, 2020. (In Rus.)
7. Polyushkevich, O. A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space. *Sociology*, no. 4, pp. 129–135, 2021. (In Rus.)
8. Ardashev, R. G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society. *Sociology*, no. 1, pp. 79–86, 2022. (In Rus.)
9. Ardashev, R. G. Coronavirus pandemic as a strategy of irrational thinking: natural conditions and social framework. The problem of correlation between the natural and the social in society and man, no. 11, pp. 70–74, 2020. (In Rus.)
10. Semina, T. V., Tyrtysny, A. A. Social solidarity and confrontation during the COVID-19 pandemic: social and legal aspects. *Politics and Law*, no. 7, pp. 11–20, 2020. (In Rus.)
11. Plotnikov, V. A. The COVID-19 pandemic and the behavior of Russians: some observations. *Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies*, no. 2, pp. 19–23, 2020. (In Rus.)
12. Tsvetkova, G. A. The pandemic and the behavior of Russians: a sociological cross-section. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*, no. 4, pp. 72–81, 2020. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2020-4-72-81>. (In Rus.)
13. Kozlova, Yu. V., Savchenko, I. A., Gorokhova, A. M. Dynamics of mass consciousness during a pandemic. *Modern study of social problems*, no. 2, pp. 182–203, 2020. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-182-203>. (In Rus.)
14. Ivanov, R. V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk. *Sociology*, no. 5, pp. 145–151, 2020. (In Rus.)
15. Ivanov, R. V. Mobilization solidarity during a pandemic. *Sociology*, no. 4, pp. 92–105, 2021. (In Rus.)
16. Chakraborty, A. K., Shaw, A. S. *Viruses, Pandemics, and Immunity*. Web. 10.03.2023. URL: <https://mitpress.mit.edu/books/viruses-pandemics-and-immunity-1>. (In Eng.)
17. Gans, J. *Economics in the Age of COVID-19*. Web. 10.03.2023. URL: <https://mitpress.mit.edu/books/economics-age-covid-19>. (In Eng.)

18. Gans, J. The Pandemic Information Gap. The Brutal Economics of COVID-19. Web. 10.03.2023. URL: <https://mitpress.mit.edu/contributors/joshua-gans>. (In Eng.)
19. Psychological support of the COVID-19 pandemic. Ed. by Yu. P. Zinchenko. Moscow: Moscow University Press, 2021. (In Rus.)
20. Das, N. Psychiatrist in post-COVID-19 era – are we prepared? Asian Journal of Psychiatry, no. 51, pp. 1–2, 2020. (In Eng.)
21. Coser, L. A. Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, no. 3, pp. 197–207, 1957. (In Eng.)
22. Mamun, M. A., & Griffiths, M. D. First COVID-19 suicide case in Bangladesh due to fear of COVID-19 and xenophobia: Possible suicide prevention strategies. Asian journal of psychiatry, no. 51, 2020. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102073. (In Eng.)
23. Martín-Fumadó, C., Gómez-Durán, E. L., Benet-Travé, J., Barbería-Marcalin E., Arimany Manso J. Liability claims in Spain post-COVID-19: A predictable scenario. Legal Medicine, vol. 47, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.legalmed.2020.101745>. (In Eng.)
24. Montemurro, N. The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. Brain, behavior, and immunity, no. 12, pp. 74–82, 2020. (In Eng.)
25. Shah, K., Kamrai, D., Mekala, H., Mann, B., Desai, K., & Patel R. S. Focus on mental health during the coronavirus (COVID-19) pandemic: applying learnings from the past outbreaks. Cureus, no. 12(3), pp. 74–82, 2020. (In Eng.)
26. Stankovska, G., Memedi, I. & Dimitrovsk, D. Coronavirus COVID-19 disease, mental health and psychosocial support. Society Register, no. 4, pp. 33–48, 2020. (In Eng.)

Information about author

Polyushkevich Oksana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; okwook@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7924-9305>.

For citation

Polyushkevich O. A. The Consequences of the Pandemic: Pro-Social Practices and Community Solidarity // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 124–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132.

**Received: March 15, 2023; approved after reviewing April 17, 2023;
accepted for publication April 19, 2023.**

Научная статья

УДК 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-133-141

**Проблема самопонимания человека в эпоху вызовов
технологически развивающегося мира**

Ирина Васильевна Черникова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
chernic@mail.tsu.ru*

Сегодня в эпоху вызовов технонауки, когда НБИКС технологии позволяют трансформировать природу человека, актуализирована проблема: как применяя технологии улучшения человека, не потерять человека, как связаны тема природы человека и тема эволюции человека? На эти актуальные проблемы современности и отзывается статья. Достижения наук и технологий в изучении сознания, мозга, генов, эволюции человека, а также влияние, оказываемое НБИКС-технологиями на человека, программы совершенствования человеческой природы (Human Enhancement) актуализировали проблемы самопонимания человека. Цель исследования – выявить отличия установки нового гуманизма, трансгуманизма и постгуманизма, в контексте которых обсуждается эволюция человека сегодня. В основу исследования положен эволюционный подход, а также герменевтический и сравнительно исторический методы, позволяющие проанализировать несколько различных контекстов, в которых рассматриваются варианты трансформации человека, «расширение человека», переход к постчеловеку. В статье показано, что сама установка на формирование концепта постчеловека говорит о принятии идеи трансформации человека под влиянием высоких технологий и обсуждаются лишь механизмы его видовой эволюции. В проектах нового гуманизма речь идёт об улучшении человека в соответствии с программами Human Enhancement. Для трансгуманизма и постгуманизма объединяющим началом является антигуманизм, отказ от человека как меры всех вещей. В статье представлены концепции человека и его эволюции, сложившиеся в классической философской антропологии, проводится сравнительный анализ философских установок гуманизма, трансгуманизма и постгуманизма в понимании эволюции человека. Показана опасность инволюционного пути развития, скрывающаяся за многими конструктами человека, предлагаемых в трансгуманизме, постгуманизме, в гуманологической концепции эволюции человека.

Ключевые слова: человек, постчеловек, конвергентные технологии, эволюция человека, техногенез, новый гуманизм

Original article

**The Problem of Human Self-Understanding in the Era
of Challenges of the Technologically Developing World**

Irina V. Chernikova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
chernic@mail.tsu.ru*

Today, in the era of technoscience challenges, while NBICS technologies allow transformation of human nature, the problem is readdressed. What should we do not to lose a human nature while deploying human enhancement technologies? In what way the theme of human nature and the theme of human evolution relate to each other? What is the difference between the attitudes of new humanism, transhumanism and posthumanism, in the context of which the evolution of human being is discussed today? Achievements of science and technology in studying the consciousness, brain, genes, human evolution, as well as the impact of NBICS technologies on humans and programs of human enhancement have actualized the problems of human self-understanding. In the discussion of the problem of human future, several contexts were identified in which various options for transforming a human, human extension, transition to a posthuman are considered. The very idea of formation of the posthuman concept speaks of the acceptance of the human transformation under the influence of high technologies and the will to discuss the mechanisms of its species evolution. The projects of new humanism focus on improving the human being according to the programs of human enhancement. Transhumanism and posthumanism are characterized by the unifying principle of antihumanism, the rejection of human as a measure

© Черникова И. В., 2023

of all things. The paper presents the concepts of human and his evolution that have developed in classical philosophical anthropology, a comparative analysis of the philosophical attitudes of humanism, transhumanism and posthumanism in understanding human evolution is carried out. We show the danger of the involitional development path, which hides behind many constructs of a person proposed in transhumanism, posthumanism, in the humanological concept of human evolution.

Keywords: human, posthuman, convergent technologies, human evolution, technogenesis, new humanism

Введение. В философской антропологии человек традиционно понимался как биосоциальное существо. Сущность человека соотносили с его социально-культурным способом бытия, так у Аристотеля Человек – политическое существо, у Декарта Человек – мыслящее существо, у М. Шелера Человек – существо любящее, у Э. Кассирера Человек – символизирующее животное. Под природой человека подразумевались стойкие, неизменные черты и свойства, присущие человеку во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса [1, с. 60], её трактовали как комплекс устойчивых свойств социального индивида, инвариантных по отношению различным историческим эпохам, этносам, культурам [2, с. 445].

Гуманитарная и философская мысль к теме природы человека относилась без особого внимания, что было обусловлено традицией противопоставления естественных и гуманитарных наук. Позиции, что у человека нет природы, все, что у него есть, – это история, придерживались многие философы, например, Ортега-и-Гассет, а Лесли Уайт пояснял, что за термином «человеческая природа» стоит культура, пропущенная через сито нервов, желёз, органов чувств, мускулов.

Сегодня ситуация изменилась, пропасть между природным и социальным преодолена и проложены мосты между биологией и культурой, сознанием и материей, физическим и психическим. Современное научное мировоззрение системное, холистическое основано на идеях глобального эволюционизма, системности, коэволюции, происходит конвергенция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Достижения наук и технологий в изучении сознания, мозга, генов, эволюции человека, а также влияние, оказываемое НБИКС-технологиями на человека (программы совершенствования человеческой природы – Human enhancement) актуализируют проблему сохранения человеческой природы, а для философии и гуманитарных наук особенно

важным становится вопрос о собственно человеческом в человеке.

Обзор литературы. Конвергентные технологии способны кардинально изменить человека и его мир, эти опасения нашли выражение в идее технологической сингулярности. Ряд учёных и общественных деятелей, в частности С. Хокинг, Ю. Хара-ри, А. Крокер, Илон Маск и другие выразили обеспокоенность тем, что искусственный супер-интеллект может привести к ликвидации человека как биологического вида. Американский изобретатель и футуролог Р. Курцвейл предсказывает наступление технологической сингулярности в 2045 г., по его мнению, в это время вся Земля начнёт превращаться в один гигантский компьютер [3]. Внедрение в социальную практику NBICS – технологий стало не просто очередным научно-техническим совершенствованием, а вывело на качественно новый уровень развития и человека, и общество. Будущее человека обсуждается в трех контекстах: нового гуманизма, трансгуманизма и постгуманизма, в каждом из которых можно обозначить ключевых авторов. Ценности традиций гуманизма отстаиваются в трудах И. Т. Фролова, П. С. Гуревича, В. А. Кутырева, В. А. Подороги, Э. Фрома, Ю. Хабермаса, Ф. Фукуямы, Г. Йонаса и других [4; 5]. Идеи трансгуманизма развивали Дж. Хаксли, Н. Бостром, М. Мор, Р. Курцвейл, Ф. М. Эсфендиари, Е. Дрекслер, Д. Пирс, в нашей стране трансгуманисты создали движение, именуемое «Россия 2045 [6; 7]. Концепция постгуманизма сложилась в девяностые годы XX века, благодаря сочинениям Д. Харауэй, Дж. Агамбена, Р. Брайдотти, К. Хэйлес, К. Вулф, Ф. Феррандо и других [8–15]. Постгуманизм вмещает в себя различные аспекты постструктурализма, постмодернизма, феминизма, экологизма. При всей пестроте его версий, общими чертами являются деантропологизация дискурса, замена антропоцентризма биоцентризмом, переосмысление принципа субъектности.

Методология и методы исследования. Основными методами, на основе кото-

рых проводилось исследование являются эволюционный метод, герменевтический и сравнительно-исторический. Эволюционный метод положен в основу анализу проблемы эволюции человека. Как известно, наибольший опыт в исследовании эволюционных процессов накоплен в биологической науке. Можно выделить этапы развития эволюционных идей: первый этап связан с классическим дарвинизмом, на втором этапе эволюционная методология опиралась на синтетическую теорию эволюции и сегодня на концепцию глобального эволюционизма, где эволюция понимается как сопряженная коэволюция системы и её среды. В случае эволюции человека, эволюционный процесс также обуславливается адаптацией к среде, понимается как совместная эволюция, но технологизация социального пространства качественным образом её трансформирует. Проблема эволюции человека рассматривается в контексте универсального эволюционизма, фундированного в равной степени аксиомами изменчивости и системности. Герменевтический метод использован для анализа контекстов, в которых осуществляется понимание человеческого в человеке в разных традициях философской антропологии. Применение сравнительно-исторического метода позволило осуществлять реконструкцию концепций и моделей различных трактовок человеческого в человеке в богатой истории философской антропологии, социобиологии, в современных конструкциях человека и его будущего в новом гуманизме, трансгуманизме и постгуманизме.

Результаты исследования и их обсуждение. В эпоху четвертой промышленной революции, начало которой в 2011 г. связывают с массовым внедрением информационных технологий, размыванием границ между физическим, биологическим и цифровым мирами, актуализирована тематика расширения человека. Сегодня, в эпоху вызовов технонауки, когда НБИКС технологии позволяют трансформировать природу человека, актуализирована проблема: как, применяя технологии улучшения человека, не потерять человека? Как связаны тема природы человека и тема эволюции человека? Так, французский философ Ж. Элль отмечает, что «средой обитания человека является теперь не природа, а техника» [12]. К. Хейлес порывает с антропоцентрическими взглядами на познание с помощью

структуры, объединяющей биологическое и техническое познание, исследует сопряжение когнитивной эволюции и техногенеза [13]. Итальянский философ Р. Маркезини указывает, что посредством *Techne*, стимулируется избыточность человека, поскольку открываются новые каналы для подключения человека к миру. *Techne* рассматривается как обновленный *Umwelt* человеческого существа и означает построение новых интерфейсов между человеком и внешней реальностью. Р. Маркезини использует понятие «технопозис», называя технопозитическим событие, которое изменяет конфигурацию идентичности человека как с точки зрения самоощущения, так и с точки зрения онтогенеза [14]. XXI век характеризуется вступлением в «посттелесную», а значит, «постгуманистическую» эпоху. Как отмечает О. В. Попова, течение XX в. происходило как бы «истончение» идеи человека: он потерял свой целостный образ, утратил как на концептуальном уровне, так и благодаря прогрессу в сфере технологий. В эру информационных технологий материальность тела оказывается вторична по отношению к тем логическим и семиотическим структурам, которые в ней закодированы [16].

Как следствие в условиях вызовов техногенной цивилизации актуализирована проблема идентичности человека. Является ли сохранение биологической природы человека необходимым условием сохранения человека и культуры или приемлем путь развития, предлагаемый трансгуманизмом? На современном этапе развития общества, характеризуемом З. Бауманом термином «текущая современность», происходит процесс распада идентичности, начавшийся с провозглашения смерти человека постмодернистами и обострившийся в связи с вызовами технологий по конструированию человека, утвердилось понятие «множественная идентичность». Не противоречит ли такая трактовка самому смыслу данного понятия? Согласно Парсонсу, термин «идентичность» обозначает центральную систему значений индивидуального человека, благодаря которой субъект способен адекватно ответить на вопрос кто и что они. Соглашаясь с идеей множественной идентичности, на эти вопросы не ответишь. Решение, казалось бы, парадоксальной ситуации подсказал П. Рикёр, обратив внимание на два смысла в трактовке человеческой

идентичности. В одном случае речь идёт о внутренней самоидентичности, то есть о тождестве с собственной самостью. В книге «Память, история, забвение» он так поясняет это понятие: «самоидентичность присуща характеру, или, точнее, генетической формуле индивида, неизменной от зачатия до смерти в качестве биологической основы его идентичности» [17, с. 229]. Во второй модели идентичность не связана с неизменностью, в ней речь о том, как данный человек воспринимается другими людьми, её П. Рикёр обозначает самостью. В первом случае речь идет о внутренней идентичности, во втором – о внешней, рожденной по сравнению с другими.

Это позволяет рассматривать то, что мы называем природой человека, его природой по рождению, как его биологическую внутреннюю идентичность. То, что мы называем сущностью человека, связанную с социально-духовным его бытием, характеризовать как внешнюю идентичность. Понятие множественной идентичности, введенное в постмодернистском дискурсе будет вполне соответствовать понятию внешней идентичности.

Есть исследования, в которых предлагается отказаться от понятия идентичность и заменить его на связку «сходство-различие». Франческо Ремотти, автор книги «Сходства путь к сосуществованию», убеждает в том, что идентичность – это культурно навязанный стереотип мышления, а не онтологическая, природная необходимость и заменить ее нужно концепцией схождения, которая позволит нам выйти из тюрьмы идентичности [18].

Характеризуя человека как биосоциальное существо, понимаем его не как сумму биологического и социального, а как целостность, а эволюцию человека как генно-культурную коэволюцию. Разумность как отличающее человека от животных свойство также скоррелирована с его телесностью в ходе антропогенеза. Так, согласно концепции телесности познания в процессе познания участвует не только мозг, но иммунная, эндокринная, нервная системы, а также среда когнитивной активности человека. Наш когнитивный аппарат, сформированный в ходе эволюции, встраивает человека с его телесной организацией в окружающий мир соответствующим человеку образом, это отражают понятия «когнитивная ниша»,

«умвельт», «мезокосм». Биологическая природа человека обуславливает и сознание, которое не может быть сведено к ментальным процессам в мозгу, а «вписывается» в среду, с которой взаимодействует человек. Как отмечал К. Поппер, мы познаем благодаря тому, что когнитивный порядок как бы привит нашему разуму [19]. Изменилась концепция знания в современных трансдисциплинарных исследованиях: если раньше считалось, что человек, благодаря своей рефлексивности, преобразует окружающий мир, сам при этом, оставаясь неизменным, то теперь технологическая деятельность создает реальную основу для изменения и биологической составляющей человеческой природы, при этом знания и изменения создают рефлексивный круг.

Вопрос об изменении представлений о природе человека в технологизирующемся мире, является главным вопросом данного исследования. С. Пинкер, автор одной из последних работ по теме природы человека обобщил достижения современной науки, благодаря которым преодолевается привычное мнение о том, что природы человека нет, а есть история: «Новые идеи с четырех фронтов познания – наук о разуме, мозге, генах и эволюции – пробивают брешь новым пониманием человеческой природы... они заполняют «чистый лист», развенчивают «благородного дикаря» и изгоняют «духа из машины» [20], имеются ввиду философские концепции Локка, Руссо, Декарта.

В философской антропологии человек всегда рассматривался как эволюционный проект, как существо открытое, незавершенное. При всех различиях в понимании человеческой природы и движения человеческой истории в философской антропологии человечность человека в подавляющем большинстве связывалась с его социальностью. И это объяснимо, учитывая, что философская мысль развивалась в русле дуалистической метафизики Декарта, что сказалось и на осмыслении проблемы человека. Классическая философия усматривала специфику человека не в его природе, а в способе бытия в предметно-преобразующей деятельности.

Становление человека усматривалось в социоантропогенезе как культурно-исторический продукт. Важнейшее преимущество человека в том, что он освободился от власти естественного отбора. Животные «соз-

нают» бытие, погружаясь в своё функциональное или видоспецифическое измерение, поведение животных детерминировано инстинктом, управляемо биологической программой. Человек же осознаёт себя, выходя за пределы своего собственного филогенетического измерения, он существо разумное, духовное, символическое. Человек развивается, преобразуя среду, создавая вторую природу. К. Маркс называл природу неорганическим телом человека. При этом телесная организация является не только основой индивидуального бытия человека, но становится основой социальности. Как показали Капп, Флоренский и другие неорганическая телесность человека коррелятивно связана с органической телесностью человека и, если в органическом теле человек биологически ограничен, то в неорганическом теле он не ограничен ничем.

Экзистенциалисты показали, что человек не обладает изначальной сущностью, которую он впоследствии реализует, что природа человека определяется не социумом, а свободой. Человек по своей природе свободен, и свои качества он обретает по мере развития. Наивысшим достижением философской антропологии стала предложенная Э. Кассиром теория символических форм, согласно которой ключом к пониманию природы человека является символ, а именно способность человека символизировать окружающую его действительность. Таким образом, концептуально смысловой дрейф от “homo sapiens” к “homo faber” и “animal symbolicum”. Отличительная особенность человека не в его метафизической или физической природе, а в его деятельности, которая проявляется в культуре.

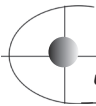
Другой проект, также реализованный в философской антропологии, можно назвать эволюционистским. Он находил воплощение и в научных, и в философских разработках и был направлен на объяснение человеческой природы на основе эволюционных представлений. В философских учениях о природе человека эволюционная идея находила воплощение, например у Х. Плейснера, А. Гелена, попытавшихся выделить фундаментальные структуры человечества путем сопоставления человека и животного. Х. Плейснер критиковал декартовскую дуалистическую доктрину разделения мира и противопоставления человеческого природному: «Человек опирается на живую

природу, при всей своей одухотворенности, он не вырывается из поля ее тяготения» [21, с. 85]. Эволюционная идея положена в основание понимания человеческой природы также у Тейяра де Шардена, А. Уайтхеда, Т. Роззака, Э. Фромма, у плеяды русских философов-космистов.

Такова кратко и обобщенно представленная картина о человеке и его эволюции, сложившаяся в классической философской антропологии, в которой можно выделить три основных этапа: для классического трансцендентализма характерно стремление к самоопределению человека, «познай самого себя» (Сократ и далее в Христианской философии и философии Возрождения); второй этап (от Декарта до Канта) отличается редукцией человеческой сущности к субъективности; третий этап представлен парадигмой интерсубъективности, например, К. Маркс сущность человеческой природы определял через понятие родового характера людей и трактовал как свободную сознательную деятельность, в противоположность природе животного, которое не отличает себя от жизнедеятельности. Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду... она воплощается во «второй природе», создаваемой в совокупности всех общественных отношений [22, с. 265].

На основе анализа сложившихся в философии и науке трактовок природы человека можно выделить две основные линии. Одна из них воплощается в философских поисках подлинно человеческого в способности к трансцендированию. Другая линия выстраивается в контексте эволюционной теории, где природа человека формируется в ходе исторического развития и где собственно человеческое не противопоставляется природному, а ищется качественное отличие человека от животного [23].

Технологическая революция вызвала к жизни новые формы идентификации. Как отмечает П. С. Гуревич, на современном этапе развития общества исследователи ещё продолжают говорить о человеке, но он перестает восприниматься нами как некая знакомая человеческая сущность. Человек не только утратил идентичность. Он совсем постепенно сходит на нет. Умирает как антропологическая данность. Все, о чем веками писали философы, обратившиеся к постижению человека, – природа челове-

ка, целостность его, само-тождественность, историчность, – постепенно теряет смысл... Дебиологизация человека как феномен обнаруживает себя не только в трансмутации собственно биологического субстрата, но и в замене самой телесной протяженности человеческого существования на другие, зачастую симуляционные реальности [24, с. 376–377].

Достижения в сфере информационных технологий и цифровизация привели к активизации трансгуманизма (Н. Бостром, Д. Пирс, Р. Эттингер, М. Мур, Н. Вита-Мор, Р. Курцвейль, В. Уиндж, и др.). Трансгуманисты считают, что многочисленные научные разработки, ведущие к изменению человеческой природы, служат во благо, так как они способствуют открытию новых границ и возможностей для человека. Сторонники трансгуманизма совершенствование человека видят в технологическом усилении разумности человека с помощью технологических средств, но при этом забывают или замалчивают, что цена, которую они готовы заплатить за усиление мыслительных способностей человека, сам человек. Трансгуманистическим посылам улучшения человека противостоят немало авторитетных отечественных и зарубежных философов, среди которых П. С. Гуревич, В. А. Кутырев, В. А. Лекторский, И. Т. Фролов, Э. Фром, Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, Г. Йонас и другие. В частности, один из разработчиков Европейского программного документа «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» А. Нордманн считает гораздо более перспективным направить возможности высоких технологий не на модификацию нашего мозга и тела, а на создание «умной окружающей среды, способной максимально адаптироваться под человеческие возможности и потребности» [25].

Отличную от трансгуманизма версию трансформации человека в постчеловека представляет постгуманизм. Постгуманизм формируется как философский подход, который строится не на картезианской дуалистической картине мира, а на холистическом мировидении. Постгуманизм пытается выйти за пределы любых бинарных оппозиций: человеческое – нечеловеческое, мужчина – женщина, культура – природа, гуманизм – антигуманизм, его главные принципы – отказ от механицизма, признание животной субъективности. Как отмечает Р. Брайдотти,

важным источником постгуманизма стал антигуманизм. В эпоху антропоцена, когда человек стал основной геологической силой, влияющей на биосферу, а антропоцентристская установка гуманизма привела к экологическому кризису и допускает нечеловеческую жестокость в отношении к другому, единственный выход, «превзойти гуманизм в свете истории не выполненных им обещаний и не признаваемых зверств» [8, с. 100].

Заключение. На вопрос, должны ли мы на современном этапе развития цивилизации соотносить человека с его биологическим субстратом или быть человеком – значит выходить за грань человеческого, сторонники трансгуманизма отвечают положительно. Постгуманизм, хотя и не делает акцент на модификации биологической телесности человека, но и не стоит на ее защите, позиционируя себя как философскую стратегию поиска нового концепта человека. М. Н. Эпштейн полагает, что трансгуманизм и постгуманизм вполне сопрягаются в рамках техногуманизма – позиции взаимобусловленности и соразвития человека и техники. Сам же он предлагает гуманологическую концепцию эволюции человека, согласно которой человеку надлежит преступить границы своего вида и утверждает, что такая эволюционная перспектива заложена в кенотической природе человека (Кенозис от греч. κένωσις – «опустошение», «истощение»), включающей перенесение своей сущности на нечто отличное от себя. Человек уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид, мыслеформа, киборганизм (киборг), свободная генетическая и/или технологическая фантазия... Кенозис Бога, его самоистощение в человечестве далее переходит в кенозис человека, его самоистощение в новейших технологиях» [26, с. 284–285].

Прямо скажем, кенотическая перспектива, как и перспектива совершенствования мыслительной способности человека за счёт её переноса на различного рода носители – компьютер, сеть, другое тело, куда менее привлекательна, чем в концепции христогенеза Тейяра де Шардена, или у русских космистов, которые утверждали, что человеку предстоит стать космичным. Во всяком случае, в этих проектах эволюция человека как существа не только разумного, но духовного мыслилась как восхождение к

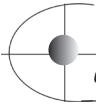

большой сложности, а не как инволюция за счет «самоистощения» и упрощения, ведь сознание не сводится к мышлению, но включает интуицию, эмпатию, эмоции. Ряд положений, на которых строится аргументация сторонников трансгуманизма и постгуманизма, включая критику гуманизма заслуживают быть принятыми и требуют осмысления. Однако, если за деревьями не видеть леса, то вполне можно прийти к принятию призывов к стиранию гендерных различий, к «самоистощению в технологиях». А ведь нечто подобное совершали сектанты, подвергая самосожжению себя и детей своих. Кто заинтересован во внедрении подобной фило-

софии и идеологии? Может быть ответ на данный вопрос следует искать в концепции золотого миллиарда? Соразвитие человека и техники не означает исчерпания феномена человека, так же как отказ от антропоцентризма не ведет с необходимостью к биоцентризму. В холистическом мировидении идея антропоцентризма противопоставлена идея антропоморфизма, что было показано в контексте обсуждения антропного принципа во второй половине XX в. Беречь и развивать человеческое, благоговеть не только перед жизнью, но перед любовью как проявлению человеческого в человеке, – путь эволюции человека.

Список литературы

1. Гуревич П. С. *Философия человека*: в 3 ч. М.: ИФРАН, 1999. Ч.1. 221 с.
2. Дубровский Д. И. Альтруизм, эгоизм и природа человека (к проблематике развития морального сознания) // *Проблема сознания в философии и науке*. М.: Канон+, 2009. С.10–51.
3. Курцвейл Р. *Эволюция разума*. М.: Э, 2015. 352 с.
4. Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.
5. Fukuyama 2009 – Fukuyama F. Transhumanism. Текст: электронный // *Foreign Policy*. 2009. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/23/transhumanism> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Бостром Н. *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 401 с.
7. Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47> (дата обращения: 10.02.2023). Текст: электронный.
8. Брайдотти Р. *Постчеловек*. М.: Ин-т Гайдара, 2021. 408 с.
9. Харауэй Д. *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
10. Ferrando 2013 – Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations. Текст: электронный // *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. 2013. Vol. 8, no. 2. P. 26–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism_Transhumanism_Antihumanism_Metahumanism_and_New_Materialisms_Differences_and_Relations (дата обращения: 10.02.2023).
11. Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 438 p.
12. Ellul J. *The Technological Order* // *The Technological Order* / ed. C. F. Stover. Detroit: Wayne State University Press, 1963. P. 10–37.
13. Hayles K. *Unthought: The power of the cognitive nonconscious*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 263 p.
14. Marchesini R. *Beyond Anthropocentrism: Thoughts for a Post-human Philosophy*. Milan: Mimesis International, 2018. 126 p.
15. Zalloua Zahi. "Dedication." *Being Posthuman*: London: Bloomsbury Academic, 2021. 239 p.
16. Попова О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. М.: Канон+, 2021. 336 с.
17. Рикёр П. *Память, история, забвение*. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
18. Remotti Francesco. *Somiglianze. Una via per la convivenza temporanea*. Editore: Laterza, 2019. 400 p.
19. Поппер К. Эволюционная эпистемология // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*. М.: Эдиториал УРСС. 2000. С. 92–147.
20. Пинкер С. *Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня*. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 388 с.
21. Плейснер Х. *Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию*. М.: РОСПЕН, 2004. 368 с.
22. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Полит. Издат., 1955. 480 с.
23. Черникова И. В. *Сохранение природы человека как глобальная проблема современности* // *Вопросы философии*. 2016. № 9. С. 36–44.
24. Гуревич П. С. *Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Петроглиф, 2018. 496 с.

25. Nordmann A. Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain-Machine Interfaces. URL: www.philosjphie.ru-darmstadt.de/nordmann (дата обращения: 10.02.2023). Текст: электронный.

26. Эпштейн М. Н. Гуманология: наука о человеке, переступающем границы своего вида // Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 274–287.

Информация об авторе

Черникова Ирина Васильевна, доктор философских наук, профессор; Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск. Пр. Ленина, 36; e-mail: chernic@mail.tsu.ru.

Для цитирования

Черникова И. В. Проблема самопонимания человека в эпоху вызовов технологически развивающегося мира // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 133–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-133-141.

Статья поступила в редакцию 7.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

References

1. Gurevich, P. S. Philosophy of man. Part 1. M: IFRAN, 1999. (In Rus.)
2. Dubrovsky, D. I. Altruism, egoism and human nature (on the development of moral consciousness). The problem of consciousness in philosophy and science. M: Kanon+, 2009: 10–51. (In Rus.)
3. Kurzweil, R. The evolution of the mind. M: E, 2015. (In Rus.)
4. Place and role of humanism in the future civilization. M: LENAND, 2014. (In Rus.)
5. Fukuyama 2009 – Fukuyama F. Transhumanism. Foreign Policy. October 23, 2009. Web. 10.02.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/23/transhumanism/> (In Engl.)
6. Bostrom, N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 2016. (In Rus.)
7. Russian transhumanist movement. Web. 10.02.2023. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47> (In Rus.)
8. Bridotti, R. Posthuman. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. (In Engl.)
9. Haraway, D. The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the 1980s. M: Ad Marginem Press, 2017. (In Rus.)
11. Ferrando 2013 – Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations. Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts, no. 2, pp. 26–32, 2013. (In Engl.)
12. Haraway D. When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. (In Engl.)
13. Ellul J. The Technological Order. The Technological Order. Ed. by C. F. Stover. Detroit: Wayne State University Press, 1963. Pp. 10–37. (In Engl.)
14. Hayles K. Unthought: The power of the cognitive nonconscious. University of Chicago Press. 2017. (In Engl.)
15. Marchesini R. Beyond Anthropocentrism: Thoughts for a Post-human Philosophy. Milan. Mimesis International. 2018. (In Engl.)
16. Zalloua Zahi. "Dedication." Being Posthuman: London: Bloomsbury Academic, 2021. V. Bloomsbury Collections. Web. 28 Feb. 2021. (In Engl.)
17. Ricoeur, P. Memory, history, oblivion. M: Izd-vo humanitarian literature, 2004. (In Rus.)
18. Remotti, Francesco. Somigriante. Una via per la convivenza tempinuavi. Editore: Laterza. 2019. (In Engl.)
19. Popper, K. Evolutionary epistemology. Evolutionary epistemology and logic of social sciences. Moscow: Editorial URSS. 2000. Pp. 92–147. (In Engl.)
20. Pinker, S. Clean sheet. Human nature. Who and why refuses to recognize it today. Moscow: Alpina non-fiction. 2018. (In Engl.)
21. Pleisner, H. Stages of the organic and man: an introduction to philosophical anthropology. M: ROSPEN, 2004. (In Rus.)
22. Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed. Vol. 3. M: Polit. Publishing house, 1955. (In Rus.)
23. Chernikova, I. V. Preservation of human nature as a global problem of our time. Questions of Philosophy, no. 9, pp. 36–44, 2016. (In Rus.)
24. Gurevich, P. S. Classical and non-classical anthropology: a comparative analysis. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, Petroglyph. 2018. (In Rus.)
25. Nordmann, A. Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain-Machine Interfaces. Web. 10.02.2023. URL: www.philosjphie.ru-darmstadt.de/nordmann (In Engl.)

26. Epstein, M. N. Humanology: the science of a person who crosses the boundaries of his species. Man as an open integrity. Novosibirsk: Academizdat, 2022: 274–287. (In Rus.)

Information about author

Chernikova Irina V., Doctor of Philosophy, Professor; Professor National Research Tomsk State University, 36 Lenina Ave. Tomsk 634050, Russia; chernic@mail.tsu.ru.

For citation

Chernikova I. V. The Problem of Human Self-Understanding in the Era of Challenges of the Technologically Developing World // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 133–141. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-133-141.

**Received: March 7, 2023; approved after reviewing April 19, 2023;
accepted for publication April 21, 2023.**

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. EVENTS. TIME

Рецензия

УДК 908:93/94(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-142-152

**История и современность в учебном пособии
профессоров А. В. Постникова и М. В. Константинова**

Виктор Иванович Мерцалов

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
mercalov47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>*

Учебное пособие «История и современность» представляет собой конкретно-историческую работу, посвященную актуальным проблемам изучения истории Забайкалья и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. Прослеживаются два уровня освещения исторического процесса. К первому уровню относится раздел, раскрывающий историю забайкальского участка госграницы России с Китаем (XVII – начале XX в.). Ко второму уровню относятся разделы о геополитическом выборе России между Аляской и Амуром, об истории международного проекта строительства телеграфной линии между Россией и Америкой, о малоизвестных страницах сибирских исследований такой личности мировой величины как П. А. Кропоткин. Разделы второго уровня охватывают вторую половину XIX – начало XX в. Пособие состоит из отдельных самостоятельных разделов, но не лишено целостности, что в значительной мере обусловлено освещением во всех разделах значения картографических и географических исследований в решении пограничных и геополитических проблем. Содержательно и ново в этом отношении раскрывается история проекта строительства телеграфной линии между Россией и Америкой. Но авторы не обходят стороной возникновение и развитие политических идей. В разделе о дилемме Аляска – Амур выделен целый параграф об идеях расширения территории Соединенных Штатов и их глобального влияния. Следует подчеркнуть, что пособие написано на архивных документах и использовании исследовательской литературы, изученных не только в России, но и за рубежом. Связь истории и современности определяется актуальностью исторического труда. Авторы сделали ряд «выходов» на современность. В них проступают исторические корни нынешнего глобального доминирования США и современной информационной революции, даётся ответ на вопрос о правомерности продажи Аляски Соединённым Штатам с освещением исторической роли Н. Н. Муравьева-Амурского. Пособие по-настоящему учит истории и пробуждает в студентах чувство гордости за историческое прошлое России.

Ключевые слова: забайкальский участок госграницы, дилемма Аляска – Амур, трансконтинентальный телеграф, сибирские исследования П. А. Кропоткина, А. В. Постников, М. В. Константинов

Review

History and Modernity in the Textbook by Professors A. V. Postnikov and M. V. Konstantinov

Victor I. Mertsalov

*Transbaikal State University, Chita, Russia
mercalov47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>*

The textbook “History and Modernity” is a specific historical work devoted to topical problems of studying the history of Transbaikalia and the Far East in the XVIIth – early XXth centuries. There are two levels of coverage of the historical process. The section that reveals the history of the Trans-Baikal section of the state border between Russia and China (XVIIth – early XXth century) belongs to the first level. The second level includes

© Мерцалов В. И., 2023

sections on Russia's geopolitical choice between Alaska and the Amur, on the history of the international project for construction of a telegraph line between Russia and America, on the little-known pages of Siberian studies of such a world-famous personality as P. A. Kropotkin. Sections of the second level cover the second half of the XIXth – early XXth centuries. The textbook consists of separate independent parts, but is not devoid of integrity, which is largely due to the coverage of the importance of cartographic and geographical research in solving border and geopolitical problems in all parts. In this regard, the history of the project for the construction of a telegraph line between Russia and America is revealed in a meaningful and new way. But the authors do not bypass the emergence and development of political ideas. In the part on the Alaska – Amur dilemma, a whole paragraph highlights the ideas of expanding the territory of the United States and its global influence. It should be emphasized that the textbook is written on the basis of archival studied not only in Russia but also abroad. The connection between history and modernity is determined by the relevance of historical work. The authors made a number of “exits” to the present. They show the historical roots of the current global dominance of the United States and the modern information revolution, give an answer to the question of legality of the sale of Alaska to the United States, highlighting the historical role of N. N. Muravyov-Amursky. The textbook teaches history and awakens in students a sense of pride in historical past of Russia.

Keywords: Transbaikal section of the state border, Alaska – Amur dilemma, transcontinental telegraph, P. A. Kropotkin's Siberian studies, A. V. Postnikov, M. V. Konstantinov

Введение. В конце 2022 г. в издательстве Забайкальского государственного университета (ЗабГУ) вышло учебное пособие докторов наук А. В. Постникова и М. В. Константинова «История и современность»¹. Может показаться, что книга относится больше к тематике по философии истории. Знакомство с её оглавлением показывает, что это – конкретно-историческая работа. На оглавлении книги лежат и блики нашей современности. Названия некоторых разделов и параграфов содержат такие современные термины, как «глобальные идеи», «информационная революция».

Книга открывается предисловием, написанным кандидатом исторических наук, заведующей кафедрой истории ЗабГУ О. А. Яремчук. Отмечено, что учебное пособие профессоров А. В. Постникова и М. В. Константинова подготовлено в рамках спецкурса «История и современность». Он читается студентам историко-филологического факультета ЗабГУ. Спецкурс и дал название учебному пособию, как части его тематического плана. В Предисловии представлены читателю авторы пособия, которые являются специалистами в области картографии и археологии [1; 2].

Их сотрудничество сложилось в период реализации проекта «Энциклопедия Забайкалья», осуществление которого потребовала большой отдачи сил научной общественности по различным отраслям научного знания, включая историков и краеведов региона. Наиболее близко к тематике авторов пособия стоят публикации региональных историков по изучению картографии Забай-

калья, истории забайкальского казачества и пограничной службы в регионе, по выяснению геополитического фактора исторического развития Забайкалья² [3–6].

Именно в это время появились работы М. В. Константинова [7, с. 16–29; 8–10], которые тематически и содержательно легли в основу пособия. Будучи новыми по содержанию, они были обновлены и значительно расширены за счёт сотрудничества с А. В. Постниковым.

Их исследовательские интересы впервые пересеклись и совпали на конференции по Приграничью, которая проводилась в рамках проекта «Энциклопедия Забайкалья» в 2011 г. [11; 12]. В это время А. В. Постников работал над двумя монографиями [13; 14]. Их объединяло то, что они работали на стыке наук, которые профессионально представляли, с исторической наукой об обществе, характеризовались строго внимательным отношением к историческим фактам и стремлением выяснить их глубинный смысл, обладали большим опытом исследовательской и научно-организаторской работы, удачно дополняя друг друга по всем этим качествам. Итогом их совместной работы стала рецензируемая нами книга.

Во введении авторы знакомят читателя с задачей спецкурса, в рамках которого они подготовили пособие, – «обратить внимание студентов на сложные геополитические вопросы на стыке истории Отечества и истории... Соединённых Штатов Америки и Китая»³.

² Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XX в.): учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2019. – 158 с.

³ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 6.

¹ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – 130 с.

Основное содержание пособия и его особенности. Работа написана с учётом, прежде всего, научной и общественно-политической актуальности. Четыре её раздела – История Забайкальского участка государственной границы России с Китаем (XVII – начало XX в.); Аляска – Амур: история геополитического выбора; Трансконтинентальный телеграф как информационная революция XIX в.; Сибирские исследования П. А. Кропоткина – отражают каждый в отдельности значимые исторические сюжеты. Хронологически все разделы кроме первого освещают преимущественно вторую половину XIX – начало XX в.

Отметим, что в пособии прослеживаются разные уровни исторического процесса. В первом разделе это уровень отношений двух государств – России и Китая. В следующих двух разделах – уровень взаимодействия государств, оказавшихся под влиянием геополитического фактора – России и США. Четвёртый раздел в силу мировой известности самой личности П. А. Кропоткина тоже можно отнести к этому уровню.

В целом, книга по своей структуре является больше составной, чем единой. Но ей трудно отказать в таком важном свойстве как целостность. Это обусловлено выбором авторами направленности освещения исторического процесса. Во всех разделах прослеживается влияние картографических и географических исследований на внешнеполитическую деятельность государств, которые способствовали их развитию и учитывали их достижения в своей внешней политике. Этот ракурс определяет во многом новизну их совместной работы.

Первый раздел написан строго по канонам исторической науки с чётко очерченными географическими и хронологическими рамками. Четыре из восьми его параграфов – Первые сибирские географические карты; Дипломатическая миссия Ивана Милованова; Переход тунгусского князя Гантимура в Русское подданство; Русское посольство во главе с Николаем Спафарием – освещают предысторию забайкальского участка государственной границы.

Читатель вводится в проблематику авторства и датировки карт, их происхождения (оригинал, копия), в круг исследователей, занимавшихся их изучением. В первом параграфе сосредоточено внимание на картах 1667, 1672 гг. и третьей русской карте, обна-

руженной А. В. Постниковым в Библиотеке Ньюберри (Чикаго, США), датированной им 1670–1680-м гг. В нём делается вывод, что «Годуновский чертеж Сибири 1667 г. интересен как первое известное в науке русское картографическое изображение приграничных земель Китая и Московского государства». «Оно свидетельствует о наличии в распоряжении сибирской администрации достоверных общих сведений о Китае и территориях, которые благодаря экспансии маньчжуров стали ареной острой конфронтации Российского государства и Цинской империи в этот период»¹.

В следующем параграфе о дипломатической миссии Милованова (1670), состоявшей из шести Нерчинских казаков, подчёркнуто, что «казаки стали первыми европейцами, приехавшими в Китай через Маньчжурию, затратив на путешествие всего около месяца»².

Миссия во главе с казацким десятником Иваном Миловановым, была принята императором Сюань Е. Но военный нажим Китая на казаков Приамурья продолжался. Приведён документ, который одновременно показывает, что китайская сторона имела чёткие представления о речных проходах на Лену до Якутска и вынашивала серьёзные намерения на этом направлении³.

Тяжёлым камнем преткновения в российско-китайских отношениях стал переход тунгусского князя Гантимура в русское подданство (третий параграф), что стало «на многие годы ... для Цинов поводом для агрессивных действий в Приамурье и «несговорчивости» в дипломатических делах»⁴.

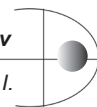
Одновременно отмечаются накапливающиеся изменения в составлении карт. Отслеживается начало перехода от традиционного составления картографических чертежей с южной ориентацией к научным основам картографии. Уже третья карта из трёх была ориентирована по северу и имела картографическую сетку с обозначенным масштабом. Николай Спафарий, возглавивший новое русское посольство в Китай (1673–1676) (четвёртый параграф), имел «представление о методах астрономо-

¹ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 11.

² Там же. – С. 14.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Там же. – С. 16.

геодезических определений». В пособии даётся характеристика Чертежу Сибири Николая Спафария и оценка его историко-географическому описанию «Сибирь и Китай». Миссия этого посольства завершилась ультимативным требованием Китая – вернуть в китайское подданство Гантимура, беспрекословно подчиниться цинскому этикету (т. е. признать зависимость от Цинов) и свернуть хозяйственное и административное освоение Приамурья¹.

Следующие два параграфа – «Нерчинский договор 1689 г.: определение границы с Китаем» (пятый параграф) и «Посольство Владиславича-Рагузинского. Кяхтинский трактат» (шестой параграф) – являются осевыми параграфами в структуре первого раздела. В них раскрывается картографическое сопровождение установления забайкальского участка русско-китайской границы.

В тексте пятого параграфа выделяется фрагмент с распределением государственных деятелей внешнеполитической сферы России периода XVIII – начала XX в. по «школам» её азиатской политики. Одна «школа» занимала «консервативную» позицию. Среди её представителей – С. Л. Владиславич-Рагузинский. Другая – школа «активной», «динамичной», «экспансионистской» политики. В её списке – Н. Н. Муравьев-Амурский², в полной мере учитывавший геополитический фактор в российской политике на Дальнем Востоке. Эта вставка, на наш взгляд, тоже устанавливает смысловую связку первого раздела со вторым разделом пособия.

В параграфе даётся описание самых первых карт, появившихся после подписания Нерчинского договора, составленных иезуитами. Они были изучены А. В. Постниковым в парижском Архиве ордена иезуитов³. Описывается и карта, составленная С. У. Ремезовым в 1696–1697 гг. и хранящаяся в Эрмитаже. В этом же параграфе рассказывается об исследовании Д. Г. Мессершмидта в 1724 г. системы рек Аргуни и Шилки, о его картографических работах⁴. Завершается параграф констатацией проблемы принадлежности «вершин Аргуни»,

которую пришлось решать С. Л. Владиславичу-Рагузинскому.

В параграфе, посвящённом этому Посольству, показан крупный его дипломатический успех. Оно достигло договорённости с китайской стороной об очищении «вершины» Аргуни от маньчжурских войск и заключении Буринского договора (август 1727 г.) и Кяхтинского трактата (октябрь 1728 г.). Теперь «в верховьях Аргуни, – повествуется в пособии, – находился стык старой нерчинской границы и новой кяхтинской, простиравшейся до вершины Шабин-Дабага Большого Саянского хребта. После этого Аргунская граница не вызывала никаких споров вплоть до начала XX в.»⁵.

Самая главная особенность деятельности Посольства Владиславича-Рагузинского – составление карты отдельных участков границы, установленной по Кяхтинскому (Буринскому) трактату. По достигнутой договорённости карты участков границы составлялись и Китайской стороной. Мало что из этого наследия сохранилось. В результате поисковой работы А. В. Постникова были обнаружены рукописные карты на маньчжурском языке в Париже⁶. Две копии русских карт, заверенные подписями С. Л. Владиславича-Рагузинского и секретаря посольства И. Глазунова, найдены им в Российском государственном военно-историческом архиве⁷.

Фактический материал параграфа убеждает в обоснованности вывода о том, что период деятельности Посольства «стал началом развития русской картографии в русле новых для неё западноевропейских картографических традиций, воспринятых, прежде всего, в части использования единого масштаба и системы географических координат широты и долготы»⁸.

Два последних параграфа (седьмой и восьмой) отражают картографирование границы и пограничные проблемы второй половины XVIII – начала XX в. В 1750–1770-х гг. активно проводило топографо-геодезические работы и картографирование границы Правление пограничных дел. Применительно к забайкальскому участку границы эта тема освещается подробно⁹.

¹ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 14, 17–18, 19.

² Там же. – С. 21–22.

³ Там же. – С. 19.

⁴ Там же. – С. 22–23.

⁵ Там же. – С. 24.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ Там же. – С. 26–27.

⁸ Там же. – С. 27.

⁹ Там же. – С. 29–30.

Не снижали своей активности центральное правительство и сибирская администрация – была организована Нерчинская экспедиция (1753–1765), развернулась деятельность сибирского губернатора, гидрографа и картографа Ф. И. Соймонова. По итогам Нерчинской экспедиции был составлен Нерчинский атлас, который до сих пор не обнаружен. Но сделаны картографические находки, свидетельствующие об их связи с ним. В параграфе сформулирован вывод: «Материалы исследований 1761–1774 гг. служили основой составления карт русско-китайской границы вплоть до начала XIX в., сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве»¹.

В центре изложения восьмого параграфа «Русские и зарубежные карты конца XVIII – начала XX века» находятся подготовительная работа и переговоры между Россией и Китаем, завершившиеся подписанием 7 декабря 1911 г. Цицикарского договорного акта.

Освещён в параграфе предшествующий период, который характеризовался возросшим интересом к китайским картам, картографированием спорных участков в районе устья Хайлара и поселка Абагайтуй в 1881 и 1882 гг. Эти материалы стали «достоверным источником для реконструкции положения русел р. Хайлар и Мутной протоки на период 1881–1882 гг.»². Показаны накопившиеся пограничные проблемы, связанные с несовершенством старых карт, с естественным изменением русел рек, с обыкновенным недосмотром или проявлением намеренного искажения картографического изображения отдельных участков границы.

По инициативе китайской стороны, которая выразила желание «в точности выразить всю северо-восточную границу Китая с Россией», началась подготовительная работа российской стороны к переговорам. На основе большого документального материала раскрыта полевая работа команды полковника Генштаба Н. А. Жданова на спорных участках границы и его деятельность в качестве председателя русского состава разграничительной комиссии. В конце января 1911 г. статус разграничительной комиссии повысили. Председателем назначили генерал-майора Н. П. Путилова. Спорные

¹ Постников А.В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 31, 33.

² Там же. – С. 37.

вопросы с Китаем удалось решить на компромиссной основе³.

В пособии даётся критический разбор русским мелкомасштабным картам границы в Приамурье и на Дальнем Востоке⁴, описываются две китайские карты, составленные на рубеже XVIII–XIX вв.⁵, британские и японские карты, изданные – в 1895, 1899, 1904, 1905 и 1913 гг. Последние карты характеризуются как отображающие русско-китайскую границу на Дальнем Востоке вполне правильно⁶. Китайские картографы в этот период времени создавали карты с полным игнорированием Айгунского (1858), Пекинского (1860) и последующих русско-китайских пограничных актов. «Реконструировалась как существующая на местности граница по Нерчинскому договору»⁷. Однако при всех существовавших пограничных проблемах, они в Забайкалье решались на компромиссной основе, обеспечивая устойчивое существование русско-китайской границы в регионе в течение веков до настоящего времени.

Второй раздел «Аляска – Амур: история геополитического выбора» написан главным образом с использованием исторических литературных источников. И это не случайно. Как показывают сами авторы, история Русской Аляски изучена всесторонне. Среди множества проведённых исследований отечественных и зарубежных историков выделяются труды академика Н. Н. Болховитинова.

Между тем в ходе конкретно-исторической реконструкции истории взаимоотношений России и Северо-Американских Соединённых Штатов в 1850–1860-е гг. роль генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского оказалась в тени. Опираясь на биографические материалы, опубликованные в 1891 г. И. П. Барсуковым (переизданы в 2008 г.), авторы обратили внимание на его записку императору Николаю I (март 1853 г.). В ней он обосновывал отказ от Северо-Американских владений России в пользу укрепления ее позиций на Дальнем Востоке. Эта идея авторами оценивается в первом параграфе «Политический план Н. Н. Муравьева-Амурского: взаимосвязь судеб Аляски и Амура» как «масштабный план» «незамедлитель-

³ Там же. – С. 38, 38–42, 45.

⁴ Там же. – С. 45–47.

⁵ Там же. – С. 36–37.

⁶ Там же. – С. 47–48.

⁷ Там же. – С. 48.

ного освоения Амура»¹. Учитывая, что административно-военные преобразования в Забайкалье проводились в 1851 г. под влиянием геополитического фактора², то в таком случае идея Н. Н. Муравьева по проблеме «Аляска – Амур» фактически выступает завершающим элементом более широкого его геополитического плана. Это несколько не принижает её исторического значения. Напротив, как показано в пособии эта идея была направлена на гарантированное решение Дальневосточной проблемы. «Дипломатическая игра вокруг Аляски отвлекала внимание США от Амура, а вместе с тем давала понять, на чем должна быть сосредоточена политика США и в чем состоят приоритеты России. Уступая Аляску США (1867), Россия точно, хотя и негласно, определяла свой неуступный интерес к Амуру и побережью Тихого океана»³.

Второй параграф «Глобальные идеи расширения территории Соединенных Штатов» представляет собой совершенно новую грань освещения поднятой темы. В ней раскрываются взгляды государственных деятелей США первой половины XIX в. на территориальный рост американского государства. На основе мемуаров и исторических исследований, накопленных американской историографией, раскрываются взгляды государственного секретаря Джона Квинси Адамса; Уильяма Х. Сьюрда – губернатора штата Нью Йорк, сенатора, а затем госсекретаря; Уилльма МакГенри Гвина – сенатора. Их взгляды свидетельствуют об устойчивых экспансионистских стремлениях государственных деятелей независимо от их партийной принадлежности, сначала простиравшиеся на территорию Северной Америки, а затем на весь американский континент. Джон Квинси Адамс в одном из своих писем (июль 1823 г.) «отрицал, что Россия имеет какие бы то права в Северной Америке», но считал, что в его время «лучшей политикой будет потерпеть и не спешить». Уже в это время сторонники поэтапной американской экспансии пытались найти оправдание своей захватнической политике в якобы

¹ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 55.

² Мерцалов В.И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.): учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2019. – С. 29.

³ Постников А. В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 57.

распространении республиканских институтов в других странах (Уильям Х. Сьюрд)⁴.

В расчёт брались и экономические возможности экспансии. В книге со ссылкой на американскую исследовательницу Х. М. Мак-Ферсон отмечается, что «Гвин вынашивал идею всемирной империи, центром которой должны были стать Соединённые Штаты. Его планы предусматривали соединение Тихого и Атлантического океана через Панаму», постройку трансконтинентальной железной дороги». Учитывались население Китая и Японии, русские владения вдоль Амура как благоприятные условия для установления «контроля над мировой коммерцией и торговлей»⁵. Не трудно заметить, что в основе экспансионизма американских политиков лежал учёт крупных технических изменений в экономике стран мира под влиянием происходившего в них промышленного переворота.

В третьем параграфе «Позиция и деятельность Российской власти» показано, что этот фактор учитывал и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, полагая, что с развитием железных дорог Соединённые Штаты беспрепятственно распространятся на всю Северную Америку, и России придётся отдать свои американские владения. Поэтому решение Амурской проблемы и укрепление господства России на азиатском побережье Тихого океана было её необходимым шагом. Предложения Н. Н. Муравьева были приняты властью и изучены, о чём свидетельствовал императорский указ от 11(23) апреля 1853 г.⁶ Все события, связанные с присоединением Приамурья и Приморья, рассматриваются в контексте влияния Крымской войны на Дальний Восток, когда России пришлось противостоять в регионе военному давлению Великобритании и Франции, находя поддержку у Соединённых Штатов.

Четвёртый параграф «Исторические портреты Н. Н. Муравьева-Амурского и его сподвижника Святителя Иннокентия» является итоговым для второго раздела. В нём отмечается, что «в политическом наследии Н. Н. Муравьева-Амурского нашли отражение, как отечественная, так и всемирная история», а его деятельность оказывала влияние «на геополитическую ситуацию,

⁴ Там же. – С. 58, 59.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 61.

складывающуюся на стыке континентов и цивилизаций на многие десятилетия вперед с большой пользой для России»¹.

Крупной по масштабу деятельности показана личность Святителя Иннокентия. Он 10 лет путешествовал по Сибири, Чукотке, Камчатке и Амуру и «до конца своей жизни продолжал оставаться пастырем обитателей Аляски, где по условиям договора о продаже российских владений Русская православная церковь сохраняла свои храмы и прихожан»².

В третьем разделе «Трансконтинентальный телеграф как информационная революция XIX века» освещается технологический срез геополитических отношений между Россией и США. Он написан на основе литературных источников и на документах, изученных в Архиве внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива.

В первом параграфе «Телеграф и идеи его использования в отношениях между Россией и Америкой» показано, что идея строительства трансконтинентальной телеграфной линии «возникла практически одновременно в России и США»³. Западных авторов проектов прокладки телеграфной связи между Россией и Америкой, было немало. В разделе описывается позиция Сибирского комитета, которому было поручено изучить и обсудить поступающие проекты, включая зарубежные. Среди иностранных претендентов удержался только предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско П. М. Коллинз. О его деятельности в пособии представлен интересный и обстоятельный материал⁴.

В России первый проект Российско-Американского телеграфа разработал капитан Д. И. Романов, военный инженер. Он представил свой проект генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, ставшему среди государственных деятелей одним из активных сторонников прокладки телеграфа. Романов, будучи в 1861 г. подполковником, изучал в Соединённых Штатах опыт строительства и использования телеграфных линий⁵.

Одновременно показана роль российской и американской дипломатии в продвижении проекта строительства трансконтинентального телеграфа. В марте 1863 г. было подписано соглашение между российской и американской стороной с условиями о телеграфном сообщении России с США. Обе стороны были озабочены, «чтобы телеграфные коммуникации Мира не были сосредоточены лишь в Атлантической линии, находящейся в исключительном владении англичан»⁶.

Телеграфная экспедиция и географические исследования (второй параграф) проводились в условиях подготовки продажи Россией Аляски Америке, когда в правительственных кругах Соединённых Штатов активно обсуждалась целесообразность её приобретения⁷. В параграфе рассказывается о деятельности Телеграфной экспедиции под командованием американского полковника Чарльза Л. Балклея. Она должна была провести изыскания маршрута телеграфной линии, включая Берингов пролив. В её составе действовал Сибирский отряд под командованием С. С. Абазы. В его отряде имелся американский контингент⁸. В Западной Объединённой Телеграфной компании представителем российских властей был чиновник по особым поручениям Канцелярии Главного правления Восточной Сибири П. П. Аносов. Его полномочия были определены инструкцией генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова⁹.

Немало внимания в параграфе уделено научной исследовательской деятельности Телеграфной экспедиции. В ней действовал научный отряд Роберта Кенникотта, человека нелёгкой судьбы, ставшего по оценке авторов «примером самопожертвования и трудолюбия в сборе коллекции и анализе естественно-научных данных»¹⁰. Кроме научно-исследовательских работ, проводимых в долине реки Юкон, в параграфе сообщается об измерениях глубин Берингова пролива, о высадке американского контингента Сибирского отряда в устье реки Анадырь и его намерениях, а также о работе отряда С. С. Абазы, исследовавшего маршрут прокладки телеграфа от Охотска до устья Амура¹¹. У русских и американцев внутри Те-

¹ Постников А.В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 63.

² Там же. – С. 63–65.

³ Там же. – С. 69–70.

⁴ Там же. – С. 73–75, 77, 78.

⁵ Там же. – С. 70–76

⁶ Там же. – С. 78

⁷ Там же. – С. 79.

⁸ Там же. – С. 87.

⁹ Там же. – С. 75, 85.

¹⁰ Там же. – С. 83.

¹¹ Там же. – С. 86–87

леграфной экспедиции было близкое взаимодействие и взаимопонимание. Русские делились своими знаниями об аборигенах Аляски и географическими сведениями о ней. Примечательна в этом отношении была личность И. С. Лукина¹.

Однако повышенная активность американцев, вызванная нескрываемым их стремлением в коммерческих интересах Америки непосредственно выйти на рынки Китая и Японии, «не вызывала особого энтузиазма со стороны русских властей»². По мере выхода русской телеграфной линии в южном направлении через Кяхту в Китай этот мотив усиливался, одновременно доступность северного прохода телеграфной линии из Америки была сильно переоценена³. Неслучайно работы Телеграфной экспедиции «были прекращены по инициативе российской стороны» (третий параграф), но продолжились работы на юге Сибири. В пособии сообщается, что в 1867 г. были поставлены телеграфные столбы от Верхне-Удинска до Сретенска, и прорубалась просека до Николаевска-на-Амуре. В 1871 г. телеграфная проволока протянулась до Читы, «затем вдоль Шилки и Амура до Александровска и далее под водой до Нагасаки в Японии»⁴. От Японии «телеграфная связь выходила на Гонконг и через Индийский океан, Красное и Средиземное моря в Лондон с продолжением до Петербурга». Кабель, проложенный по дну Атлантического океана (1866), связывал Старый Свет с Соединёнными Штатами. Оценивая этот рукотворный «громоздкий электрический круг», авторы аргументированно пишут о нём как об «информационной революции 19 века»⁵.

Последний раздел пособия «Сибирские исследования П. А. Кропоткина как малоизвестные страницы истории науки» написан с использованием его научных работ, опубликованных в 1873–1876 гг. и 1907 г., а также его исследований, изданных за рубежом в 1904 г. В пособии отмечено, что его «сибирский период деятельности исследовался практически во всех посвященных ему трудах», но «сохраняются лакуны, связанные с

представлением и анализом его научной деятельности»⁶.

В пособии показано не только то, чего он достиг в области картографии (первый параграф), но освещается инструментарий и способ, как он это сделал. Прослеживается путь его научного поиска, прошедший ряд этапов и завершившийся блестящим результатом – пересмотром господствующих представлений о строении горных систем Азии, которые долго держались на научном авторитете всемирно известного А. Гумбольдта. Составление и использование карт – свидетельство «об активном творческом привлечении П. А. Кропоткиным картографического метода в географических исследованиях»⁷.

Во втором параграфе «Геология» показано, что его исследования о ледниковом периоде начались с геологических наблюдений в Забайкалье. После Забайкалья и Сибири он «продолжил полевые наблюдения в Финляндии. Именно они обнаружили неопровержимые следы материкового оледенения»⁸.

В пособии обращено внимание на то, что «во взаимосвязи с возрастом и характером [природных] отложений П. А. Кропоткин нередко затрагивает и «антропологическую» проблему»⁹. Освещению его взглядов по этой проблеме посвящён параграф «Этнография». Кропоткин интересовался находками присутствия первобытного человека на реках Забайкалья и Иркутска, пещерами на р. Лене и на Байкале. Он «отмечал любую вещественную находку, выявленную в стратиграфических разрезах». Наконец, он «был первым из выдающихся обществоведов, непосредственно наблюдавших жизнь сибирских народов»¹⁰. Его работы содержат этнографические наблюдения о бурятах и эвенках, уровень исторического развития которых он определял в соответствии с периодизацией Л. Моргана¹¹. В пособии высказывается вывод, что «благодаря П. А. Кропоткину для последующих поколений исследователей была зафиксирована этнографическая обстановка в Забайкалье 60-х гг., ещё явственно сохранявшая черты родовых отношений, быстро утраченные в последующем»¹².

¹ Постников А.В., Константинов М. В. История и современность: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 83–86.

² Там же. – С. 88.

³ Там же. – С. 81.

⁴ Там же. – С. 89.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 98.

⁷ Там же. – С. 107.

⁸ Там же. – С. 113.

⁹ Там же. – С. 114.

¹⁰ Там же. – С. 115.

¹¹ Там же. – С. 116.

¹² Там же. – С. 117.

Заключение. Авторы не делают в заключительной части пособия каких-либо выводов и обобщений. Они ограничились обещанием подготовить новые пособия с актуальной проблематикой в рамках тематики спецкурса. По всем признакам они рассматривают связь между историей и современностью преимущественно как актуальность исторического труда. Но они пошли несколько дальше. Всем ходом содержания своей работы они сделали ряд «выходов» на современность, в которых проступают исторические корни нынешнего глобального доминирования США и современной информационной революции, даётся ответ на вопрос о правомерности продажи Аляски Соединенным Штатам. На наш взгляд, такие «выходы» исторического повествования на современность представляют собой познавательный (ког-

нитивный) конструкт для последующего её исследования.

Пособие в методическом отношении хорошо проработано: иллюстрировано портретами государственных деятелей и исследователей, каждый раздел оснащён списком литературы и источников, включая на иностранном языке, вопросами для студентов по углублённому изучению курса, а третий раздел – примечаниями.

Издание знакомит студентов с опытом научного поиска, учит добросовестному сбору фактических данных, уважительному отношению к исследованиям предшественников и вызывает чувство гордости за нашу страну. Оно демонстрирует уровень высокой исследовательской культуры и научной добросовестности. Это совершенно иная практика подготовки кадров, чем та, которую мы описали в 2016 г. [15, с. 197].

Список литературы

1. Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 216 с.
2. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: ИОН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. 265 с.
3. Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края (формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX веков). Чита: Экспресс-издательство, 2014. 208 с.
4. Куренная И. Г. Загадка Николая Витсена. К истории картографии Восточного Забайкалья и его столицы. Чита: [б. и.], 2007. 58 с.
5. Куренная И. Г. Становление и развитие картографии забайкальского трансграничья // Приграничное сотрудничество и внешнеполитическая деятельность: История и современность: материалы междунар. науч. конф. (11–15 окт. 2011 г., г. Чита, Россия – г. Маньчжурия, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. С. 23–28.
6. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеполитическая деятельность: История и современность. материалы междунар. науч. конф. (11–15 окт. 2011 г., г. Чита, Россия – г. Маньчжурия, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. С. 48–57.
7. Константинов М. В. Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 105 с.
8. Константинов М. В. Кропоткин Петр Алексеевич // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. С. 151–152.
9. Константинов М. В. Российской государственной границы забайкальский участок // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. С. 527–528.
10. Константинов М. В. Телеграф // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 4. С. 137.
11. Константинов М. В. Амур – Аляска: дипломатическая игра и территориальный раздел // Приграничное сотрудничество и внешнеполитическая деятельность: История и современность. материалы междунар. науч. конф. (11–15 окт. 2011 г. г. Чита, Россия – г. Маньчжурия, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. С. 58–59.
12. Постников А. В. Иностранцы в Забайкалье во второй половине XVIII – начале XIX в. в поисках возможностей торгового и миссионерского проникновения в Цинскую империю из России // Приграничное сотрудничество и внешнеполитическая деятельность: История и современность. материалы междунар. науч. конф. (11–15 окт. 2011 г., г. Чита, Россия – г. Маньчжурия, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. С. 29–43.
13. Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: Ленанд, 2014. 384 с.

14. Postnikov Alexsey, Falk Marvin. Exploring and Mapping Alaska. Russian America Era, 1741–1867 / trans. by Lydia Black; University of Alaska Press // Rasmuson Library Historic Translation. Alaska: Fairbanks, 2015. 450 p.

15. Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в диссертационном исследовании В. Л. Дрындина «Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории» // Гуманитарный вектор. 2016. Т.11, № 4. С. 190–198.

Информация об авторе

Мерцалов Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор; Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 39; mertsalov47@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>.

Для цитирования

Мерцалов В. И. История и современность в учебном пособии профессоров А. В. Постникова и М. В. Константинова // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 142–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-142-152.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

References

1. Postnikov, A. V. Development of Large-Scale Cartography in Russia. M: Nauka, 1989. (In Rus.)
2. Konstantinov M. V. Stone Age of the Eastern Region of Baikal Asia. Ulan-Ude – Chita, 1994. (In Rus.)
3. Konstantinova, N. N. The Boundary of the Midday Region (the Formation and Protection of the Trans-Baikal Border in the Middle of the XVII th – Early XXth Centuries). Chita: Express-publishing house, 2014. (In Rus.)
4. Kurenayaya, I. G. Mystery of Nicholas Witsen. On the History of Cartography of Eastern Transbaikalia and Its Capital. Chita, 2007. (In Rus.)
5. Kurenayaya, I. G. Formation and Development of Cartography of the Transbaikal Region Border. Transborder Cooperation and Foreign Economic Activity: History and contemporaneity: Papers of International Scientific Conference, October 11–15, 2011 (Chita, Russia – Manchuria, China). Editor-in-chief M. V. Konstantinov; Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University. Chita, 2011. Pp. 23–28. (In Rus.)
6. Mertsalov, V. I. Transbaikalia in Geopolitical Space of the Far East (1851–1991). Transborder Cooperation and Foreign Economic Activity: History and contemporaneity: Papers of International Scientific Conference, October 11–15, 2011 (Chita, Russia – Manchuria, China). Editor-in-chief M. V. Konstantinov; Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University. Chita, 2011. Pp. 48–57. (In Rus.)
7. Konstantinov, M. V. Oracles of the Ages. Sketches about the Explorers of Siberia. Novosibirsk: SO RAN, 2002. (In Rus.)
8. Konstantinov, M. V. Kropotkin Petr Alekseevich. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 4 vol. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2006. Vol. III: I–R. Pp. 151–152. (In Rus.)
9. Konstantinov, M. V. Russian State Border the Trans-Baikal section. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 4 vol. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2006. Vol. III: I–R. Pp. 527–528. (In Rus.)
10. Konstantinov, M. V. Telegraph. Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region: in 4 vol. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2006. Vol. IV: C–IA. P. 137. (In Rus.)
11. Konstantinov, M. V. Amur – Alaska: Diplomatic Games and Territorial Exchange. Transborder Cooperation and Foreign Economic Activity: History and contemporaneity: Papers of International Scientific Conference, October 11–15, 2011 (Chita, Russia – Manchuria, China). Editor-in-chief M. V. Konstantinov; Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University. Chita, 2011. Pp. 58–59. (In Rus.)
12. Postnikov, A. V. Foreigners in Transbaikalia in search of opportunities of trade and missionary penetration into the Great Qing Empire from Russia in the second half of 18th century and the beginning of the 19th century. Transborder Cooperation and Foreign Economic Activity: History and contemporaneity: Papers of International Scientific Conference, October 11–15, 2011 (Chita, Russia – Manchuria, China). Editor-in-chief M. V. Konstantinov; Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University. Chita, 2011. Pp. 29–43. (In Rus.)
13. Postnikov, A. V. History of geographical study and mapping of Siberia and the Far East in the XVIIth – early XXth centuries in connection with formation of the Russian-Chinese border. M: Lenand, 2014. (In Rus.)
14. Postnikov Alexsey, Falk Marvin. Exploring and Mapping Alaska. Russian America Era, 1741–1867. Translated by Lydia Black. University of Alaska Press. Rasmuson Library Historic Translation. Fairbanks, 2015. (In Engl.)

15. Mertsalov, V. I. Building and Industrial Management During 1957–1965 Reform in V. L. Dryndin’s Research “Attempts of Reforming Agrarian and Industrial Spheres in the RF (1953 – 1964) in the Context of Russian History Characteristics”. *Humanitarian Vector*, no. 4, pp. 190–198, 2016. (In Rus.)

Information about author

Mertsalov Victor I., Doctor of History, Professor; Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; mercalov47@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5332-7029>.

For citation

Mertsalov V. I. History and Modernity in the Textbook by Professors A. V. Postnikov and M. V. Konstantinov // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 142–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-142-152.

Received: March 10, 2023; approved after reviewing April 19, 2023; accepted for publication April 21, 2023.

Очерк

УДК 378

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-153-163

**Человек интеллектуальной честности: философ, культуролог, логик
(Солонин Юрий Никифорович – учёный
Санкт-Петербургского государственного университета)**

Борис Яковлевич Мисонжников¹, Галина Сергеевна Мельник²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹b.misonzhnikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>,

²melnik.gs@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>

300-летний юбилей Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (февраль 2024 г.) – повод вспомнить замечательных учёных, посвятивших любимому вузу всю свою жизнь. Статья посвящена научному творчеству философа Ю. Н. Солонина, отмеченного вкладом в теорию философии, культурологии, коммуникативистики. Юрий Никифорович родился 5 июня 1941 г. в Тбилиси. Окончив в 1966 г. философский факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова по специальности логика, он остался работать в вузе, до 1980 г. преподавал на философском факультете, а в 1980 г. стал профессором факультета журналистики и с 1985 г. заведующим кафедрой зарубежной журналистики, затем деканом факультета журналистики, а в 1989 г., защитив докторскую диссертацию «Наука как предмет философского анализа», по конкурсу был избран деканом философского факультета. Избирался в Государственную Думу как единственный кандидат от партий «Единство», «Отечество», «СПС» и «Яблоко». В 2005 г. Ю. Н. Солонин стал членом Совета Федерации России, поставив в практическую плоскость вопросы культуры и развития гражданского общества. Круг научных интересов Ю. Н. Солонина практически неисчерпаем. Он обращается не только к истории философии и культуры, но и политической и идеологической жизни российского общества, пишет о роли массмедиа в его развитии. Учёный является прекрасным организатором науки. Ему удалось сохранить лучшие традиции и поддержать научный образовательный статус философии в 90-е гг. Известный учёный стал вице-президентом Российского философского общества и руководил работой первого в отечественной истории Российского философского конгресса в 1997 г. Значимость данной научной публикации заключается в том, что в ней содержатся философские идеи Солонина, которые во многом опережали время, не потеряли актуальности и сегодня могут быть наполнены новыми смыслами.

Ключевые слова: философ, научное творчество, антропология, идеология, профессиональное сознание журналистов, Ю. Н. Солонин, Санкт-Петербург

Essay

**A Man of Intellectual Integrity: A Philosopher, a Culturologist, a Logician
(Solonin Yury Nikiforovich – Scientist of St. Petersburg State University)**

Boris Yu. Misonzhnikov¹, Galina S. Melnik²

^{1, 2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹b.misonzhnikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>,

²melnik.gs@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>

The 300th anniversary of St. Petersburg (Leningrad) State University (February 2024) is an occasion to remember the wonderful scientists who devoted their entire lives to their beloved university. The article is devoted to the scientific work of the philosopher Yu. N. Solonin, noted for his contribution to the theory of philosophy, cultural studies, and communication studies. Yury Nikiforovich was born on June 5, 1941 in Tbilisi. After graduating in 1966 from the Faculty of Philosophy of Leningrad State University, named after A. A. Zhdanov, majoring in logic, he stayed to work at the university, until 1980 he taught at the Faculty of Philosophy, and in 1980 he became a professor at the Faculty of Journalism and Head of the Foreign Press Department, then Dean of the Faculty of Journalism, and in 1989, having defended his doctoral dissertation "Science as a subject of philosophical analysis", was elected dean of the Faculty of Philosophy. He was elected to the State Duma as a single candidate from such parties as the Unity Party of Russia, Fatherland, SPS and Yabloko. In 2005 Yu. N. Solonin became a member of the Federation Council of Russia, putting the issues of culture and the development of civil society

© Мисонжников Б. Я., Мельник Г. С., 2023

on a practical plane. The range of scientific interests of Yury Nikiforovich Solonin is practically inexhaustible. He addresses not only the history of philosophy and culture, but also the political and ideological life of Russian society, the role of mass media in its development. A scientist is an excellent organizer of science. In the 1990s he managed to preserve the best traditions and maintain the scientific educational status of philosophy. The famous scientist became vice-president of the Russian Philosophical Society and led the work of the first Russian Philosophical Congress in Russian history in 1997. The tradition of the Days of St. Petersburg Philosophy, conceived by Yury Nikiforovich as a large-scale scientific event, is still alive. As part of the Days, several international and all-Russian representative conferences are held annually in November. Circle of scientific interests of Yu. N. Solonin is practically inexhaustible. He addresses not only the history of philosophy and culture, but also the political and ideological life of Russian society, writes about the role of mass media in its development. A scientist is an excellent organizer of science. In the 1990s he managed to preserve the best traditions and maintain the scientific educational status of philosophy. The famous scientist became vice-president of the Russian Philosophical Society and led the work of the first Russian Philosophical Congress in Russian history in 1997. The significance of this scientific publication is the fact that it contains the philosophical ideas of Solonin, which were ahead of their time in many respects and have not lost their relevance and today can be filled with new meanings.

Keywords: philosopher, scientific creativity, anthropology, ideology, professional consciousness of journalists, Yu. N. Solonin, St. Petersburg

Введение. Чтобы открывать новые пути в научном познании мира, человек должен обладать способностью к труду, глубокими знаниями, интеллектуальной честностью. Но этого недостаточно. Надо быть ещё личностью, объединяющей такие качества, как преданность науке, умение создать новую концепцию и смело её отстаивать. Философ и культуролог Юрий Никифорович Солонин (1941–2014), вне всякого сомнения, был такой личностью. Его научное творчество отличается, с одной стороны, впечатляющим исследовательским, в том числе и тематическим, разнообразием, а с другой – концептуальной стройностью и системностью, в которой практически нет ничего случайного и немотивированного.

Глубоко впечатляет роль Ю. Н. Солонина как организатора науки. В рамках Дней Петербургской философии, задуманных Юрием Никифоровичем, ежегодно в ноябре проводится сразу несколько международных и всероссийских представительных конференций.

Оценивая деятельность Ю. Н. Солонина, называя его катализатором и инициатором новаторства в научной и учебной деятельности, петербургский профессор С. Н. Иконникова с восхищением писала об организаторских способностях декана философского факультета, в частности, о его умении создать богатую издательскую базу, содержащую многочисленные монографии, научные сборники. Университетская коллекция изданий «отражает все многообразие новых философских книг, становящихся на долгие годы бестселлерами» [1].

Если мы обобщим результаты его деятельности, то увидим научно увлекательный,

Профессор Ю. Н. Солонин

Professor Yu. N. Solonin

неустанный и методичный труд, направленный на достижение главной цели – познание мира и человека, причём в основополагающих, ключевых проявлениях, зачастую критических и драматичных. Философ безошибочно находил методологические подходы в своих исследованиях, и предметом изучения становились важнейшие области антропологии, в первую очередь социальной, культурной и когнитивной. Но учёному необходимо владеть теорией научного познания,

Ю. Н. Солонин – депутат Государственной Думы

Yu. N. Solonin, a deputy of the State Duma

концептуальным категориальным аппаратом для понимания процессов в сфере онтологии, гносеологии, философской антропологии и для выстраивания собственной экзистенциалистской парадигмы.

Методологическим основанием исследования научного творчества Ю. Н. Солонина послужил гуманитарный подход, позволивший проанализировать важнейшие концепции учёного, выросшего в стенах Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета и укрепившего философскую школу вуза. Выбранный для анализа научных текстов Ю. Н. Солонина семантический метод позволил рассмотреть основные этапы развития мировоззрения учёного, динамику его научных взглядов на философию, жизнь и природу.

Результаты исследования. В своей работе в поисках инструментов исследования Юрий Никифорович обращается к логике, науке о законах и формах мышления, сосредоточивает своё внимание, главным образом, на отождествлении варианта точной и непротиворечивой логики. Неслучайно объектом научного интереса Ю. Н. Солонина становится творчество выдающегося математика и философа, представителя

Львовско-варшавской школы логического позитивизма С. Лесневского (в другой транскрипции – Лесьневского, что, однако, противоречит традиции, сложившейся в русской языковой культуре). Творчеству автора формальной теории, известной как «мереология», Солонин посвящает ряд публикаций в журнале «Вестник Ленинградского университета» [2] и в других изданиях. Он обращается к логической системе С. Лесневского, осознавая её общетеоретическую глубину и методологическую перспективность [3].

Дело в том, что многие исследователи, среди которых были такие выдающиеся, как Г. Фреге, Ф. Хаусдорф и Б. Рассел, допускали размытость и нечёткость в интерпретации понятия множеств, постулировали принцип существования так называемого «пустого» множества, и С. Лесневский, упрекая их, по точному выражению Н. Г. Москвицовой, «в невразумительных попытках рассмотрения множеств как объемов понятий» [4, с. 144], строил универсальную логическую теорию, в основу которой были положены его эпистемологические размышления. Логическая система формируется им на основе трёх частей – «прототетики», «онтологии» и «мереологии». В первых двух частях он сфор-

мулировал основы универсальных логик, которые соотносятся с тенденцией развития свободной логики в условиях кризиса классической рациональности. Интересно, что приблизительно в этот же период Н. А. Васильев создаёт теорию «воображаемой» логики, избавляя её от законов противоречия и исключенного третьего. Наступило время развития уникального явления – создания неклассических логик.

Важно то, что Ю. Н. Солонин внимательно изучает творчество С. Лесневского не только в его математическом и логическом аспектах, но и в широком культурологическом, этическом и даже лингвистическом. Ведь Лесневский достаточно подробно обосновывает систему логической семантики, утверждая, в частности, что «все предложения можно подразделить на две группы: на предложения, обладающие символической функцией, и на предложения, не обладающие символической функцией», и на основе этого строит парадигму идентификации «истинных» и «не истинных, или ложных» предложений [5, с. 36]. Логический анализ значения лингвистических единиц, взятых по отдельности, а также в своём единстве образующих предложения как сложные семиотические структуры, становится предметом особого внимания Лесневского. Его интересует, в частности, корреляция семантики предложений с их формальными константами, соотношение семантики языка с факторами деления целого на части, что выразилось в теории мереологии. Лингвистической парадигме Лесневского свойственен в то же время определённый ригоризм в интерпретации прагмалингвистического потенциала, и в связи с этим Ю. Н. Солонин в фундаментальной монографии «Наука как предмет философского анализа (Сциентистская традиция в буржуазной философии науки)» замечает: «Свою собственную модель научного языка Лесневский строит на жёстких номиналистических регламентациях, продиктованных соответствующей онтологической концепцией. Между прочим, она предполагала структуру бытия, образуемую онтологическими сущностями одного-единственного типа – единичными, реально существующими предметами. В языке ему соответствует лингвистический тип – категория имени. Отношения между именами (терминами), образующие осмысленные истинные предложения, являются фактически

аналогом онтологических связей предметов на уровне языка» [6, с. 61–62].

Лесневский отрицал саму возможность слишком вольных в диалектическом отношении истолкований. Так, по мнению Е. П. Агапова, он «подверг резкой критике различные концепции “общих предметов”... Согласно этим концепциям, наряду с отдельными предметами существуют соответствующие им общие предметы, например наряду с отдельными треугольниками треугольники вообще» [7, с. 9]. Но в то же время, несмотря на жёсткие номиналистические регламентации, Лесневский делает значительный шаг вперед. Солонин констатирует: «Возможно, это самая радикальная версия номинализма, которая когда-либо была развита» [8, с. 22]. Используя систему данных регламентаций в процессе прагмалингвистического моделирования и оставаясь в рамках рационалистической научной парадигмы, Лесневский в принципе диалектически интерпретирует корреляцию множества и частного. Швейцарский учёный Д. Мьевиль, рассматривая теорию Лесневского, выделяет в ней положение принципиально важное: «Имя общее никогда не является усредненной идентификацией класса имен индивидуальных» [9, с. 274]. Следует, кроме того, также отметить, что ряд категорий, которые были развиты и, по сути, введены в научный оборот Лесневским, имеют универсальное методологическое значение и применяются не только в логике, но и в других науках, в том числе и в теории массовой коммуникации, в теории отождествления типологического моделирования медиасистем. В этом отношении можно говорить, например, о понятии мереологии.

Концепты и логические модели теорий целостности в осмыслении Солонина. То, что Ю. Н. Солонин в своих более поздних трудах возвращался к наследию С. Лесневского, свидетельствует о том влиянии, которое представитель Львовско-Варшавской школы оказал на петербургского учёного. Так, в аналитическом обзоре «Концепты и логические модели теорий целостности» – а по сути, это не столько обзор, сколько крупный и концептуально завершённый научный труд – Солонин рассуждает о проблеме категории целостности, её аксиологических характеристиках, подчёркивая, что «ценный опыт разработки логического аппарата теории целостности

принадлежит знаменитому польскому логичу и философу мировой известности Станиславу Лесневскому», который «предпринял, возможно, впервые попытку прояснить важнейшую категорию целостной философии – категорию части», хотя он «не смог изложить концепцию и её философские основания с надлежащей полнотой» [8, с. 37, 38, 44].

Мыслитель предлагает понимание реальности как особого рода целостности, все части которой находятся во взаимозависимой упорядоченности, порождаемой взаимодействием между ними на уровне сущностных структурных связей и генетических детерминаций. Он утверждает, что это всегда было присуще человеческому мышлению и наблюдалось уже с момента оформления в мифорелигиозные, а затем философско-научные концепты и представления [10; 11].

Можно утверждать, что логические идеи С. Лесневского, и отнюдь не в последнюю очередь его концепции семантической логики, стали тем фундаментом, на котором во многом зиждилась общая исследовательская методология Ю. Н. Солонина и, в частности, его сциентистские исследования. Это проявилось достаточно отчётливо, например, в рассмотрении натурфилософской концепции И. Канта и её интеграции с естествознанием. В философской традиции натурфилософия занимает особое место, однако относились к ней порой не без настороженности, например, неокантианцы, и процесс корреляции натурфилософии с естествознанием стал предметом научного интереса Ю. Н. Солонина. Мыслитель подчёркивает в этом отношении ценность натурфилософии как резервуара идей возможных альтернативных научных программ в философии культуры. Им был исследован этот процесс и показано, как «натурфилософские идеи Канта вплетались в общую ткань науки XIX в., постепенно освобождаясь от метафизического, спекулятивного элемента» [12, с. 77]. Внимание к проблемам натурфилософии соотносится с темой социокультурных контекстов развития науки, чем Ю. Н. Солонин занимался достаточно серьёзно, однако в 90-е гг. прошлого столетия в условиях драматических событий в стране он, пытаясь найти ответы на вопросы о судьбе общества, обращается к темам культурофилософской компаративистики

и идеологического обоснования духовного творчества. Философа волнуют проблемы не только философской антропологии в широком смысле этого понятия, но, прежде всего, судьба и место человека, оказавшегося в центре трагических событий и переживающих их.

К проблеме национальной идентичности и деантропологизации. В 90-е гг. прошлого столетия Солонин, в условиях тяжелейшего социально-политического и гуманитарного кризиса, который переживала Россия, пытается найти ответы на вопросы экзистенциального порядка, в частности, обращаясь к проблеме национальной идентичности, поскольку распад Советского Союза показал, что национальная идентичность оставалась на столь глубинном уровне, что даже такие славянские народы, как русские, украинцы и белорусы, выделились в национальные государства. Российские события он рассматривает в контексте общемирового цивилизационного процесса и выясняет причины глубокого социального, культурного и духовного неблагополучия, которое поразило человечество. Философ приходит к выводу, что «культурный кризис может разворачиваться на фундаменте вполне процветающей производительной деятельности. <...> Сказанное не преследует цель поставить под сомнение функционально-детерминистическую связь культуры и индустриально-технической основы общества, но указать следует, по крайней мере на то, что уровень потребительской эффективности этой основы – не тот ориентир, который позволяет верно осмыслить культурную ситуацию общества... следует более точно осмыслить культурные последствия деантропологизации производства» [13, с. 105–106].

Именно проблема деантропологизации – и не только, конечно, производства, но всего социума, и, прежде всего, сферы культуры, – остро волнует Ю. Н. Солонина. Он, имея впечатляющий опыт в области научной методологии, культурофилософской компаративистики и логического анализа текста, моделирует, по сути, новую философско-антропологическую парадигму, которая не имеет ничего общего с прежними антропоцентристскими и антропософскими теориями, а рассматривает человека как самодостаточного субъекта социально-естественной среды, творца

исторического процесса. Это важнейшая онтологическая, познавательная, историко-философская роль человека, обусловленная законами диалектического развития мира, и отторжение человека от реализации этой функции становится причиной его личного неблагополучия и возрастающей социальной энтропии. В связи с этим Солонин замечает: «Потеря возможности человеком реализовывать свою важнейшую антропологическую способность непосредственным и потому органично выявляемым образом, вызывает к жизни механизмы культурной компенсации в виде замещающих, эрзацных и онтологически фиктивных видов деятельности, в которых человек представлен своей природной стороной» [13, с. 106]. А это может грозить духовной и нравственной деградацией, обращением к тоталитарным – милитаристским и ультранационалистическим моделям социального поведения. Однако «программы в своих радикальных формах потерпели провал... Таким образом, кризис XX века можно определить как бытие без культурной ориентации» [Там же, с. 112].

Катастрофизм, судьба Отечества и теории борьбы. Несколько лет спустя – а это, напомним, вторая половина 90-х гг. прошлого столетия – Солонин констатирует, что «все величайшие катастрофы человечества, которыми отмечен XX век, не обошли Россию» [14, с. 124]. Ощущение катастрофизма происходящего – вполне естественная реакция философа на события того времени. Солонин размышляет о судьбе Отечества и, вспоминая П. Я. Чаадаева, не без глубокого сожаления говорит: «С острой горечью он отмечал историческое одиночество России, бесперспективность и ненастоящность ее культурного бытия» [Там же, с. 124]. В антропологической концепции Солонина появляются новые акценты, обусловленные экзистенциальным бедствием, которое постигло родную страну. Примечательно, что он видит выход в отказе от былых догм, в диалектическом поиске решения проблемы. Философ указывает: «И еще один момент, еще один стереотип, на который я хотел бы обратить внимание. Мы строим аргументацию таким образом, как будто имеем дело с некоторыми константными величинами. Ведь мы видим, что наше общество сейчас находится в катастрофическом изменении. Однако пытаемся дать ему идеологию так,

как будто оно – некоторая устоявшаяся величина» [Там же, с. 126]. Это предполагает определённый подход и в свете антропологической парадигмы: она трансформировалась кардинальным образом, меняется основа всего сущего: антропология привязана к времени, изменения могут происходить стремительно, и очень важно их увидеть и отождествить. Солонин констатирует: «Мы имеем дело с появлением этнического субстрата, обладающего совершенно новой этнопсихической структурой. И поэтому традиционное русское прошлое – это не его прошлое, могущее стать содержанием памяти этой новой структуры. Мы должны иметь в виду, что новый этнический субстрат руководствуется совершенно иными этническими и психическими инстинктами, чем те, которые были свойственны народу XIX века» [Там же, с. 127].

Философ отмечает появление в культурном пространстве и в недрах российского общества новых процессов и идей, которые определяли конфигурацию мировой истории XX в.: «Их особенностью была выраженная воля перевести самый ток исторического движения в новое русло, подчинить его особым законам, фазам и масштабам измерения» [15, с. 236]. Уже в то время Ю. Н. Солонин увидел заданное трансформациями западных обществ развитие, обозначенное им как «финалистское, тупиковое, несущее в себе гниение общества и культуры» [Там же, с. 237].

Закономерно то, что Ю. Н. Солонин в поисках концептуального решения проблемы энтропийных тенденций, которые становились всё более очевидными в цивилизационных и культурологических системах, в стремлении избавиться от катастрофических проявлений в социуме обращается к наиболее действенным и динамичным феноменологическим категориям, таким как воля, порыв к жизни, творческая свобода. Философа привлекают радикально-революционные и одновременно консервативные модели. Поскольку «мир философии оказался подточенным новыми тенденциями» [16, с. 46], Солонин устремляется вперед, минуя, по сути, тех, кто предложил «философскую увертюру» [Там же, с. 47] конца XIX – начала XX столетия, что выразилось в таких проявлениях, как «дух скепсиса, анархическое бунтарство, эпатаж, томление по сокровенному, порывы в неизведанное и необычное, рождавшее

страсть к экзотике, к разрыву с обыденностью» [16].

Солонина больше интересуют другие категории. Ответы на многие вопросы онтологии современного человека, творчества и экзистенциальной культуры он находит в творчестве немецкого философа и писателя Эрнста Юнгера, который олицетворяет традицию и трагедию модерна, и которому Солонин посвящает фундаментальное исследование. Он манифестирует, по сути, платформу «новой философии»: «Историзм модернизма выражается в смысловых экспликациях категорий катастрофы, метаморфозы, порыва к жизни, воли, власти и подобных им. Эти экспликации фиксировались в теориях борьбы, революции, жертвенности, творческого взрыва, ставших основой новой философии действия, наделенной весьма внушительной суггестивной установкой» [Там же, с. 49]. Эти положения, наполняясь глубоким метафизическим смыслом, стали основой при решении и сугубо эмпирических задач в сфере идеологии и медиапрагматики, которыми Солонин занимался достаточно серьезно, исследуя эмпирический материал.

Новейшие идеологические проекты в интерпретациях Солонины. В области теории идеологии Ю. Н. Солонин обосновывает понятие «политико-идеологического комплекса» как особого института современного государства, контролирующего и направляющего процессы идеологического обеспечения его функционирования, и развивает представление о субинститутах идеологии [17].

Учёный тщательно изучал новейшие идеологические проекты, предполагающие снятие якобы существующих ограничений на проявление социалистического начала в жизни. Размышляя о проблемах современности, неизменно обращал внимание на общую проблему несоответствия нынешнего наличного рационального инструментария задачам, решать которые нас подталкивают обстоятельства. Философ видел в лозунге «больше социализма», выдвигаемом в 80-е гг. не научно-рациональную формулировку, а лишь метафору, лишённую смысла, видел провал идеологии, саму политическую ситуацию в стране рассматривал как кризисную, а выход из неё считал возрождением [18].

Примечательно, что антропологическая концепция Ю. Н. Солонины формировалась

в период, когда он работал на факультете журналистики СПбГУ, и, конечно, его внимание к философской антропологии, её выражение в широком медийном и экзистенциальном аспектах так или иначе не могло не сказаться на исследовательских приоритетах научного коллектива нынешнего Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. Медийные практики, рассмотренные через призму антропологических императивных максим, стали трендом многих современных исследований в области дискурсологии [19].

В этот период внимание учёного сосредоточено на изучении журналистики стран Северной Европы [20] и потенциальных возможностях империалистической пропаганды влиять на формирование массового сознания [21].

Рассматривая обостряющиеся конфликты мировоззрений, учёный анализировал роль и функции журналистики перестройки, которая призвана работать на общество в целом, а не на государственную идеологию. Сравнивая журналистику с другими сферами общественной жизни, он обращал внимание на её способность развиваться по своим законам и подготавливать изменения государственного устройства, когда этого требовали социальные условия [22]. Утверждая, что идеология не тождественна научной теории, а журналистика не может быть тождественна ни идеологии, ни науке, Ю. Н. Солонин, тем не менее, замечал: «вместе с отрицанием государственной идеологии в её негативных проявлениях в постсоветской России случилось отрицание таких критериев оценки мировоззрений, как *объективная истинность и научная обоснованность*» [Там же, с. 28–29].

Феномен профессионализма и «понимающая» журналистика. Обращаясь к теории журналистики, Ю. Н. Солонин подчеркивал её свойства как прикладной общественной дисциплины, основания которой заданы в социологии. Такая односторонняя установка определяется им как социологический сциентизм в журналистике. Противостояние социологии традиционному филологизму «в нарастающей степени обнаруживает свой ограниченный и консервативный характер» [23]. В основе социологического сциентизма в журналистике лежит вера в количественную методологию, которая, на

его взгляд, в самой социологии уже изживается, уступая методологии качественного анализа. Изучая данные социологических исследований в области журналистики, Ю. Н. Солонин подчёркивал, что бесчисленное количество социологических лабораторий проводят малокомпетентные и бесполезные исследования. Принципиальный порок сциентизма в том, что ни один из его вариантов в отдельности или их комбинации «не адекватны типу журналистского сознания и лежащего в его основе воображения. Возможно, следует идти по пути понимающей журналистики» [23, с. 31].

Философ, возглавляющий факультет журналистики СПбГУ, глубоко изучил феномен профессионализма как качества личности журналиста. Размышляя о формировании специалиста для СМИ, он пытается ответить на вопрос, является ли журналист функцией теоретической и практической выучки, лишь дополняемой личностными моментами, или это личность со специфическим видением мира, особыми стратегиями жизненного поведения, нравственным статусом и особой сферой интересов. Философ не видит качественного различия между компетентностями специалиста и журналиста. Одним из важных свойств журналиста он считает воображение, которое понимается им не как один из элементов сознания, а как его состояние, определённое качество или способ соотношения элементов или уровней структуры сознания.

Если воображение не чуждо индивиду как типу личности, оно определяет мотивационную структуру сознания и специфически профессиональное поведение. В структуре профессионального сознания Ю. Н. Солонин выделял несколько уровней: «в первую очередь когнитивно-эвристический, представляющий профессионала в аспекте его квалификации или знания; нормативный (деонтический), определяющий регулятивы профессионального поведения; аксиологический – задающий ценностные установки и параметры профессиональной личности, уровень обыденного поведения и самоопределения личности» [Там же, с. 27].

Такое различие уровней сознания и изучение взаимоотношений позволяет «преодолеть стандартный предрассудок о структурной однородности и одномерной

согласованности профессионального мышления» [Там же].

Главный судья – время. Философ Ю. Н. Солонин неким сакральным образом связан с категорией времени. Вся его философская и культурная концептология, если вдруг окажется оторванной от времени, предстанет чрезмерно метафизичной и даже иррациональной, в ней окажется утраченным основополагающий императив – эстетизм как эстетический эффект авторского философского дискурса. Поразительно то, что временная прагматика учёного, его абсолютно конкретная темпоральность обладает также глубокой метафоричностью, что делает всю систему его мировидения яркой, самобытной и феноменологически разносторонней.

Профессор СПбГУ Е. Г. Соколов в фундаментальной статье, посвящённой философскому наследию Ю. Н. Солонина, выделил те научные направления, в которых Юрий Никифорович сказал своё слово. Е. Г. Соколов подчёркивает: «К одним проблемам он возвращался множество раз на протяжении всей жизни, развивая и конкретизируя ранее уже сказанное, включая в орбиту внимания новые аспекты (имена, теории, данные, дискурсивно-аналитические терминологические стратегии и пр.), к другим же обращался лишь окказионально, повинуясь запросу текущего момента» [24, с. 675]. Вот эти направления: а) наука, знание; б) общество: государство – политика – консерватизм – Россия; в) культура – науки о культуре; г) философия; д) (социальное) бытие философии; е) логика; ё) история философии; ж) антропология [Там же, с. 676–685]. Сюда следовало бы добавить ещё и журналистику. И при этом «язык работ Ю. Н. Солонина не скован догматами академической, научно-гуманитарной речи: изыскан, разнообразен, свободен от вербальных клише, терминологически многовариантен и нестрог, порой замысловат, изобилует вычурными, но неизменно элегантными оборотами-вставками, наконец – нескучен и приятен для чтения, но не настолько, чтобы отвлечь от мысли и смысла. Словом, разительно отличается от того, как изъясняется большинство наших коллег» [Там же, с. 689]. Автор цитируемой здесь статьи сравнивает творчество Ю. Н. Солонина с творчеством известных философов. На наш взгляд, справедливое сравнение, хотя, конечно, главный судья – время.

Список литературы

1. Иконникова С. Н. Хронотоп культуры как основа диалога поколений // *Miscellanea humanitaria philosophiae: очерки по философии и культуре: к 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина*. СПб.: С.-Петербург. филос. общ., 2001. С. 69–74.
2. Солонин Ю. Н. Главные черты логико-математической системы С. Лесневского (1886–1939) // *Вестник Ленинградского университета*. 1969. № 23, Вып. 4. С. 100–103.
3. Солонин Ю. Н. Логические исследования Ст. Лесневского: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.626. Л., 1970. 20 с.
4. Москвицова Н. Г. Логические системы Лесневского // *Логические исследования*. 2012. Т. 18. С. 141–156.
5. Лесневский С. И. Логические рассуждения. СПб.: Тип. А. Смоллинского, 1913. 88 с.
6. Солонин Ю. Н. Наука как предмет философского анализа (Сциентистская традиция в буржуазной философии науки). Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1989. 176 с.
7. Агапов Е. П. Вклад С. Лесневского в формирование семантики: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07. М.: МГУ, 1984. 24 с.
8. Солонин Ю. Н. Концепты и логические модели теорий целостности. Аналитический обзор // *Ценности и смыслы*. 2013. № 1. С. 20–45.
9. Miéville D. Un développement des systèmes logiques de Stanislaw Lesniewski. *Protothétique – Ontologie – Méréologie*. Berne; Francfort–s. Main; New York: Peter Lang, 1984, 475 p.
10. Солонин Ю. Н. Целостность как методологический принцип в культуроведении // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2014. № 4. С. 16–34.
11. Солонин Ю. Н. Концепты и логические модели теорий целостности // *Понятие целостности в логико-методологическом аспекте. Труды научного семинара по целостности*. М.: Этносоциум, 2012. С. 6–35.
12. Солонин Ю. Н. Натурфилософия И. Канта и естествознание XIX века // *Кантовский сборник*. 1983. № 1. С. 72–78.
13. Солонин Ю. Н. Кризис культуры и жизненная перспектива человека XX века // *Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации: сб. науч. тр. / отв. ред. Б. Я. Мисонжников*. СПб.: Фантомы, 1993. С. 105–112.
14. Солонин Ю. Н. Россия в контексте философско-исторических размышлений // *Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса): сб. науч. тр. / отв. ред. Б. Я. Мисонжников*. СПб.: БРИГ-ЭКСПО, 1997. С. 124–127.
15. Солонин Ю. Н., Аркан Ю. Л. Пути России: замечания, полемика и попытка оценки // *Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания*. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 222–239.
16. Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Эрнст Юнгер: опыт первоначального понимания жизни и творчества // *Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры*. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2001. С. 44–76.
17. Юбилей Юрия Никифоровича Солонина // *Вестник Русской христианской академии*. 2011. Т. 12, Вып. 2. С. 9–10.
18. Солонин Ю. Н., Аркан Ю. Л. Пути России: замечания, полемика и попытка оценки // *Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания*. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 222–239.
19. Мисонжников Б. Я. Антропоцентрические максимы медийного дискурса (концептуальный императив профессора Г. С. Мельник) // *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*. 2021. Т. 1, № 1. С. 5–13.
20. Михайлов С. А. Журналистика стран Северной Европы: учеб. пособие. Л.: Изд-во Михайлова В. А., 1990. С. 92–103.
21. Солонин Ю. Н., Коротнева Л. В. Американские «журналы мнений» как органы империалистической пропаганды и формирования массового сознания // *Литература и журналистика США. Аннотирован. указат. / под ред. Я. Н. Засурского*. М.: МГУ, 1987. С. 18–19.
22. Солонин Ю. Н. Журналист и его сознание: в защиту профессионализма (к феноменологии профессионального мышления) // *Журналист. Пресса. Аудитория: межвуз. сб. Л.: ЛГУ, 1991. С. 19–29*.
23. Солонин Ю. Н. Сознание журналиста как научная проблема (к феноменологии профессионального мышления) // *Средства массовой информации в формировании нового мышления: материалы науч.-практ. конф. (Ленинград, 19–20 апреля 1989 г.) / науч. ред. М. И. Холмов*. Л.: ЛГУ, 1989. С. 31–32.
24. Соколов Е. Г. Деконструкция дисциплинарной ортодоксии. К 80-летию Ю. Н. Солонина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2021. Т. 37, Вып. 4. С. 672–693. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.408>.

Информация об авторах

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Вклад авторов в статью

Б. Я. Мисонжников – разработка концепции, анализ текстов.

Г. С. Мельник – анализ текстов, оформление статьи.

Для цитирования

Мисонжников Б. Я., Мельник Г. С. Человек интеллектуальной честности: философ, культуролог, логик (Солонин Юрий Никифорович - ученый Санкт-Петербургского государственного университета) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 153–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-153-163.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 17.04.2023.

References

1. Ikonnikova, S. N. The chronotope of culture as the basis for the dialogue of generations. *Miscellanea humanitaria philosophiae: Essays on philosophy and culture. Thinker's series, Issue. 5. To the 60th anniversary of Professor Yuri Nikiforovich Solonin.* St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 69–74, 2001. (In Rus.)
2. Solonin, Yu. N. The main features of the logico-mathematical system by S. Lesnevsky (1886–1939). *Bull. Leningrad. University*, no. 23, issue 4, pp. 100–103, 1969. (In Rus.)
3. Solonin, Yu. N. Logical research Art. Lesnevsky: Cand. diss. philosophy sciences. abstr. L., 1970. (In Rus.)
4. Moskvitsova, N. G. Logical systems of Lesnevsky. *Logical researches*, v. 18, pp. 141–156, 2012. (In Rus.)
5. Lesnevsky, S. I. Logical reasoning. St. Petersburg: A. Smolinsky Printing House, 1913. (In Rus.)
6. Solonin, Yu. N. Science as a subject of philosophical analysis (scientist tradition in the bourgeois philosophy of science). L.: Publishing house Leningrad. un, 1989. (In Rus.)
7. Agapov, E. P. The contribution of S. Lesnevsky to the formation of semantics: Cand. sci. diss. philosopher. abst. M: MGU, 1984. (In Rus.)
8. Solonin, Yu. N. Concepts and logical models of integrity theories. Analytical review. Values and meanings, no. 1, pp. 20–45, 2013. (In Rus.)
9. Miéville, D. Un développement des systèmes logiques de Stanislaw Lesniewski. *Protothétique – Ontologie – Méréologie.* Berne; Francfort–s. Main. Europäische Hochschulschriften. European University Studies. Publications Universitaires Européennes; New York: Peter Lang Séri, v. 164, 1985. (In French)
10. Solonin, Yu. N. Integrity as a methodological principle in cultural studies. *Ethnosocium and interethnic culture*, no. 4, pp. 16–34, 2014. (In Rus.)
11. Solonin, Yu. N. Concepts and logical models of integrity theories. The concept of integrity in the logical and methodological aspect. Proceedings of the scientific seminar on integrity. M: Ethnosocium, pp. 6–35, 2012. (In Rus.)
12. Solonin, Yu. N. Natural philosophy of I. Kant and natural science of the 19th century. Kant's collection, no. 1, pp. 72–78, 1983. (In Rus.)
13. Solonin, Yu. N. The crisis of culture and the life perspective of a person of the twentieth century. In Misonzhnikov B. Ya., editor, *Humanitarian sciences: from the experience of theoretical interpretation: Sat. scientific tr.* St. Petersburg: JSC "Phantoms", pp. 105–112, 1993. (In Rus.)
14. Solonin, Yu. N. Russia in the context of philosophical and historical reflections. Ed. by Misonzhnikov B. Ya. *Logos, society, sign (to the study of the problem of the phenomenology of discourse): Sat. scientific tr.* St. Petersburg: OOO Vystavoch. red. complex "BRIG-EXPO", pp. 124–127, 1997. (In Rus.)
15. Solonin, Yu. N., Arkan, Yu. L. Ways of Russia: remarks, controversy and an attempt to evaluate. In Partsvania V. V., editor. *Perspectives of a person in a globalizing world.* St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 222–239, 2003. (In Rus.)
16. Dudnik, S. I., Solonin, Yu. N. Ernst Junger: the experience of the initial understanding of life and creativity. Paradigms of historical thinking of the twentieth century. *Essays on modern philosophy of culture.* SPb: St. Petersburg Publishing House. Philosophy Society, pp. 44–76, 2001. (In Rus.)

17. Op. Quoted from: Anniversary of Yuri Nikiforovich Solonin. Bulletin of the Russian Christian Academy, v.12, issue 2, pp. 9–10, 2011. (In Rus.)
18. Solonin, Yu. N., Arkan, Yu. L. Ways of Russia: remarks, controversy and an attempt to evaluate. Ed. by Partsvania V. V. Perspectives of a person in a globalizing world. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 222–239, 2003. (In Rus.)
19. Misonzhnikov, B. Ya. Anthropocentric maxims of media discourse (the conceptual imperative of Professor G. S. Melnik). Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature, v. 1, no. 1, pp. 5–13, 2021. (In Rus.)
20. Journalism of the countries of Northern Europe. Journalism of Western European countries. Proc. Allowance, Leningrad, pp. 92–103, 1990. (In Rus.)
21. Solonin, Yu. N., Korotneva, L. V. American “journals of opinions” as organs of imperialist propaganda and the formation of mass consciousness. Ed. by Zasursky Ya. N. Literature and Journalism of the USA. Annotated. Moscow State University, 1987. Pp. 18–19. (In Rus.)
22. Solonin, Yu. N. Journalist and his consciousness: in defense of professionalism (to the phenomenology of professional thinking). Journalist. Press. Audience: Interuniversity. Sat. L.: Leningrad State University, issue. 4, pp. 19–29, 1991. (In Rus.)
23. Solonin, Yu. N. The consciousness of a journalist as a scientific problem (to the phenomenology of professional thinking). Ed. by Kholmova M. I. Mass media in the formation of new thinking: Proceedings of scientific and practical. conference (Leningrad, April 19–20, 1989). Leningrad State University, 1989. Pp. 31–32. (In Rus.)
24. Sokolov, E. G. Deconstruction of disciplinary orthodoxy. To the 80th anniversary of Yu. N. Solonin. Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology, v. 37, issue. 4, pp. 672–693, 2021. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.408> (In Rus.)

Information about author

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia; b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Melnik Galina S., Doctor of Political Sciences, Professor; St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia; g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Contribution of authors to the article

B. Ya. Misonzhnikov – concept development, text analysis.

G. S. Melnik – text analysis, article design.

For citation

Misonzhnikov B. Ya., Melnik G. S. A Man of Intellectual Integrity: A Philosopher, a Culturologist, a Logician (Solonin Yury Nikiforovich – Scientist of St. Petersburg State University) // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 153–163. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-153-163.

**Received: April 10, 2023; approved after reviewing May 15, 2023;
accepted for publication May 27, 2023.**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7 (3022) 35–24–79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80 %.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e. g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e. g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e. g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e. g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e. g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35–24–79